

СЛУЖБА ПРЕДПРИЯТИЯ

Менеджер по продажам

В сентябре 1961 г. Кришнамурти провёл в Париже 9 бесед. Книга " Беседы в Париже" — сборник текстов этих бесед, дополненных сентябрьскими записями из "Записных книжек Кришнамурти".

В приложении "Джидду Кришнамурти", "Беседы Кришнамурти" отмечены, в частности, особенности и самих бесед Кришнамурти, и чтения текстов этих бесед.

Джидду Кришнамурти
БЕСЕДЫ В ПАРИЖЕ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Разговаривать о чём-то серьёзном, я думаю, всегда трудно, и тем более на этих встречах, где вы говорите по-французски, а я, к сожалению, должен говорить по-английски. Но мне кажется, что мы сможем общаться с достаточной ясностью и пониманием, если не будем оставаться на чисто словесном уровне. Слова предназначены для того, чтобы что-то сообщать, передавать, сами по себе слова не имеют большого значения. Но, боюсь, большинство из нас остаётся на уровне слов, и поэтому общение сильно затрудняется, поскольку то, о чём мы хотим поговорить, принадлежит, помимо словесного уровня, также интеллектуальному и эмоциональному уровню. Мы нуждаемся в общении, всеобъемлющем, целостном; для этого требуется целостный подход — вербальный, эмоциональный, интеллектуальный. Поэтому давайте предпримем совместное путешествие, будем двигаться вместе и рассмотрим наши проблемы со всех сторон, хотя это и чрезвычайно трудно.

Прежде всего, ведущий беседу говорит не как индус, и он не представляет Восток — хотя он и родился, может быть, в определённом месте и имеет некоторый паспорт. Наши проблемы — это человеческие проблемы, поэтому они не имеют границ; они не индийские, не французские, не русские, не американские. Мы пытаемся понять всю человеческую проблему целиком — и слово «понять» я использую во вполне определённом смысле. Одно лишь употребление слов не даст понимания, и понимание — не вопрос согласия или несогласия. Если мы хотим понимать то, что говорится, нам надо рассматривать это без предубеждённости, не сомневаясь или соглашаясь, а действительно слушая.

К тому же слушание, которое есть своего рода искусство, требует определённого состояния спокойствия мозга. У большинства из нас мозг непрерывно активен, постоянно давая отклик на вызов слова, идеи или образа, и этот постоянный процесс отклика на вызов не приносит понимания. Понимание достигается мозгом, который очень спокоен. Мозг, в конечном счёте, это инструмент, который думает, реагирует; мозг — кладовая памяти, результат времени и опыта, и не может быть никакого понимания, если этот инструмент постоянно возбуждён, реагирует, сравнивая то, что говорится с тем, что уже накоплено. Слушание, если можно так сказать, — это не процесс принятия, осуждения или интерпретации, а полное всестороннее рассмотрение факта. Для этого мозг должен быть спокойным, но так же и очень живым, способным воспринимать правильно и разумно, а не сентиментально или эмоционально. Только тогда мы и сможем подходить к вопросам человеческого существования как к целостному процессу, а не фрагментарно.

Как знает большинство из нас, делами нашими правят, к несчастью, политики. Повидимому, сама наша жизнь зависит от небольшого числа политиков — французских, английских, русских, американских, индийских; и это очень печально. Но таковы факты. Политика же волнует только близкие, неотложные дела — его страна, его положение, его политика, его националистические идеалы. И как результат, возникают неотложные проблемы войны, конфликта между Востоком и Западом, коммунизма, борющегося с капитализмом, и социализма, противопоставляющего себя всем остальным формам автократии, так что самая насущная, неотложная проблема — это проблема войны и мира, и как манипулировать нашими жизнями, чтобы не быть раздавленными этими гигантскими историческими процессами.

Но, думаю, было бы очень жаль, если бы мы ограничились только непосредственными, неотложными заботами: положением французов в Алжире, что может произойти в Берлине, будет ли война и как нам действовать, чтобы выжить. Это проблемы, которые навязываются нам газетами, пропагандой; но я думаю, что гораздо важнее разобраться в том, что происходит с

человеческим мозгом, с человеческим умом. Если нас будут занимать лишь текущие события, а не всё развитие человеческого ума, человеческого мозга в целом, наши проблемы будут расти и множиться.

Мы можем видеть, как наш разум, наш мозг стал механичным — разве это не так? Мы подвергаемся влиянию со всех сторон. Всё, что мы читаем, оставляет свой отпечаток, и любая пропаганда оставляет свой след; мысль только повторяет, и поэтому мозг и ум стали механичными, подобными машине. Мы механически выполняем свою работу, отношения друг с другом у нас механические, а наши ценности всего лишь традиционны. Электронные машины — почти то же самое, что человеческий ум, только мы немного изобретательнее, поскольку мы их сделали, но они функционируют так же, как мы, посредством реакции, повторения и памяти. И похоже, всё, что нас интересует, это как заставить механизм, который коренится в привычке и в традиции, работать более гладко, без нарушений; и это, возможно, станет концом человеческой жизни. Всё это не подразумевает — не так ли? — никакой свободы, здесь только поиски безопасности. Богатые жаждут безопасности, и азиатские бедняки, которые едят всего раз в день, тоже хотят безопасности. Отклик человеческого ума на эти несчастья — чисто механический, привычный, лишённый заинтересованности.

Поэтому настоящий вопрос, несомненно, таков: как освободить мозг и ум? Ведь если нет свободы — нет и творчества. Есть механические изобретения, полёты на луну, отыскание новых средств передвижения; но это не творчество, это изобретательность. Творчество есть лишь тогда, когда есть свобода. Свобода — не просто слово; слово есть нечто, совершенно отличное от действительного состояния. Свобода не может быть превращена в идеал, так как идеал — это просто отсрочка. Поэтому в ходе этих бесед я хочу обсудить вопрос о том, можно ли освободить ум и мозг. Просто сказать, что это возможно или это невозможно, — бесполезно; но мы можем выяснить это для себя сами путём эксперимента, самопознания, исследования, интенсивного поиска. Это требует способности рассуждать, чувствовать, порывать с традицией, разрушать все стены, возведённые человеком для собственной безопасности. Если вы не готовы сделать это с самой первой беседы и до последней, я думаю, вы зря тратите время, приходя сюда. Проблемы, стоящие перед нами, — очень серьёзные; это проблемы страха, смерти, амбиции, авторитета, медитации и так далее. Каждая проблема требует подхода с точки зрения фактов, а не эмоционально, интеллектуально, сентиментально. Требуется точность мышления, огромная энергия, чтобы довести каждое исследование до самого конца и раскрыть суть вещей. Это, видимо, совершенно обязательно.

Если мы наблюдаем не только внешние события в мире, но и то, что происходит внутри нас самих, мы обнаруживаем, что мы — рабы определённых идей, рабы авторитета, не правда ли? Веками пропаганда формировала из нас христиан, буддистов, коммунистов — или что там ещё. Но чтобы выяснить истину, мы, безусловно, не должны принадлежать ни к какой религии вообще. Очень трудное дело — вообще не становиться приверженцем какого-либо образа действий или образа мыслей. Не знаю, пытались ли вы когда-нибудь не принадлежать ни к чему, отказались ли вы полностью от традиционного признания Бога — это не значит стать атеистом, что так же глупо, как и верить, — это отвергнуть влияние церкви со всей её пропагандой двух тысяч лет.

Нелегко отбросить, что вы француз, индеец, русский или американец; это, может быть, ещё труднее. Достаточно легко что-то отвергнуть, если вы знаете, к чему вас приведёт отрицание, но это просто переход из одной тюрьмы в другую. Но если вы отвергаете все тюрьмы, не зная, куда это приведёт вас, вы остаётесь совсем одни. И мне представляется, что безусловно необходимо остаться совсем одному, свободному от всяких влияний, ибо только тогда мы можем выяснить для себя, что истинно, и не только в этом мире повседневного существования, но и за пределами

ценностей этого мира, за пределами мысли и чувства, за пределами измеримого. Только тогда мы узнаем, существует ли реальность за пределами пространства и времени; а такое открытие и есть творчество. Но чтобы узнать, что истинно, необходимо это состояние одиночества, свободы. Вам не уйти далеко, если вы к чему-то привязаны — к своей стране, к своим традициям, к своему привычному образу мышления. Это всё равно, что быть привязанным к кольшкву.

Итак, если вы хотите выяснить, что истинно, вам необходимо порвать все узы и исследовать не только внешнее, свои отношения с людьми и с вещами, но и внутреннее, а это означает познание самого себя; и не только поверхностно, в бодрствующем сознании, но и в бессознательных, скрытых уголках мозга и ума. Это требует постоянного наблюдения; и если вы будете наблюдать, то увидите, что нет никакого реального разделения на внешнее и внутреннее, ибо мысль, подобно приливу и отливу, течёт как вовне, так и внутрь. Всё это единый процесс самопознания. Вы не можете просто так отбросить внешнее, вы ведь не есть нечто отдельное от мира. Мировая проблема — ваша проблема, а внешнее и внутреннее — две стороны одной медали. Отшельники, монахи, так называемые религиозные люди, отвергающие мир, просто бегут со своими дисциплинами, суевериями в мир собственных иллюзий.

Мы видим, что внешне не свободны. В своей работе, в своей религии, в своих странах, в своих отношениях с нашими жёнами, мужьями, детьми, в своих идеях, убеждениях и политической деятельности — мы не свободны. Внутренне мы так же не свободны, поскольку не знаем, каковы наши мотивы, наши стремления, наши импульсы, подсознательные побуждения. Так что свободы нет ни внешне, ни внутренне, и это факт. Но прежде всего мы должны увидеть этот факт, а большинство из нас отказывается его видеть; мы его приукрашиваем, прикрываем его словами, идеями, и прочее. Факт то, что как психологически, так и внешне мы хотим безопасности. Внешне мы хотим быть уверенны в своей работе, в своём положении, в своём престиже, в своих отношениях; и внутренне мы хотим той же безопасности; если же одна крепость рушится, мы перебираемся в другую.

Так вот, осознавая ту чрезвычайно сложную ситуацию, в которой функционируют мозг и ум, как можно прорваться через всё это? Надеюсь, мне удалось обрисовать тупик, в котором мы оказались. Вопрос таков: смотрим ли мы когда-нибудь на этот факт прямо, встречаем ли его в действительности лицом к лицу? Факт в том, что мозг и ум всё время ищут безопасности в любой форме, а где есть жажда безопасности, там всегда страх. Мы никогда не смотрим этому факту в лицо, мы или говорим, что это неизбежно, или спрашиваем, как избавиться от страха. Тогда как если мы способны встретить факт лицом к лицу, не пытаясь бежать, интерпретировать или трансформировать его, тогда факт действует сам собой.

Не знаю, заходили ли вы так далеко психологически, заходили ли так далеко в своих экспериментах; похоже, большинство из нас не осознаёт, до каких глубин наш ум, наш мозг сделался механичным; мы не спрашиваем себя, можно ли встретить этот факт лицом к лицу, посмотрев на него со всей интенсивностью.

Пожалуйста, давайте поймём очень чётко, что я не собираюсь вас в чём-либо убеждать; это было бы чересчур несерьёзно. Мы здесь не занимаемся пропагандой — это можно предоставить политикам, церквям и прочим людям, которые торгуют. Мы не продаём новых идей, потому что идеи не имеют значения; мы можем развлекаться идеями интеллектуально, но они никуда не ведут. Что важно, что имеет смысл, так это увидеть факт; а фактом является то, что на протяжении веков наш ум, всё наше существо сделалось механичным. Всякая мысль механична, и чтобы осознать этот факт и выйти за его пределы, нужно сначала увидеть, что это так.

Далее, как человек вступает в контакт с фактом эмоционально? Интеллектуально я могу сказать, что знаю, что пью и что пить очень плохо с физической и эмоциональной и

психологической точек зрения, и всё же я продолжаю пьянствовать. Но вот войти в контакт с этим фактом эмоционально — совсем другое дело. Тогда сам эмоциональный контакт с фактом проявляет своё собственное действие. Вы знаете, бывает так, что когда вы очень долго ведёте машину и впадаете в сонливость, вы говорите: "Я должен проснуться", но продолжаете ехать. Потом, когда вы проезжаете в опасной близости к встречному автомобилю, внезапно возникает непосредственный эмоциональный контакт — вы сразу же просыпаетесь, съезжаете на край дороги и отдыхаете. Случалось ли вам когда-нибудь так же внезапно увидеть факт и войти с ним в контакт целиком и полностью? Видели ли вы когда-нибудь цветок по-настоящему? Я сомневаюсь, потому что мы на самом деле на цветок не смотрим; что мы на самом деле делаем, так это сразу начинаем классифицировать его, давать ему название, называть его «розой» нюхать его, говорить, какой он красивый, а затем откладывать его в сторону как уже известное. Называние, классификация, мнение, суждение, выбор — всё это мешает вам смотреть на него по-настоящему.

И точно также, для того, чтобы можно было войти в эмоциональный контакт с фактом, не должно быть ни называния, ни занесения в какую-либо категорию, ни суждения; необходимо прекращение всякого мышления, всех реакций. Только тогда вы можете смотреть. Попробуйте иногда смотреть на цветок, на ребёнка, на звезду, дерево или что пожелаете, без всего этого процесса мышления — и вы увидите гораздо больше. Тогда уже нет никакой завесы из слов между вами и фактом, и потому есть непосредственный контакт с ним. Оценивать, осуждать, одобрять, заносить в какую-нибудь категорию — этому нас учили веками; и осознание всего этого процесса есть начало видения факта.

В настоящее время вся наша жизнь скована временем и пространством, и безотлагательные проблемы затягивают нас. Наша работа, наши отношения, проблемы ревности, страха, смерти, старости и так далее — всё это заполняет нашу жизнь. Способен ли ум, мозг вырваться из всего этого? Я говорю, что способен, потому, что я экспериментировал с этим, погружался в самые глубины этого и прорвался через это. Но вы, вероятно, не можете принять мои слова, потому что такое принятие не имеет смысла. Единственное, что имеет смысл для вас, это тоже предпринять такое путешествие, но для этого с самого начала нужна свобода, нужна потребность выяснить — не принимать, не сомневаться, а выяснить, понять. Когда вы глубоко вникните в этот вопрос, вы увидите, что ум может быть свободным; и только такой свободный ум может открыть то, что истинно.

Может быть, некоторые из вас хотели бы задать вопросы о том, что мы говорили. Знаете ли, обсуждать, задавать вопросы — довольно трудно. Чтобы задать правильный вопрос, нужно знать свою проблему. Большинство же из нас не знает своих проблем; мы скользим по поверхности, не затрагивая истинной проблемы, и потому задаём неверные вопросы. Если мы сможем вести обсуждение правильно, я думаю, это будет некоторым развлечением; человек больше учится, играя с подлинной проблемой, чем будучи ужасно серьёзным в вещах поверхностных, что происходит с большинством людей.

Участник беседы: Как войти в контакт с фактом эмоционально?

Кришнамурти: Для того, чтобы быть с чем-то в прямом контакте, требуется целостный подход, а не просто интеллектуальный, эмоциональный или сентиментальный. Это требует полноты понимания, постижения.

Участник беседы: Разве не нужно быть внимательным к двойственному процессу, который идёт в нас всё время, и разве это не самопознание?

Кришнамурти: Мы употребили слова «внимательный», "двойственность" и «самопознание». Давайте рассмотрим эти три слова одно за другим, потому что если мы не поймём этих трёх слов, мы не сможем общаться друг с другом.

Что означает быть «внимательным»? Прошу вас, послушайте это, я же не просто придираюсь к мелочам, а хочу быть уверенным, что мы оба одинаково понимаем слова, которые употребляем. Вы можете придавать им одно значение, а я другое. Для меня, когда человек отдаёт всё своё внимание, в этом нет ни концентрации, ни исключения. Вы знаете, как школьника, которому хочется выглянуть в окно, заставляют смотреть в книгу, но это не внимание. Внимание — это видение того, что происходит за окном, а так же и того, что происходит перед вами. Наблюдать без исключения — очень трудное дело.

Далее, что вы понимаете под "двойственным процессом"? Мы знаем, что есть двойственный процесс хорошего и плохого, ненависти и любви и так далее; и быть внимательным к этому очень трудно, не так ли? Почему мы создаём и поддерживаем этот двойственный процесс? Существует ли он в действительности, или это только изобретение ума с целью уклониться от факта? Скажем, я склонен к насилию, или я ревнив, и это меня беспокоит, мне это не нравится; поэтому я говорю, что не должен быть ревнивым, склонным к насилию, а это — бегство от факта, не правда ли? Идеал — изобретение ума, чтобы избежать того, что есть, и отсюда двойственность. Но если я полностью воспринимаю тот факт, что я ревнив, то никакой двойственности нет. Прямое восприятие факта подразумевает, что я вникаю во всю эту проблему насилия и ненависти, и либо нахожу, что мне всё это нравится, и тогда конфликт должен продолжаться, либо осознаю всё с этим связанное и тогда свободен от конфликта.

Далее, что мы понимаем под «самопознанием»? Что значит "познать себя"? знаю ли я себя? Является ли «я» чем-то статичным, неподвижным, или это то, что постоянно меняется? Могу ли я знать себя? Знаю ли я свою жену, своего мужа, своего ребёнка, или я знаю только образ, который создал мой ум? В конечном счёте, я не могу знать живое, я не могу свести живое к формуле; всё, что я могу, — это следовать за ним, куда бы оно ни вело, а если я следую за ним, я никогда не могу сказать, что я его знаю. Таким образом, познание себя означает наблюдение за собой, за всеми своими мыслями, чувствами, мотивами, и нет никогда ни одного мгновения, когда можно сказать: "Я знаю". Вы можете знать только то, что статично, мертво.

Так что вы видите, какие трудности связаны с тремя словами, включёнными в этот вопрос, — «внимание», "двойственность" и «самопознание». Если вы сможете понять эти слова и пойти дальше, за их пределы, вы будете знать весь смысл прямой встречи с фактом.

Участник беседы: Существуют ли способы ум успокоить?

Кришнамурти: Прежде всего, когда вы задаёте этот вопрос, осознаёте ли вы возбуждённость своего ума? Осознаёте ли вы, что ваш ум никогда не бывает спокоен, непрерывно болтает? Это факт. Ум беспрестанно говорит о чём-то или болтает с самими собой — он всё время активен. Почему человек задаёт такой вопрос? Пожалуйста, обдумайте это вместе со мной. Если потому, что вы частично осознаёте эту болтливость и хотите от неё спрятаться, вы с таким же успехом можете принять какое-нибудь лекарство или пилюлю и отправит ум спать. Но если вы исследуете и действительно хотите выяснить, почему ум болтает, проблема совсем другая. Одно дело — прятаться, уклоняться, другое — наблюдать болтовню ума до самого конца.

Итак, почему ум болтает? Под «болтовнёй» мы понимаем — не так ли? — что он всегда чем-то занят: радио, своими проблемами, своей работой, своими видениями, своими эмоциями, своими мифами. Далее, почему он этим занят? — и что было бы, если бы он не был занят? Пробовали ли вы когда-нибудь быть не занятым? Если попробуете, то увидите, что в момент, когда ум не занят, появляется страх; ибо это означает, что вы один. Если вы видите, что заняться вам нечем, то это довольно болезненное переживание, не так ли? Были ли вы когда-нибудь одни? Сомневаюсь в этом. Вы можете гулять в одиночестве, сидеть в одиночестве в автобусе или в комнате, но ваш ум всегда занят, ваши мысли всегда с вами. Прекращение занятости означает открытие, что вы совершенно одни, в изоляции, а это ужасно, и потому ум продолжает болтать,

болтать, болтать.

5 сентября 1961

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Я хотел бы обсудить с вами вопрос авторитета и свободы. И я хотел бы вникнуть в него очень глубоко, потому что чувствую, как важно понять всю анатомию авторитета.

Итак, прежде всего, я хотел бы отметить, что не собираюсь дискутировать академически, поверхностно, на уровне слов; но если мы действительно серьёзны, думаю, сам факт правильного слушания ведёт не только к пониманию, но так же к немедленной свободе от авторитета. Время не освобождает ум ни от чего. Свобода возможна только тогда, когда имеется прямое восприятие, полное понимание, без усилий, без противоречий, без конфликта. Такое понимание немедленно освобождает ум от любой обременяющей его проблемы. Если мы исследуем проблему, если мы проследим, чтобы ум рассмотрел её полностью, целостно, мы освободимся от этого бремени.

Не знаю, задумывались ли вы достаточно глубоко над вопросом авторитета. Если сделаете это, вы поймёте, что авторитет уничтожает свободу, он подавляет творчество, порождает страх, и он на самом деле искажает всё мышление. Авторитет предполагает приспособление, подчинение, подражание, не так ли? Существует не только внешний авторитет полисмена, закона, — он в какой-то степени понятен, — но и внутренний авторитет знания, опыта, традиции, следование стереотипам, которые устанавливаются обществом, учителем в отношении того, что делать, как вести себя, и так далее.

Мы собираемся полностью заняться вопросом понимания внутреннего, психологического авторитета; психикой, создающей и поддерживающей форму, стереотип авторитета ради собственной безопасности.

Вас не удивляет, что на протяжении веков люди полагались на других в определении форм своего поведения? Мы хотим, — не так ли? — чтобы нам говорили, что делать, как себя вести, что думать, как действовать при определённых обстоятельствах. Поиск авторитета постоянен, потому что большинство из нас боится сделать неверный шаг, боится неудачи. Вы поклоняетесь успеху, а авторитет обещает успех. Если вы будете следовать определённым правилам поведения, если вы будете дисциплинировать себя соответственно определённым идеям, говорят вам, вы со временем обретёте спасение, успех, свободу. Для меня идея, что дисциплина, контроль, подавление, подражание, конформизм могут когда либо привести к свободе, абсолютно абсурдна. Ясно, что вы не можете, уродуя ум, выкручивая, загоняя в форму, найти в этом процессе свободу. Эти вещи несовместимы, они исключают друг друга.

Так почему человеческий ум и мозг всё время ищут стереотипа, шаблона, чтобы ему соответствовать? И должен сказать, что мои объяснения бесполезны, не имеют никакого смысла вообще, если вы — каждый из вас — не осознаёте своей склонности следовать, следовать идее или учителю. Но если объяснение действительно пробуждает в вас осознание состояния собственного ума, тогда слова имеют смысл. Итак, откуда это стремление следовать? Не является ли оно результатом желания иметь уверенность, желания безопасности? Несомненно, желание безопасности и есть мотив, основа этого желания следовать. А это означает — не так ли? — ощущение или мнение, будто через успех, через соответствие или подчинение чему-то вы избегаете всякого страха. Но существует ли такая вещь, как внутренняя безопасность? Ясно, что сами поиски безопасности означают страх. Внешне, может быть, нужно иметь определённую степень безопасности — дом, еду три раза в день, одежду и так далее; но внутренне — существует ли какая-нибудь безопасность? Вы можете быть уверены в своей семье, в своих отношениях? Вы не осмеливаетесь ставить это под вопрос, не так ли? Вы принимаете, что это так, это стало традицией, привычкой; но в тот момент, когда вы действительно сомневаетесь в

своих отношениях с мужем, женой, ребёнком, соседом, само это сомнение становится опасным.

Все мы в той или иной форме ищем безопасности; а для этого нужен авторитет. И потому мы говорим, что есть Бог, который, если всё остальное откажет, станет нашей последней защитой. Мы цепляемся за всяческие идеалы, надежды и верования, которые обеспечат нам постоянство теперь и на все времена. Но существует ли такая вещь, как безопасность? Думаю, каждый из нас должен открыть, очень стараться и ясно понять, существует ли такая вещь, как безопасность.

Внешне, сегодня едва ли имеется какая-либо безопасность. Всё так быстро меняется: технически — появляются новые изобретения, атомные бомбы; социально — внешние революции, особенно в Азии, угроза войны, коммунизма и прочее. Но угрозы нашей внутренней безопасности возбуждают в нас гораздо большее сопротивление. Если вы верите в Бога или в какую-то форму внутреннего постоянства, сломать эту веру почти невозможно. Никакая атомная бомба не разрушит вашу веру, так как в ней вся ваша надежда. Мы принимаем — каждый из нас — какой-либо определённый образ мыслей, и, похоже, для нас не важно, истинен он или ложен, есть ли в нём какой-то реализм или разумность; мы его приняли и мы за него держимся.

Таким образом, прорыв через всё это, выявление истины в этом вопросе означает гораздо более значительную революцию, чем любая коммунистическая, социалистическая или капиталистическая революция. Это означает начало свободы от авторитета и подлинное открытие, что нет такой вещи, как внутреннее постоянство, безопасность. Следовательно, это означает открытие, что ум всегда и во всех случаях должен пребывать в состоянии неуверенности, неопределённости. А мы боимся неопределённости, не правда ли? Мы считаем, что мозг, пребывающий в состоянии неопределённости, должен выйти из строя, впасть в болезненное состояние. К сожалению, имеется великое множество умственных расстройств из-за того, что люди не могут найти безопасности. Их сорвало с якоря, они лишились своих убеждений, идеалов, фантазий, мифов и это сделало их умственно больными. Ум, искренне сомневающийся, по-настоящему неуверенный, не имеет страха. Только ум, который боится, ум, который следует чему-то и за чем-то, нуждается в авторитете. Можно ли увидеть всё это и отбросить авторитет и страх полностью, совершенно?

А что мы подразумеваем под видением? Является ли видение просто результатом интеллектуального объяснения? Помогут ли вам объяснения, рассуждения, здравая логика увидеть тот факт, что всякий авторитет, послушание, принятие, соответствие, подчинение уродуют ум? С моей точки зрения это очень важный вопрос. Видение не имеет ничего общего со словами, объяснениями. По-моему, вы можете что-то увидеть непосредственно, без всяких словесных убеждений, аргументов или интеллектуальных рассуждений. Если вы устраните убеждение, влияние — потому что всё это очень несерьёзно, по-детски — тогда что помешает вам увидеть и тем самым сразу же стать свободным? Для меня видение есть мгновенное, непосредственное действие, оно не от времени. А потому и свобода от авторитета не принадлежит времени; это не вопрос, который решался бы заявлением: "Я непременно буду свободен". Но до тех пор, пока вы получаете удовольствие от авторитета, пока вы находите, что следовать чему-то привлекательно, вы не позволяете немедленному разрешению проблемы стать действительно необходимым, жизненно важным.

Факт в том, что большинству из нас нравится власть — власть жены над мужем или мужа над женой, власть способности, ощущение, что вы умнее, власть, которую даёт дисциплина и контроль над телом. Любая форма власти есть авторитет, будь это власть диктатора, политическая власть, религиозная власть или господство одного человека над другим. Власть — это абсолютное зло, почему же мы не можем увидеть этого просто и прямо? Я называю видением полное понимание, в котором нет никаких колебаний, лишь полнейший отклик. Что

мешает этому полному отклику?

Здесь возникает вопрос об авторитете опыта, знания, не так ли? В конце концов, чтобы попасть на луну, построить ракету, необходимо научное знание; накопление знания мы называем опытом. Внешне нам необходимы знания. Вы должны знать, где вы живёте, вы должны уметь строить, собирать вещи, разбирать их на части. Такое внешнее знание является поверхностным, механическим, просто накопительным процессом всё большего и большего узнавания. Но получается так, что это знание и опыт становятся нашим внутренним авторитетом. Мы можем отвергнуть внешний авторитет как несерьёзный, внешний авторитет — такой, как принадлежность к определённой нации, к группе, к семье, привязанность к определённому обществу с его особыми манерами, кодексами и всей этой ерундой; но отбросить опыт, который человек накопил, авторитет накопленного им знания чрезвычайно трудно.

Я не знаю, углублялись ли вы вообще в эту проблему, но если вы это сделаете, то увидите, что ум обременённый, отягощённый знанием и опытом, — это не свежий ум, не молодой ум; это ум старый, увядающий, он не может свободно, полностью, всеобъемлюще встретиться с чем-то живым. В сегодняшнем мире, в наши дни, новый ум, свежий ум, молодой ум действительно необходим и внешне и внутренне, чтобы справиться со всеми нашими проблемами — не с какой-то специфической проблемой науки, политики, медицины и тому подобного, а со всей человеческой проблемой. Старый ум изношен, изуродован; ум молодой видит быстро, без искажений, без иллюзий. Это острый, решительный ум, не заключённый в пределы накопленного знания, не скованный опытом, переживаниями прошлого.

В конце концов, что такое эти переживания, придающие нам ощущения благородства, мудрости и превосходства? Переживание, безусловно, есть отклик нашей накопленной подосновы на вызов. Отклик обусловлен этой накопленной подосновой, так что каждое переживание укрепляет эту подоснову. Если вы ходите в церковь, принадлежите к определённой секте или религии, то вы имеете переживания, грёзы, видения, соответствующие этой подоснове, и это только укрепляет её, не так ли? И эта обусловленность, эта религиозная пропаганда, будь она двухтысячелетнего возраста или совсем недавняя, формирует ваш ум и она влияет на отклик вашего мозга. Вы не можете отрицать эти влияния; они есть. Коммунистические и социалистические, католические, протестантские, индуистские — десятки и сотни влияний постоянно, сознательно или бессознательно, проникают в ваш ум, формируя его, контролируя его. Итак, переживание не освобождает ум, не делает его молодым, свежим и невинным. Необходимо полное разрушение всей подосновы.

Понимание этого — не вопрос времени. Если вы собираетесь понять каждое влияние в отдельности, вы умрёте задолго до того, как поймёте их все. Но если вы сможете понять одно влияние всесторонне, полностью, вы уничтожите все формы влияния. Но чтобы понять это одно влияние, вам нужно исследовать его насквозь, полностью. Просто сказать, что оно плохое или хорошее, благородное или низменное — бессмысленное дело. Но чтобы исследовать его полностью, нужно не бояться. Углубляться в весь этот вопрос авторитета очень опасно, не так ли? Быть свободным от авторитета, значит призывать опасность, но никто не хочет жить в неопределённости, в неуверенности. Но уверенный ум — это мёртвый ум; лишь неуверенный ум является молодым, свежим.

Итак, понимание авторитета и внешнего и внутреннего, не вопрос времени. Полагаться на время — одна из величайших ошибок, величайших помех. Время — это отсрочка, откладывание. Это означает, что мы получаем удовольствие от чувства безопасности, от подражания чему-то, от следования за кем-то или чем-то, что на самом деле мы говорим только: "Пожалуйста, не беспокойте меня — я ещё не готов к беспокойству". Я не понимаю, почему не надо вас беспокоить. Что в этом плохого? На самом деле, когда вы желаете, чтобы вас не беспокоили, вы

призываете беспокойство. Но человек, который хочет исследовать, не зависимо от того причиняет это беспокойство, или нет, свободен от страха перед беспокойством. Я знаю, что некоторые из вас при этом улыбаются, но это слишком серьёзное дело, чтобы улыбаться. Это факт, что никто из нас не хочет беспокойства. Мы поддались силе привычки и попали в узкую колену, интеллектуальную, эмоциональную или идеологическую, и мы не хотим, чтобы нас беспокоили. Всё, что мы хотим в своих отношениях, и во всём прочем, это жить комфортабельной, спокойной, уважаемой буржуазной жизнью. И желание быть нереспектабельным, не-буржуазным — это то же самое.

Так вот, если вы слушаете, применяя к себе, вы увидите, что свобода от авторитета, вовсе не устрашающая вещь. Это всё равно, что сбросить тяжёлую ношу. Ум сразу претерпевает невероятную революцию. Для человека, который не ищет безопасности ни в какой форме, никакого беспокойства не существует; идёт непрерывное движение понимания. Если этого не происходит, это означает, что вы не слушаете, не видите; вы лишь занимаетесь тем, что принимаете или отвергаете некий набор объяснений. Поэтому для вас было бы очень интересно выяснить для себя, каков ваш истинный отклик.

Участник беседы: Несёт ли ум в самом себе элементы своего собственного самопонимания?

Кришнамурти: Думаю, что несёт, разве не так? Что мешает пониманию? Не те ли препятствия, которые созданы самим умом? Следовательно, как понимание, так и препятствия, помехи ему, являются элементами ума.

Послушайте, сэр, для того, чтобы жить с чувством неопределённости, неуверенности, сомнения и при этом не заболеть психически, требуется очень много понимания. Одним из главных препятствий для этого является — не так ли? — то, что я настаиваю на необходимости для себя иметь внутреннюю безопасность и уверенность. Я понимаю, что во внешнем мире не существует никакой безопасности и уверенности; поэтому внутренне ум создаёт для себя защиту в убеждении или веровании, в боге, в идее. Это мешает человеку по-настоящему выяснить, открыть для себя, существует внутренняя безопасность или нет. Таким образом, ум сам творит своё собственное рабство, и в нём же есть элементы, являющиеся основой его собственного освобождения.

Участник беседы: Почему свободный человек не бывает обеспокоен?

Кришнамурти: Правильный ли это вопрос? Ведь вы ничего не знаете о свободном человеке, так что вопрос этот чисто спекулятивный. Если вы извините меня за такие слова, этот вопрос не имеет смысла ни для меня, ни для вас. Но вот если вы поставите вопрос иначе: "Почему я беспокоюсь", тогда вопрос имеет смысл, и на него можно ответить правильно. Так почему же возникает беспокойство, когда мой муж отворачивается от меня, когда кто-то умирает, при неудаче, при ощущении, что я не имею успеха в жизни? Если вы действительно вникните во всё это до самого конца, вы увидите всю суть этого дела.

Участник беседы: Всегда ли вера в Бога основана на страхе?

Кришнамурти: Почему вы верите в Бога? Зачем вам это нужно? Волнует ли вас вера в Бога, когда вы счастливы или лишь тогда, когда у вас впереди неприятности? Не потому ли вы верите, что были приучены к этому? В конце концов, нам в течение двух тысяч лет говорили, что существует Бог; а в коммунистическом мире ум приучают не верить в Бога. Но это одно и то же, в обоих случаях ум подвергся влиянию. Слово «Бог» не есть Бог, и действительно открыть для себя, есть ли Бог, бесконечно более важно, чем связывать себя с верой или неверием. Но открытие этого для себя требует огромной энергии — энергии, позволяющей прорваться сквозь все верования, что, конечно, не означает состояния атеизма или сомнения. Но вера — очень удобная вещь, и очень немногие люди согласны на внутренние потрясения. Вера не приведёт вас

к Богу. Никакой храм, никакая церковь, никакой ритуал не приведут вас к реальности. Эта реальность существует, но чтобы узнать это, вам необходим гигантский ум. Мелкий, ничтожный ум способен найти только мелких, ничтожных богов. Поэтому, чтобы выяснить, что является реальным, мы должны быть согласны потерять всю нашу респектабельность, всю нашу веру.

Я не думаю, что вы можете слушать дальше. Если вы слушали лениво, только слова, вы, без сомнения, могли бы продолжать ещё пару часов. Но если вы слушали правильно, внимательно, с ощущением глубокого проникновения, тогда и десяти минут достаточно, ибо за это время вы смогли разрушить барьеры, которые создал для себя ум, и открыть, что истинно.

7 сентября 1961

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Мне представляется, что большинство из нас, так или иначе, хотят мира. Много говорят о нём политики, во всех странах это их любимая тема, любимое слово. Каждый из нас тоже хочет мира. Но мне кажется, что мир, которого хотят люди, это скорее убежище; мы хотим найти какое-то состояние, в котором ум может укрыться, и мы никогда не задумываемся над тем, можно ли фактически прорваться через все наши конфликты и тем самым прийти к подлинному миру. Поэтому я хотел поговорить о конфликте, поскольку, мне кажется, если бы удалось покончить с конфликтом — фундаментально, глубоко, внутренне, глубже уровня сознательного ума, — мы, может быть, обрели бы мир.

Мир, о котором я говорю, это не тот мир, которого ищут ум и мозг, это нечто совсем иное. Думаю, он будет очень беспокойным фактором, этот мир, ибо он очень творческий, а потому и очень разрушительный. Чтобы прийти к такому пониманию мира, весьма важно для нас, как мне кажется, понять конфликт, потому что не вникнув в эту проблему конфликта фундаментально, радикально, в самой её основе, мы не сможем иметь мира — ни внешнего, ни внутреннего, — сколько бы мы его ни искали, как бы мы к нему ни стремились.

Чтобы разговаривать о чём-то друг с другом — не как лектор и аудитория, потому что такие отношения абсурдны, — нужно чтобы вы и я думали и чувствовали на одном и том же уровне, вели исследование с одной и той же точки зрения. Если вы и я вместе сможем углубиться в вопрос конфликта и проявим при этом огромное рвение и энергию, тогда мы, возможно, придём к миру, полностью отличному от того, который пытается найти большинство из нас.

Конфликт возникает тогда, когда есть проблема, не так ли? Проблема подразумевает конфликт — конфликт приспособления, старания понять, старания от чего-то избавиться, найти ответ. У большинства из нас есть множество проблем — социальных, экономических, проблем отношений, конфликта идей и так далее. Эти проблемы остаются нерешёнными, не так ли? Фактически, мы никогда не продумываем их до самого конца и не освобождаемся от них, мы продолжаем день за днём, месяц за месяцем, через всю жизнь нести любую проблему, как груз, отягощающий ум и сердце. Мы, похоже, неспособны наслаждаться жизнью, быть простыми, потому что всё, к чему мы прикасаемся, — любовь, Бог, отношения и всё что угодно, — сводится в конце концов к опасной и беспокойной проблеме. Если я привязан к человеку, это становится проблемой, и тогда я хочу узнать, как мне отстраниться от него. А если я люблю, то вижу, что в этой любви присутствует ревность, беспокойство и страх. И не будучи в состоянии разрешить свои проблемы, мы несём их с собой, чувствуя свою неспособность найти решение.

Далее, есть ещё соперничество, которое также порождает проблемы. Соперничество — это подражание, стремление стать таким же, как кто-то другой. Существует образец Иисуса, образец героя, святого, соседа, который больше преуспел, и есть ещё внутренний образец, принятый вами для себя, которому вы стараетесь следовать, по которому вы стараетесь жить. Так что соперничество порождает множество проблем.

Есть ещё стремление к реализации. Каждый хочет тем или иным путём реализовать себя — через семью, жену, мужа, ребёнка. И если пойти немного дальше, существует желание реализовать социально, написав книгу, став в чём-то знаменитым. Когда есть это стремление реализовать, чем-то стать, тогда есть и разочарование, а с разочарованием приходит скорбь. Тогда возникает проблема, как избавиться от скорби и всё же реализовать. И раз уж мы попадаем в этот порочный круг, то всё становится проблемой и конфликтом.

И мы приняли конфликт как неизбежное; его даже считают достойным уважения и необходимым для эволюции, роста, для того чтобы чем-то стать. Нам кажется, что если бы не

было соперничества и конфликта, мы стали бы загнивать, деградировать, поэтому мы постоянно оттачиваем себя ментально и эмоционально, сражаясь, находясь в вечном конфликте с собой, со своими ближними и с миром. Это не преувеличение, это факт. И я думаю, мы все знаем, какое ужасное бремя этот конфликт.

Таким образом, мне представляется, что насущный вопрос в том, видите ли вы подлинную важность свободы от конфликта — но не для того, чтобы достичь чего-то другого. Можно ли вообще быть *per se*, самому по себе, — так, чтобы ум уже никогда и ни при каких обстоятельствах не был в конфликте? В настоящее время мы не знаем, возможно это или нет. Мы знаем только то, что мы в конфликте, знаем связанные с этим страдания, чувство вины, отчаяние, безнадёжность и горечь современного существования; это всё, что мы знаем.

Так как же человеку узнать, но не на словах, интеллектуально или чисто эмоционально, а действительно открыть, можно ли быть свободным? Как к этому подойти? Несомненно, без полного понимания конфликта на всех уровнях сознания мы не можем освободиться от него и понять, что есть истина. Ум, подпавший под власть конфликта, пребывает в смятении. И чем напряжённость конфликта больше, тем более продуктивна деятельность. Вы, должно быть, замечали, как писатели, ораторы и так называемые интеллектуалы постоянно производят теории, философские концепции, объяснения. И если у них есть какой-то талант, то чем больше напряжение и отчаяние, тем больше они производят, — и мир называет их великими писателями, великими ораторами, великими религиозными лидерами, и всё такое прочее.

Но если присмотреться внимательнее, можно, без сомнений, увидеть, что конфликт искажает, извращает; он по самой своей сути — смятение, он разрушителен для ума. Если бы человек действительно это увидел — без всяких утверждений, что конфликт соперничества неизбежен, что на нём держится общественное устройство, что он вам необходим и так далее, — тогда, думаю, наше отношение к проблеме было бы совсем иным. Вот что, я думаю, главное: видеть не интеллектуально, на словесном уровне, а действительно быть в контакте с фактом. С момента рождения и до момента смерти идёт эта непрерывная борьба, и внутри нас и вовне; и можем ли мы на самом деле увидеть тот факт, что конфликт неразумен? Что даёт человеку энергию, жизненную силу, чтобы войти в эмоциональный контакт с фактом?

Вы видите, что нас веками учили жить в конфликте, принимать его или находить пути бегства от него. И как вы знаете, есть бесчисленные пути бегства — в пьянство, к женщинам, в церкви, к Богу, к интеллектуализму, к знанию, к тому, чтобы включить радио, к обжорству. И мы также знаем, что ни один из этих путей не решает проблему конфликта, они только усиливают её. Но согласны ли мы увидеть факт, что никакого способа бегства не существует? Я думаю, что наиглавнейшая трудность в том, что мы изобрели так много вариантов бегства, что сделались неспособными посмотреть на этот факт прямо.

Поэтому нужно поглубже вникнуть в вопрос сознательного и бессознательного бегства. Думаю, способы сознательного бегства выявить достаточно просто. Вы сознательны — ведь так? — когда вы включаете радио, или когда идёте в воскресенье в церковь, ведя всю неделю жестокую, полую честолюбия и зависти, безобразную жизнь. Но гораздо труднее выяснить, что представляют собой скрытые, бессознательные способы бегства.

Я хотел бы немного углубиться во всю эту проблему сознания. Сознание в целом сформировано действием времени, не так ли? Сознание — результат тысячелетий опыта, расовых, культурных и социальных влияний прошлого и передаётся семье и индивиду посредством образования и тому подобного. Совокупность всего этого и есть сознание; и если вы начнёте изучать свой ум, вы обнаружите, что в сознании всегда присутствует двойственность — наблюдающий и наблюдаемое. Я надеюсь, что это не слишком сложно. У нас не класс психологии и не психоаналитические интеллектуальные забавы. Мы говорим об актуальном,

живом переживании, в которое вам и мне нужно войти по собственной воле, если мы не хотим остаться на чисто словесном уровне.

Конфликт во всём сознании неизбежен, пока в нём имеется разделение на мыслящего и мысль. Это разделение порождает противоречие, а где есть противоречие, там должен быть конфликт. Мы знаем — не так ли? — что мы противоречивы — и внешне и внутренне. Внешнее противоречие присутствует в наших действиях, в желании жить одним образом и в вовлечённости в деятельность совсем иного рода; а внутренне, психологически, противоречие заключено в наших мыслях, чувствах, желаниях. Чувство, мысль, желание, воля и слово составляют совокупность нашего сознания, и в этой совокупности всегда есть противоречие, поскольку всегда есть разделение — на цензора, наблюдающего, который всё время сидит, ждёт, изменяет, подавляет, и на чувство или мысль, над которыми эти действия производятся.

Если человек сам вник в эту проблему — не благодаря книгам, философиям и чтению всего того, что сказали другие и что является всего лишь пустыми словами, а действительно глубоко и настойчиво и не выбирая, не отрицая и не принимая, — тогда он вынужден увидеть тот факт, что всё сознание является состоянием противоречия, ибо всегда есть мыслящий, воздействующий на мысль, и это вращивает бесконечные проблемы.

Так что возникает вопрос: неизбежно или нет это разделение сознания? Существует ли вообще отдельный мыслящий или сама мысль создала «мыслящего», чтобы иметь центр стабильности, из которого можно мыслить и чувствовать?

Видите ли, если хочешь понять конфликт, во всё это нужно вникнуть, тщательно разобраться. Недостаточно сказать: «Я хочу избежать конфликта». Если это всё, чего мы хотим, вполне можно принять лекарство, транквилизатор, это довольно просто и дёшево. Но если человек хочет вникнуть в это действительно глубоко и полностью искоренить все источники конфликта, ему нужно исследовать всё сознание целиком — все тёмные уголки своего ума и сердца, тайные убежища, где скрывается противоречие. Глубокое понимание возможно лишь тогда, когда человек начинает задаваться вопросом, почему существует это разделение между мыслящим и мыслью? Вы должны спросить, существует ли мыслящий вообще или есть только мысль? И если есть только мысль, почему существует этот центр, из которого исходит всякая мысль?

Можно увидеть — не так ли? — почему мысль создала этот центр в виде «я», эго, — название его не важно, если вы понимаете, что это и есть центр, из которого исходит всякая мысль. Мысль жаждет неизменности, постоянства, и видя, что её собственные проявления изменчивы, непостоянны, она создаёт центр, эго. И тогда возникает противоречие.

Чтобы действительно всё это видеть, не только воспринимать слова, нужно прежде всего отвергнуть все способы бегства — отсечь, подобно хирургу, всякую форму бегства. Это требует интенсивного осознания, в котором нет ни выбора, ни привязанности к приятным способам бегства и уклонения от неприятных. Это требует энергии, постоянной бдительности, потому что мозг так привык убежать, что бегство стало более важным, чем действительный факт, от которого он бежит. Но только когда все способы бегства полностью отвергнуты, можно встретиться с конфликтом лицом к лицу.

Тогда, если человек настолько продвинулся, если он физически, интеллектуально и эмоционально отверг любую форму бегства, что тогда происходит? Существует ли тогда проблема? Конечно, именно бегство создаёт проблему. Когда вы больше не соперничаете со своим ближним, не стремитесь реализоваться, не пытаетесь изменить то, что есть вы, во что-то другое, — есть ли тогда конфликт? Тогда вы действительно способны увидеть факт того, чем вы являетесь, чем бы он ни оказался. Тогда нет суждения о плохом и хорошем. Тогда вы — то, что вы есть. И сам этот факт действует; нет никакого «я», воздействующего на факт.

Всё это действительно весьма интересно, если заниматься этим по-настоящему. Возьмите ревность. В большинстве своём мы ревнивы, завистливы, в острой или вялой форме. Когда вы действительно видите, что ревнивы, не отрицая, не осуждая этого, что тогда происходит? Что тогда ревность — просто слово, или же факт? Надеюсь, вы следите за этим, потому что, видите ли, слово имеет необычайную важность для большинства из нас. Слово «Бог», слово «коммунист», слово «негр» обладают огромным эмоциональным, воздействующим на нервы содержанием. Точно также слово «ревность» уже давит. Если же отбросить слово, остаётся только чувство. Оно — факт, не слово. Но чтобы смотреть на чувство без слова, нужна свобода от всякого осуждения или оправдания.

Как-нибудь, когда вы ревнуете или сердитесь или — особенно — когда вы чем-то наслаждаетесь, посмотрите, можете ли вы отличить слово от чувства, слово для вас важно или же чувство. Тогда вы обнаружите, что в видении факта без слова есть своё действие, не являющееся интеллектуальным процессом; действует сам факт — и потому нет противоречия, нет конфликта.

Действительно, очень удивительно открыть для себя, что есть только мышление и нет мыслящего. Тогда вы увидите, что можно жить в этом мире без противоречий, поскольку тогда человеку нужно очень мало. Если ему нужно очень много — сексуально, эмоционально, психологически или интеллектуально, — имеет место зависимость от другого; а когда имеется зависимость, существует противоречие и конфликт. Когда ум освобождается от конфликта, из этой свободы рождается совсем иной род движения. Слово «мир», как мы знаем, неприменимо к нему, потому, что для нас это слово имеет множество разных значений, в зависимости от человека, который его употребляет, будь то политик, священник или кто-нибудь другой. Это не тот мир, который обещают вам на небесах после смерти, ни в какой церкви его не найти, и его не найти ни в какой идее или же в поклонении какому-либо богу. Он появляется с полным прекращением всего внутреннего конфликта, а это возможно только тогда, когда нет потребностей. Тогда нет потребности даже в Боге. Есть лишь безмерное движение, неподвластное никакому воздействию.

Участник беседы: Как можно, не уничтожая и не подавляя желание, дать ему свободу; и если смотреть на желание без осуждения, исчезает ли желание?

Кришнамурти: Прежде всего, у нас есть идея, что желание дурно, потому что желание порождает разные формы конфликта и противоречия. В человеке множество желаний, тянущих его в разных направлениях. Это факт: у нас есть желания, и они вызывают конфликт. Вопрос таков: как жить с желанием, сохраняя его жизненную интенсивность и не уничтожая его? Если человек уступает желанию, то когда он реализует его, оказывается, что в самой этой уступке заключена боль разочарования. Я не хочу приводить примеры, потому что объяснение на конкретном примере искажает понимание желания в целом.

Прежде всего, нужно увидеть очень ясно, что каждая форма осуждения желания означает просто уклонение от понимания его. Если этот факт ясен, возникает вопрос: что делать с желанием? Вот оно, пылающее и жгучее. До сих пор мы осуждали его, принимали его или наслаждались им; и в самом наслаждении им присутствует боль. В его подавлении и в контроле над ним также есть боль. Но если человек не осуждает и не оценивает его, тогда оно здесь и пылает, и что же с ним делать? Однако приходит ли когда-нибудь человек к такому состоянию? В этом состоянии вы и есть желание — уже нет вас и желания как двух отдельных вещей.

Всегда бывает так — не правда ли? — что мы хотим заставить неприятные желания исчезнуть, а приятные удержать. Я утверждаю, что это совершенно неправильный подход. Я спрашиваю: "Можете ли вы смотреть на желание, не осуждая, не судя, не выбирая между разными желаниями?" Когда-нибудь вы это делали? Я сомневаюсь.

Чтобы понять смысл желания, чтобы жить с ним, понимать его, действительно смотреть на него без всякого суждения, требуется огромное внутреннее терпение. Не думаю, что когда-либо вы это делали. Но если попробуете, то увидите, что тогда нет никакого противоречия, никакого конфликта. Тогда желание имеет совсем другой смысл. Тогда желание может быть жизнью.

Но пока вы говорите: «Желание — это неправильно» или «Желание — это правильно», «Следует ли мне уступить ему?» — самим этим процессом вы создаёте разделение между вами и желанием, поэтому конфликт неизбежен. Чтобы прийти к пониманию, необходимо внимательно исследовать себя, исследовать спокойно, глубоко, спрашивая и выясняя, почему вы осуждаете, что вы ищете. Тогда в ходе этого внутреннего исследования, в котором вообще нет никакого выбора, вы откроете, что можете жить с желанием и что оно имеет совсем другой смысл. Чтобы с чем-то жить, вам нужна энергия, жизненность, а этой энергии не остаётся, когда вы всё время осуждаете, судите. Жить с желанием — значит открыть состояние, в котором противоречия нет совсем. Это значит, что тогда есть любовь, любовь без ревности, без ненависти, без всякого искажения. И воистину замечательно узнать это для себя.

Участник беседы: Что вы имели в виду, когда говорили в прошлый раз, что мы должны быть обеспокоенными?

Кришнамурти: Пожалуйста, не смотрите на меня, как на авторитет, это было бы ужасно. Но вы сами можете увидеть, что желание не испытывать беспокойства — одно из главных наших желаний. И вполне возможно, что ум, мозг, когда он прекратит свою беспрестанную трескотню, обнаружит внутри себя огромное беспокойство. Вы сами видите, что ваш ум всё время занят — женой, мужем, сексом, национальностью, Богом, тем, где вам достать еду в следующий раз и всем прочим. Пробовали ли вы когда-либо узнать, почему он занят, и что было бы, если бы он не был занят? Тогда вы столкнулись бы с чем-то, о чём вы никогда не думали, и это может оказаться чрезвычайно беспокоящим фактом. Оно и есть беспокоящий факт. Эта постоянная занятость ума может оказаться простым способом бегства от факта безмерного одиночества, пустоты. И вам придётся увидеть это беспокойство и внимательно его рассмотреть, вникнуть в него.

10 сентября 1961

БЕСЕДА ЧЕТВЁРТАЯ

В прошлый раз мы говорили о желании и о конфликте, который вырастает из желания; мне хотелось бы продолжить эту тему, а также поговорить о потребности, страсти и любви, поскольку я думаю, что всё это связано. Если мы сможем исследовать всё это глубоко и основательно, то, может быть, сможем понять весь смысл желания. Но прежде чем мы сможем понять желание, со всеми его конфликтами и мучениями, я думаю, нам нужно понять вопрос потребности.

Мы, несомненно, нуждаемся в определённых внешних вещах, вроде одежды, крова, пищи. Они абсолютно необходимы всем. Но мне интересно, нуждаемся ли мы действительно в чём-либо ещё? Психологически, существует ли действительно какая-то нужда в сексе, в славе, в неудержимом импульсе честолюбия и в постоянном желании иметь всё больше и больше? В чём мы нуждаемся психологически? Мы полагаем, что нуждаемся во множестве вещей, и отсюда исходят все печали зависимости. Но если рассмотреть всё это действительно глубоко, нуждаемся ли мы действительно в чём-то внутренне, психологически? Думаю, стоит серьёзно задать самим себе такой вопрос. Психологическая зависимость в отношениях с другим, потребность в общении с другим, потребность приобщиться к какой-то форме мышления и деятельности, потребность реализоваться, стать знаменитым — эти потребности всем нам известны, и мы всё время им подчиняемся. И я думаю, было бы важно, если бы мы, каждый из нас, попытались выяснить, каковы действительно наши потребности и в какой степени мы зависим от них. Потому что без понимания потребности, мы не сможем понять желание, не сможем понять страсть, а потому и любовь. Богат человек или беден, он всё равно нуждается в пище, одежде, крыше над головой, хотя эта потребность может быть ограниченной, малой или преувеличенной. Но помимо этого, нуждаемся ли мы в чём-либо вообще? Почему наши психологические потребности стали такими важными, стали такой принудительной движущей силой? Не являются ли они способом бегства от чего-то более глубокого?

Выясняя всё это, мы не занимаемся анализом. Мы стараемся выявить факт, точно увидеть то, что есть, а для этого не нужно никакого анализа. Что мы хотим сделать, так это увидеть для себя, что представляют собой наши психологические потребности, — а не объяснять их, не рационализировать их, не говорить: «Что я буду делать без них? Они мне нужны». Все эти вещи закрывают дверь к дальнейшему исследованию. И очевидно, что дверь столь же плотно закрыта, когда исследование идёт только на словесном, интеллектуальном или эмоциональном уровне. Дверь открывается лишь тогда, когда мы хотим встретиться с фактом лицом к лицу, а для этого не требуется огромного интеллекта. Для того, чтобы понять очень сложную проблему, вам нужен простой и ясный ум, но простоты и ясности нет, когда у вас множество теорий и вы пытаетесь избежать встречи с сутью дела.

Итак, вопрос следующий: почему мы так настоятельно нуждаемся в реализации, почему мы так безжалостно честолюбивы, почему секс приобрёл такую огромную важность в нашей жизни? Дело не в качестве или количестве потребностей человека, будь они максимальны или минимальны, а в том, почему существует эта настоятельная потребность реализоваться, в семье, в репутации, в положении и в прочем, со всеми связанными с этим хлопотами, разочарованиями и несчастьями, — которую общество поощряет, а церковь благословляет?

Так вот, если вы рассмотрите всё это, отбросив поверхностные реакции, вроде: «Что со мной было бы, если бы я не преуспел в жизни?», — то я думаю, вы увидите, что здесь есть гораздо более глубокий элемент, представляющий собой страх "не быть", страх полной изоляции, пустоты, одиночества. Оно здесь, глубоко скрытое, это ужасное ощущение тревоги,

этот страх оказаться отрезанным от всего. Вот почему мы цепляемся за любые формы отношений. Вот почему существует эта потребность принадлежать к чему-то, к культуре, к обществу, заниматься определённого рода деятельностью, держаться некоторой веры; потому что таким путём мы бежим от той реальности, которая фактически существует глубоко внутри. Конечно, именно этот страх вынуждает ум, мозг, всё существо отдаться какому-то варианту веры или отношений, которые затем становятся потребностью, необходимостью.

Не знаю, заходили ли вы в этом исследовании настолько далеко, не на словах, но фактически. Это означает выяснить для себя и встретить лицом к лицу тот факт, что человек — абсолютное ничто, что он внутренне пуст, как раковина, покрытая массой украшений в виде знаний, опыта, которые фактически только слова, объяснения. Для того, чтобы взглянуть этому факту в лицо без отчаяния, без ощущения того, как он ужасен, и просто быть с ним, нужно прежде всего понять потребность. Если мы поймём смысл потребности, она не будет иметь власти над нашим умом и сердцем.

Мы вернёмся к этому позже, а теперь давайте продолжим рассмотрение желания. Мы знаем — не так ли? — желание, которое противоречит само себе, мучает, тянет в разные стороны, мы знаем боль, хаос, тоску желания, а также дисциплину и контроль. И в вечной борьбе с ним мы искажаем его до полной неузнаваемости, но оно всё равно здесь, всё время следящее, ждущее, подталкивающее. Делайте что хотите, — сублимируйте его, бегите от него, отвергайте или признавайте его, давайте ему полную свободу оно всегда здесь. И мы знаем, что религиозные учителя и прочие говорят, что нам следует не иметь желаний, культивировать отрешённость, свободу от желаний — что, конечно, абсурд, ибо желание нужно понять, а не уничтожать. Если вы уничтожаете желание, вы можете уничтожить и саму жизнь. Если вы извращаете, формируете и контролируете его, овладеваете им и подавляете его, вы, может быть, уничтожаете нечто необычайно прекрасное.

Мы должны понимать желание; но это очень трудно — понимать что-либо столь жизненное, столь насущное, столь упорное, так как в самом исполнении желания зарождается страсть, с её удовольствием и страданием. Если человек хочет понять желание, то, безусловно, не должно быть никакого отбора. Вы не можете оценивать желание как плохое или хорошее, благородное или низменное, не можете говорить: «Это желание я сохраню, а это отвергну». Всё это должно быть устранено, если мы хотим выяснить истину желания — его красоту, его уродливость, или что бы то ни было ещё. Любопытно отметить, что здесь, на Западе, в странах Запада, многие желания могут быть осуществлены. У вас есть автомобили, благополучие, наилучшее здоровье, возможность читать книги, приобретать знания и накапливать разнообразный опыт, тогда как на Востоке люди всё ещё нуждаются в еде, одежде, жилье, всё ещё во власти нищеты и упадка. Но и на Западе и на Востоке желание горит всегда и везде; снаружи и глубоко внутри — оно есть. Тот, кто отвергает мир, так же искалечен своим желанием достичь Бога, как и тот, кто гонится за богатством. Таким образом, желание существует всё время, жгучее, противоречащее самому себе, вызывающее хаос, волнение, отчаяние и чувство вины.

Не знаю, экспериментировали ли вы когда-нибудь со всем этим. Но что происходит, когда вы не осуждаете желание, не делите его на плохое и хорошее, а просто осознаёте его? Я не уверен, знаете ли вы что значит осознавать что-то? У большинства из нас осознание отсутствует, ведь мы так привыкли осуждать, судить, оценивать, отождествляться, выбирать. Выбор, безусловно, препятствует осознанию, ибо выбор всегда осуществляется в результате конфликта. Осознавать, когда вы входите в комнату, видеть всю мебель, ковёр или его отсутствие и так далее, — просто видеть, осознавать всё это без какого бы то ни было суждения, — очень трудно. Пробовали ли вы смотреть на человека, цветок, идею или эмоцию без какого-либо выбора, без

какого-либо суждения?

А если человек делает то же самое с желанием, если он живёт с ним — не отрицая, не говоря: «Что мне делать с этим желанием? Оно так необузданно, так неизменно, так грубо», не давая ему названия, символа, не прикрывая его словами, — продолжает ли оно и тогда быть причиной беспокойства? Будет ли оно и тогда чем-то таким, что нужно устранить, уничтожить? Мы хотим уничтожить его потому, что одно из желаний борется с другим, создавая конфликт и противоречие; человек способен видеть, как он пытается уйти от этого вечного конфликта. Так может ли человек осознать желание в его тотальности, всеобщности? Под тотальностью я подразумеваю не просто одно из желаний или множество желаний, но общее качество самого желания. И человек может осознать желание в том качестве только тогда, когда у него нет никаких мнений, никаких слов, никаких суждений и выбора. Если в этом состоянии бдительности осознавать каждое желание, когда оно возникает, не отождествляясь с ним и не осуждая его, то будет ли это тогда желанием, или будет столь необходимым для нас пламенем, страстью? Слово «страсть» обычно связывается только с одним — с сексом. Но для меня страсть — это не секс. Вам необходимо иметь страсть, энергию для того, чтобы действительно жить с чем-либо; чтобы жить полно, смотреть на гору, на дерево, по-настоящему смотреть на человеческое существо, вам нужна страстная энергия. Но этой страсти нет, этого пламени нет, когда вы опутаны различными стремлениями, потребностями, противоречиями, страхами. Как может выжить пламя, если оно удушается густым дымом? Наша жизнь — всего лишь дым; мы ищем пламя, но мы лишаем себя его, подавляя, контролируя, загоняя в какие-то формы то, что мы называем желанием.

Как без страсти может существовать красота? Я не имею в виду красоту картин, зданий, накрашенных женщин и тому подобное. У всего этого есть своя красота, но мы говорим не о поверхностной красоте. Вещь, созданная человеком, как собор, храм, картина, стихотворение или статуя, может быть или не быть красивой. Но есть красота, которая за пределами чувства и мысли и не может быть осознана, понята или познана, если нет страсти. Так что не поймите слово «страсть» неправильно. Это слово — не скверное; страсть не является чем-то, что можно купить или о чём можно вести романтические разговоры. Страсть ничего общего не имеет с эмоцией, с чувством. Страсть — не нечто уважаемое, респектабельное; это пламя, уничтожающее всё ложное. И мы так боимся всегда позволить этому пламени пожрать то, чем мы дорожим, что считаем важным.

В конце концов, жизнь, которую мы ведём в настоящее время, жизнь, основанная на потребностях, на желаниях и на способах контролировать желание, делает нас более поверхностными и пустыми, чем когда-либо. Мы можем быть очень умными, очень учёными, способными повторять то, что мы насобирали, но машины тоже это делают, и в некоторых областях они уже способнее человека, они более быстры и точны в своих расчётах. Таким образом, мы всё время возвращаемся к тому, что жизнь, которой живём мы сейчас, очень поверхностна, мелка, ограничена — потому что глубоко внутри мы пусты и одиноки, и мы всё время пытаемся скрыть это, заполнить эту пустоту; поэтому потребность, желание становится чем-то ужасным. Заполнить эту глубокую внутреннюю пустоту не может ничто, ни боги, ни спасители, ни знание, ни отношения, ни дети, ни муж, ни жена — ничто. Но если ум, рассудок, всё ваше существо сможет смотреть в эту пустоту, жить с ней, вы увидите, что внутренне, психологически, вы ни в чём не нуждаетесь. Это и есть истинная свобода.

Это требует очень глубокого проникновения, глубокого исследования, постоянного наблюдения; и возможно, в результате этого мы узнаем, что такое любовь. Как может быть любовь, пока есть привязанность, ревность, зависть, амбиция и все связанные с ней претензии и притворство? Если же мы пройдём через эту пустоту — которая есть реальность, не выдумка, не

идея, — мы обнаружим, что любовь и желание и страсть — это одно и то же. Если вы разрушаете что-то одно, вы разрушаете и другое; если извращаете что-то одно, вы извращаете красоту. Чтобы вникнуть в это, нужен не отстранённый ум, не преданный или верующий ум, а ум, который задаёт вопросы, который никогда не удовлетворён, который постоянно смотрит, наблюдает, познаёт себя. Без любви вы никогда не узнаете, что есть истина.

Участник беседы: Как человеку узнать, в чём его главная проблема?

Кришнамурти: зачем же делить проблемы на главные и второстепенные? Не является ли проблемой всё, что угодно? Зачем делать проблемы маленькими или большими, существенными или несущественными? Если бы мы могли понять одну проблему, разобраться в ней, глубоко понять её, будь она маленькая или большая, тогда мы решили бы все проблемы. Это не риторический ответ. Возьмите любую проблему: гнев, ревность, зависть или ненависть — мы очень хорошо знаем все эти проблемы. Если вы рассматриваете гнев очень глубоко, а не просто отмечаете его, — что вы видите? Почему человек в гневе? Потому что он задет, кто-то сказал что-нибудь неприятное; а если сказали что-то приятное — вы довольны. Почему вас это задевает? Из-за самомнения, не правда ли? Но почему существует самомнение? Потому что у человека есть идея, символ, образ самого себя — каким он должен быть, какой он есть или каким ему не следует быть. Почему он создаёт этот образ самого себя? Потому что он никогда не пытался узнать, чем он является на самом деле. Мы считаем, что должны быть тем или этим — идеалом, героем, образцом. И гнев в нас возбуждает то, что нападению или критике подвергается наш идеал, та идея, которую мы о себе составили. И наша идея, это представление о самих себе есть бегство от факта, от того, чем мы на самом деле являемся. Но когда вы видите подлинный факт, видите, чем вы действительно являетесь, никто не может задеть вас. Тогда если человек лжец и ему говорят, что он лжец, это не задевает его, ибо это факт. Но когда вы притворяетесь, что вы не лжец, а вам говорят "вы лжец", вы впадаете в гнев или в злобу. Так мы всегда живём в мире идеи, в мире мифа и никогда в мире реального. Чтобы наблюдать то, что есть, видеть это, действительно знать это, не должно быть ни суждений, ни оценок, ни мнений, ни страха.

Участник беседы: Можно ли освободиться, следуя какой-нибудь религии?

Кришнамурти: Конечно, нет. Двухтысячелетнее или пятитысячелетнее учение, убеждающее вас верить в определённые вещи, — это вовсе не религия. Это пропаганда. Веками вам говорили, что вы француз, англичанин, католик, индуист, буддист или мусульманин, и вы повторяете эти слова бесконечно. Не хотите ли вы сказать, что ум, который подвергался такой дрессировке, такому воздействию стал рабом пропаганды и обрядов, всего этого религиозного спектакля, может стать свободным внутри такой обусловленности?

Участник беседы: Вы сказали, что с помощью веры в Бога Бога не найти, но нельзя ли найти Бога посредством откровения?

Кришнамурти: Почему вы хотите, чтоб что-то открывалось вам, когда вы не знаете самого себя? Ваше собственное «я» было открыто вам сегодня вечером — как вы думаете, как действуете, ваши мотивы, амбиции, стремления, ваши беспрестанные битвы с самим собой. Это было открыто вам, но вы ничего об этом не знаете. Вы знаете только свои теории и представления, мечты. А если вы не знаете того, что непосредственно рядом с вами, как можете вы узнать нечто воистину безмерное? Поэтому гораздо лучше начать с того, что совсем близко, с самого себя. И когда все заблуждения и иллюзии будут устранены, вы сами узнаете, что реально. Тогда вам не нужно будет верить в Бога, иметь какое-то учение, доктрину; оно здесь — то, что величественно, безымянно.

Участник беседы: Почему, когда мы осознаём собственную пустоту, на нас нападает страх?

Кришнамурти: Страх появляется лишь тогда, когда вы бежите от того, что есть, когда вы

избегаете этого, отталкиваете его. А если вы действительно стоите с чем-то лицом к лицу, возникает ли тогда страх? Бегство, движение прочь от факта вызывает страх. Страх — процесс мышления, а мысль принадлежит времени, и без понимания всего процесса мышления и времени вы не поймёте страх. Видеть факт, не пытаясь уклониться от него, значит покончить со страхом.

Участник беседы: наши насущные потребности, как вы сказали, — это еда, одежда, жильё, тогда как секс принадлежит к миру психологических желаний. Не могли бы вы пояснить это?

Кришнамурти: Я не сомневаюсь, это вопрос, в котором каждый хочет ясности. Что такое секс? Это действие или это доставляющие удовольствие образы, воспоминания, мысли вокруг всего этого? Или это просто биологический факт? И есть ли какие-то воспоминания, образы, возбуждение, потребность, когда есть любовь? — если можно употребить это слово, не принизив его. Я думаю, нужно понять физический, биологический факт. Это одна сторона. Весь романтизм, возбуждение, ощущение отдачи себя другому и отождествление себя с другим в этих отношениях, ощущение постоянства и удовлетворения — всё это другая сторона. Когда мы действительно озабочены желанием, потребностью, насколько глубоко вовлечён в это секс? Является ли он психологической потребностью в той же мере, как и биологической? Нужен очень ясный и острый ум, мозг, чтобы отличать и разграничивать физическую потребность и потребность психологическую. Множество вещей вовлечено в секс, не только действие. Желание забыть себя в другом, устойчивость отношений, дети, попытки найти бессмертие в детях, муж, жена, ощущение отдачи себя другому, связанные с этим проблемы ревности, привязанности, страха, с их мучениями — любовь ли всё это? Если нет понимания потребности по существу, глубоко, полностью, в самых тёмных закоулках своего сознания, секс, любовь и желание несут разрушение в нашу жизнь.

Участник беседы: Для каждого ли возможно освобождение?

Кришнамурти: Несомненно. Оно не предназначено для немногих. Освобождение — не разновидность снобизма, оно для всякого, кого оно интересуется. Оно здесь, и с самопознанием его красота и сила всё углубляется и расширяется. И каждый может познавать себя, наблюдая за собой, как смотрят в зеркало. Зеркало не лжёт, оно точно показывает, как выглядит ваше лицо. Точно также вы можете наблюдать себя без всякого искажения. Тогда вы начинаете узнавать что-то о себе. Самопознание, изучение себя, — это необычайное занятие. Путь к реальности, к неведомой безмерности проходит не через двери церкви, не через какую-то книгу, а через двери познания самого себя.

12 сентября 1961

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Думаю, было бы хорошо, если бы мы могли действительно переживать то, о чём я собираюсь говорить. Для большинства из нас переживание — дело случайное. Мы откликаемся на вызов нерешительно и вяло; всегда есть колебания, страх перед возможными последствиями. Мы никогда не отвечаем на вызов полностью, всем своим существом. Итак, всегда, когда есть вызов, полнота внимания отсутствует, и потому наши отклики очень частные, ограниченные, никогда не бывают полными, свободными. Вы, должно быть, это уже заметили. И я чувствую, что очень важно рассмотреть это тщательно, мы же за день так много переживаем, так много влияний проходит через нас, оставляя свой след. Случайное слово, жест, мысль, брошенная мимоходом фраза или взгляд — всё это оставляет свой отпечаток, но ничему из этого мы не отдаём всего своего внимания. Чтобы пережить что-то полностью, необходима полнота внимания, и мы можем видеть, что это внимание очень отличается от концентрации, от сосредоточения. Концентрация — процесс исключения, сужения, отсекания, тогда как внимание включает в себя всё.

Поскольку я собираюсь говорить о вещах достаточно сложных, я полагаю, следует осознать, что переживание требует всей полноты внимания; нужно не только слушать слова, но фактически переживать предмет. Слушать достаточно трудно. Мы едва ли действительно слушаем что-либо — птицу, голос, мужа, жену, ребёнка; мы просто выхватываем несколько слов и отбрасываем остальное, всё время истолковывая, изменяя, осуждая и отбирая. Слушание требует полноты внимания, при котором ничего этого не происходит, и вы отдаёте всё своё существо процессу понимания.

Чтобы понять страх, о котором я хочу теперь поговорить с вами, войти в этот процесс достаточно глубоко, требуется постоянное внимание; нельзя, выслушав несколько фраз, отвлечься и затем поразмышлять о собственных идеях и проблемах, нужно действительно исследовать всю проблему страха до самого конца. Быть по-настоящему серьёзным означает быть способным в любом вопросе дойти до самого конца — какими бы ни были последствия и каков бы ни был окончательный результат.

Я хочу поговорить о страхе потому, что страх искажает все наши чувства, наши мысли и наши отношения. Именно страх заставляет многих из нас обращаться к тому, что называется духовным; именно страх толкает нас к интеллектуальным решениям, предлагаемым столь многими людьми; именно страх заставляет нас делать всевозможные странные и нелепые вещи. Хотелось бы мне знать, испытываем ли мы когда-нибудь подлинный страх, а не то чувство, которое возникает до или после события. Существует ли сам по себе страх? Или же страх возникает лишь с мыслью о вчера или о завтра, о том, что было или о том, что будет? Есть ли страх в живом, действующем настоящем? Когда вы встречаетесь с чем-то таким, чего, как вы считаете, вы боитесь, — существует ли в этот конкретный момент страх?

С моей точки зрения, он очень важен, этот вопрос о страхе. Ведь пока ум полностью не свободен от страха любого рода: страха смерти, общественного мнения, одиночества, страха не быть любимым — вы знаете много видов и разновидностей страха, — пока всё сознание полностью не свободно от страха, нельзя продвинуться сколько-нибудь далеко. Можно беспокойно бродить в укрытиях собственного мозга, но для того, чтобы войти в себя очень, очень глубоко и увидеть, что есть там и ещё далее, не должно быть никакого страха, будь то страх смерти, бедности или страх не достигнуть чего-нибудь.

Страх по самой своей природе неизбежно препятствует исследованию. И пока ум, всё существо не свободно от страха, не только от осознанных страхов, но также от страхов

глубинных, тайных, скрытых, которые человек едва ли осознаёт, нет никакой возможности выяснить, что существует действительно, что истинно, что подлинно и есть ли на самом деле то состояние высшей безмерности, о котором люди говорят век за веком.

Я думаю, можно быть полностью свободным от страха, не на какое-то время, не от случая к случаю, но свободным полностью и постоянно. Переживание этого всеобъемлющего состояния не-страха и есть то, что я хочу исследовать с вами.

И я хочу, чтобы было ясно, что речь идёт не о чём-то, повторяемом по памяти. Дело не в том, что я уже заранее продумал вопрос страха и пришёл сюда повторить то, что уже отрепетировал — это было бы ужасно скучно и для меня и для вас. Я тоже исследую. Каждый раз это должно быть новым. И я надеюсь, что вы предпримите эту исследовательскую экспедицию вместе со мной, а не будете озабочены лишь собственной специфической формой страха, будь то страх темноты, врача, ада, болезни, Бога, того, что скажут ваши родители, жена, муж и ещё любой из десятков других видов страха. Мы исследуем природу страха, не какую-то частную форму его проявления.

Так вот, если вы присмотритесь внимательно, вы увидите, что страх есть лишь тогда, когда мысль привязана к вчера или к завтра, к прошлому или будущему. В глаголе настоящего времени никогда нет страха, но в прошлом или в будущем времени, в нём всегда есть страх. В фактическом настоящем страха нет, и очень важно открыть это для себя. Нет никакого страха в актуальном живом моменте, в действенном настоящем. Так что источник страха — мысль, мысль о вчерашнем или о завтрашнем дне. В настоящем есть внимание. Мысль о том, что случилось вчера или случится завтра, означает невнимание, а невнимание порождает страх. Разве не так? Если я могу отдать всё своё внимание какому-либо явлению, без колебаний, без отрицаний, без суждений и оценок, в этом состоянии внимания страха нет. Но при невнимании, то есть когда я спрашиваю: «А что будет завтра?», или озабочен тем, что случилось вчера, возникает страх. Внимание есть активное настоящее. Страх — это мысль, захваченная временем. Когда вы сталкиваетесь с чем-то реальным, подлинным, когда имеется опасность, в тот момент нет никакой мысли — вы действуете. И действие это может быть позитивным или негативным.

Так что мысль есть время, не время по часам, а психологическое время, время мысли. Поэтому время порождает страх: время, как дистанция от одного до другого, как процесс становления, превращения во что-то; время, как то, что я сказал или сделал вчера, что-то такое, о чём я не хотел бы, чтобы это стало известно; время, как то, что будет завтра, что станет со мной, когда я умру.

Итак, мысль есть время. А есть ли время, есть ли мысль в активном настоящем? Можно видеть — не так ли? — что страх существует лишь тогда, когда мысль проецирует себя вперёд или назад, и эта мысль есть результат времени — времени, как процесса, заключающегося в том, что мы становимся чем-то или не становимся, времени как достижения или разочарования. Мы говорим не о хронологическом времени; ясно, что пытаться избавиться от него было бы нелепо и глупо. Мы говорим о времени, как мысли. Если это ясно, мы должны углубиться в вопрос, что такое мысль, что такое мышление. Я надеюсь, вы слушаете не только слова, но действительно слышите вызов того, что говорится, откликаясь самостоятельно. Я спрашиваю: «Что такое мышление?» Пока вы не узнаете механизма мышления и не вникните в него достаточно глубоко, вы не сможете ответить, ваш отклик будет неадекватным. А если ваш отклик будет неадекватным, возникнет конфликт, и вы, пытаясь избавиться от конфликта, будете уклоняться от факта — от того факта, что вы не знаете. В тот момент, когда вы осознаёте, что у вас нет ответа, когда вы не знаете, возникает страх. Не знаю, успеваете ли вы за мной?

Так что же такое мышление? Очевидно, что мышление есть реакция, происходящая в промежутке между вызовом и ответом, не так ли? Я вас о чём-то спрашиваю, и есть какой-то

временной интервал, прежде, чем вы ответите; в этом интервале действует мысль, мысль подыскивает ответ. Достаточно легко выслушать это объяснение; но чтобы действительно на опыте, в переживании познать процесс мышления, вникнуть в вопрос, как мозг откликается на вызов и что представляет собой процесс выработки отклика, требуется активное внимание, не правда ли? Прошу вас, проследите за своим откликом на вопрос: что такое мышление? Что происходит? Вы не можете ответить; вы никогда не пытались выяснить это; вы ожидаете какого-то отклика из своей памяти. И в этом промежутке времени, в этом интервале между вопросом и ответом происходит процесс мышления, не так ли? Если я задаю вам вопрос, с которым вы знакомы, вроде: «Как вас зовут?», вы отвечаете сразу же, потому что в результате постоянного повторения вы хорошо знаете ответ. Если спросить о чём-то немного более серьёзном, возникает интервал в несколько секунд — не так ли? — во время которого мозг приходит в движение и ищет ответа в памяти. Если задать более сложный вопрос, временной интервал становится больше, но сам процесс всё тот же: вы заглядываете в память, ищете нужные слова, находите их и затем отвечаете. Пожалуйста, проследите это не торопясь, потому что наблюдать этот процесс действительно очень занимательно и интересно. Всё это элементы самопознания.

Можно также задать такой вопрос: «Сколько миль отсюда до Нью-Йорка?», на который, поислав в памяти, вы ответите: «Не знаю, но можно узнать». Это занимает больше времени. И можно задать вопрос, на который вам придётся ответить: «Я не знаю», но в то же время, вы ждёте ответа, ждёте, что вам скажут ответ. Итак, может быть знакомый вопрос и незамедлительный ответ; не столь знакомый вопрос, требующий немного времени; может быть что-то в чём вы не уверены, но что можете узнать, что опять же требует больше времени; и, наконец, может быть нечто, чего вы не знаете, однако думаете, что если вы подождёте, то ответ получите.

Далее, если задать вопрос: «Есть Бог, или Бога нет?», что получится? В памяти ответа не найти, не так ли? Даже если вам нравится верить, если вам что-то об этом говорили, всю эту ерунду надо отбросить. Поиски в памяти не помогают, ждать, что вам скажут, нет смысла, поскольку никто не может вам этого сказать; и временной интервал бесполезен. Есть только факт в непосредственном настоящем — абсолютная уверенность, что вы не знаете. Это состояние не-знания и есть полное внимание, не так ли? А всякая другая форма знания или не-знания исходит из времени и мысли и потому является невниманием.

Учитесь ли вы, узнаете ли новое, когда прослеживаете всё это? Несомненно, учение, узнавание нового подразумевает не-знание. Учение, узнавание нового — это не накопительный процесс, вы не можете его накапливать. В процессе собирания, накопления вы просто добавляете к знанию, которое является статичным. Тогда как учиться, узнавая новое, значит постоянно изменяться, двигаться, жить.

Поэтому, что происходит, когда вы учитесь, узнавая новое о страхе? Вы преследуете страх, не так ли? Вы преследуете его, а не он вас. И тогда вы находите, что нет такого положения, как "вы и страх". Такого разделения нет. Таким образом, внимание есть активное настоящее, в котором ум, мозг говорит: «Я не знаю — совершенно и безусловно». И в этом состоянии нет страха. Но есть страх, когда вы говорите: «Я не знаю, но я надеюсь». Мне кажется, это ключевой момент для понимания. Давайте посмотрим на это иначе.

В конечном счёте, страх возникает, когда вы ищете безопасности — внешней или внутренней, когда вы хотите постоянного, прочного, неизменного состояния в своих отношениях, в мировом порядке вещей, в уверенности, которое даёт знание, в эмоциональных переживаниях. И в конце концов, мы говорим, что есть Бог, абсолютный, вечный, неизменный — и мы можем найти в нём мир и безопасность, которых никому и никогда не разрушить. Каждый в той или иной форме ищет безопасности; вы знаете, как всё это делается — поиски

безопасности в любви, в собственности, в добродетели с обещанием самому себе быть добрым, не заниматься сексом. Нам всем знаком страх, связанный с явными или скрытыми поисками безопасности. И страх, от того, что вы так и не узнали, существует ли безопасность. Вы не знаете. Вы не знаете, есть Бог или нет. Вы не знаете, будет новая война или нет. Вы не знаете, что будет завтра. Вы не знаете, есть ли что-либо постоянное во внутреннем мире. Вы не знаете, что произойдёт в ваших отношениях с женой, мужем, детьми. Вы не знаете, но вы должны выяснить это для себя, не так ли? Вы должны сами узнать, что вы не знаете. И это состояние незнания, состояние полной неопределённости, неуверенности — не страх, это полное внимание, в котором вы можете исследовать.

Таким образом, мы видим, что всё сознание в целом, включая поверхностное, сознательное, а также скрытое, включая самые глубины расовой памяти, мотивы, всё то, что представляет собой мысль, это по сути дела страх. Хотя у сознания есть определённые формы удовольствия, страдания, развлечения, радости и всего прочего, вы увидите, что всё оно — продукт времени. Сознание есть время, оно результат множества дней, месяцев, лет, столетий. За вашим сознанием как француза исторически стоит много поколений пропаганды. Тот факт, что вы христианин, католик или кто-то ещё, означает две тысячи лет пропаганды, в течение которых вас убедили и верить и думать и действовать в рамках определённой системы, которую вы называете христианской. А не иметь никакой веры, быть как бы ничем, представляется очень страшным. Вот почему всё сознание — это страх. Это факт и вы не можете просто соглашаться или не соглашаться с фактом.

Что же происходит, когда вы сталкиваетесь с фактом? Или у вас уже есть какие-то мнения о факте, или вы просто наблюдаете факт. Если у вас есть мнения, суждения, оценки, касающиеся факта, значит вы на него не смотрите. Тогда в действие вступает время, ибо ваши мнения — продукт времени, вчерашнего дня, того, что вы знали прежде. Фактический процесс видения есть действительное настоящее, и никакого страха в этом видении нет. Я не гипнотизирую вас, говоря, что здесь нет страха. Это подлинный наличный факт. Именно переживание этого наличного факта и освобождает всё сознание от страха. Я надеюсь, вы не слишком устали и переживаете этот факт, поскольку вы не можете взять его с собой и потом обдумать. Тогда он не имеет смысла. Имеет смысл только видеть его непосредственно и вникать в него. Тогда вы увидите, что весь ваш мыслительный механизм со всеми его знаниями, его хитростями, его защитой и отрицаниями, — всё это есть мысль, и это и есть подлинная причина страха. Кроме того, мы видим, что при полном внимании мысли нет — есть лишь восприятие, процесс видения.

Когда есть это внимание, есть полное спокойствие, ибо такое внимание ничего не исключает. Если ум может быть абсолютно спокойным, не сонным, а живым, активным, восприимчивым, — в этом внимательном спокойствии нет страха. Тогда есть движение особого качества, которое вовсе не есть мысль, чувство, эмоция, настроение. Это и не видение, не обман чувств, — это движение совсем другого рода, ведущее к тому, что не имеет имени, к безмерному, к истине.

Но, к сожалению, вы не слушаете, не переживаете по-настоящему, потому что на деле не вникли в это, не проявили достаточно интереса и пытливости. Поэтому страх снова нахлынет на вас, и вы будете им подавлены. Вам надо исследовать его, внимательно рассмотреть, и по мере того, как вы рассматриваете страх, он разрушается сам собой. Это фундамент, и заложив такой фундамент, вы никогда не будете искать, ибо все поиски реальности основаны на страхе. Когда ум, мозг будет свободен от страха, тогда вы будете понимать.

Участник беседы: Я прочитал вашу книгу об образовании. Не могли бы мы основать школу такого рода, пока вы здесь, в Париже?

Кришнамурти: Прежде всего, сэр, мы говорим о страхе, а не об основании школ. Если вы хотите основать школу такого рода, то это дело для вас, а не для меня, поскольку я уезжаю в конце следующей недели. А школы основывать не так легко. Этим нужно гореть. Такой вопрос хорош на своём месте; но мы, вероятно, можем заняться более подходящими вопросами.

Участник беседы: Почему дети боятся?

Кришнамурти: Не задать ли вопрос: а почему боитесь вы? Вполне очевидно, почему дети боятся. Их окружает общество, основанное на страхе. Родители боятся; а ребёнок действительно нуждается в безопасности, и когда он безопасности лишён, он боится. Как видите, вы не смотрите прямо в лицо тому факту, что боитесь сами.

Участник беседы: Можно ли быть всегда в состоянии полного внимания, исключаящем страх?

Кришнамурти: Внимание ничего не исключает; оно не есть процесс сопротивления чему-то. Мы исследовали вопрос страха и увидели, что страха нет, когда вы внимательны. Во внимании нет того процесса мышления, который исключает. Вы можете использовать мысль, но при этом нет исключения чего бы то ни было. Я не знаю, видите ли вы суть дела. Я внимателен; в данный момент я полностью в этом. Применение слов сводится только к этому — к общению; оно не имеет отношения к переживанию действительного, наличного факта.

И ещё есть вопрос, можно ли поддерживать полное внимание. «Поддерживать» подразумевает время, и потому вы уже уничтожили внимание. Если внимание исчезло, прекратилось, бросьте его — и пусть оно снова возникнет. Но не говорите: «Я должен его поддерживать; ибо это означает усилие, время, мысль и всё такое прочее.

Участник беседы: Вся ли память связана со знанием, или безмолвие — память особого рода?

Кришнамурти: Весь процесс познания, накопления опыта, имеет результатом память, то есть время. Мы знаем механический процесс накопления памяти. Каждое переживание, если оно не понято и неполно, оставляет свой след, который мы называем памятью.

Является ли безмолвие памятью особого рода? Оно вообще не имеет ничего общего с памятью. Память подразумевает — не так ли? — длительность: прошлое, настоящее, будущее. Безмолвие же не имеет длительности, и это важно понять. Можно принуждать мозг, дисциплинировать его, чтобы он стал спокойным, и такое дисциплинирование обладает длительностью, но безмолвие, являющееся результатом дисциплины, памяти — это вообще не безмолвие.

Мы говорим о безмолвии, которое приходит без приглашения, когда нет никакого страха, ни явного, ни скрытого. И когда есть это безмолвие, которое есть абсолютная неизбежность, которое не от памяти, тогда есть совершенно другой тип движения.

14 сентября 1961

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

Я хочу поговорить о чём-то, что представляется мне важным. Это вопрос изменения и перемены. Что мы понимаем под переменной? И на каком уровне, насколько глубоко мы меняемся? Очевидно, что перемена необходима; не только индивид, но и коллектив должен измениться. Я не верю, что существует какой-то коллективный ум, кроме унаследованных расовых инстинктов и знания, накопленного в бессознательном, но очевидно, что коллективное действие необходимо. Но чтобы сделать коллективное действие полным, согласованным, индивид должен меняться в своих отношениях с коллективом. Но в самом процессе изменения индивида будет, несомненно, меняться и коллектив. Индивид и коллектив не две отдельные, противостоящие друг другу сущности, хотя определённые политические группы стараются разделить их и вынудить индивида приспособливаться к так называемому коллективу.

Если бы мы сумели вместе разобраться во всей этой проблеме перемены, в том, как произвести в человеке перемену и что эта перемена означает, тогда, может быть, в ходе самого акта слушания, в самом процессе участия в исследовании в вас могла бы произойти перемена — перемена, которая не вызвана вашей волей. С моей точки зрения, намеренная перемена, перемена, которая характеризуется принуждением, дисциплиной и подчинением, — вообще не перемена. Сила, влияние, какое-нибудь новое изобретение, пропаганда, страх, мотив вынуждают нас к изменению, но это вовсе не перемена. И хотя интеллектуально вы, возможно, согласитесь с этим очень легко, могу вас заверить, что понимание подлинной природы перемены, в которой нет мотива, есть вещь очень редкая и необычная.

У большинства из нас привычные мысли, идеи и физические наклонности укоренились настолько глубоко, что отказаться от них представляется почти невозможным. Мы утвердились в определённых способах приёма еды и в определённых видах пищи, в различных привычках, касающихся одежды, в физических привычках, в эмоциональных привычках, в привычках мышления и в прочих — осуществить же глубинную, радикальную перемену без какой-либо принуждающей к этому угрозы на самом деле весьма трудно. Перемена, которую мы знаем, всегда очень поверхностна. Слово, жест, идея, выдумка, изобретение могут побудить человека отказаться от некоторой привычки и приспособиться к новому стереотипу — и тогда он думает, что изменился. Оставить одну церковь и примкнуть к другой, перестать называть себя французом и называть себя европейцем или интернационалистом, такого рода перемена очень поверхностна; это просто вопрос торговых операций, обмена. Изменить свой образ жизни, отправиться в кругосветное путешествие, сменить свои идеи, свои позиции, свои ценности — весь этот процесс представляется мне очень поверхностным, ибо он является результатом какой-то принуждающей силы, внешней или внутренней.

Итак, мы можем ясно видеть, что перемена вследствие какого-либо внешнего влияния, страха или из желания достичь результата не есть радикальная перемена. Мы на самом деле нуждаемся в полной перемене, в величайшей революции. То, в чём мы нуждаемся — это не смена идей и стереотипов, но разрушение, полное уничтожение всех шаблонов, стереотипов. Из истории видно, что каждая революция, какой бы многообещающей и радикальной она не была в начале, неизбежно заканчивается повторением старых образцов и что всякая перемена, произошедшая под давлением страха или ради награды, выгоды, есть всего лишь ещё одно приспособление. А перемена необходима, потому что вы не можете продолжать жить с этими мелочными, узкими, ограниченными представлениями, верованиями, догмами. Они должны быть разбиты, должны быть разрушены. Как же их разрушить? Что представляют собой те процессы, которые полностью разрушат весь механизм образования привычек? Можно ли не

иметь стереотипов вообще, а не просто бросать одну привычку, чтобы завести другую?

Если всё, что говорилось на эту тему до сих пор, понятно, мы можем перейти к выяснению того, возможно ли такое состояние ума, мозга, в котором мозг всегда свежий, всегда молодой, новый, никогда не создаёт привычек мышления, никогда не цепляется за догму, за веру. Поэтому мне представляется, что надлежит исследовать всю структуру сознания, в которой мы функционируем. Всё наше сознание, и скрытая его часть, и то, что на поверхности, функционирует в пределах определённой структуры, в определённых границах; разрушение этих границ — та задача, которая стоит перед нами. Это не просто вопрос изменения образа мыслей, ибо вы можете думать по-новому, как новейшие коммунисты, или принять новую веру, но всё равно останетесь внутри ограничений сознания, мысли, мысль же всегда ограничена. Поэтому изменение в образе мыслей не означает разрушения ограничений сознания.

Большинство из нас вполне удовлетворяется поверхностным приспособлением, мы считаем, что это сдвиг к лучшему — изучить новую технологию или новый язык, получить новую работу, найти другой способ делать деньги или построить новые отношения, когда старые стали обременительными. Для большинства из нас вся жизнь идёт на этом уровне — приспособление, принуждение, разрушение старых образцов и принятие власти новых. Но это вовсе не перемена, а сегодняшние человеческие проблемы требуют полной революции, тотального изменения. Поэтому нам следует гораздо глубже исследовать сознание — чтобы выяснить, можно ли осуществить перемену настолько радикальную, что все ограничения мысли отпадут и сознание станет свободным.

Вероятно, поверхностно, сознательно, вы можете избавиться от чего-то, что на самом верху; но очищение глубинных тайников своего сердца и ума, скрытого, бессознательного, представляется почти невозможным, не так ли? — потому что вы не знаете, что там; поверхностный ум не может проникнуть в тёмные кладовые памяти. Но сделать это необходимо.

Я надеюсь, вы следите за этим не только на уровне слов, интеллектуально, потому что это было бы глупым делом, всё равно, что возиться с шелухой, с мертвечиной. Но если вы следите экспериментально, фактически — следите не за моими словами, а за ходом эксперимента, который вы сами производите, — тогда, я думаю, в этом будет большой смысл. Так как же человеку исследовать бессознательное, исследовать скрытые уголки своего ума и мозга? Психологи и психоаналитики пытаются вернуть вас для этого в раннее детство — и всё такое прочее; но главная проблема этим не решается, потому что здесь есть интерпретатор, оценщик, и вы снова подгоняете себя под какой-то шаблон, приспособляе­тесь к некоему стереотипу. Мы говорим о полном уничтожении стереотипа, потому что стереотип — просто опыт тысячелетий, повторением навязанный мозгу, который фантастически податлив и склонен приспособляться.

Так как же приступить к разрушению стереотипа? Прежде всего, мы должны быть уверены, что анализ, проведённый психологом, психоаналитиком или вами самими, никакого значения не имеет, если мы заинтересованы в полной трансформации, в полном изменении. Он может играть известную роль, когда задача в том, чтобы дать возможность человеку с умственными расстройствами лучше приспособиться к нынешнему нездоровому обществу, но мы говорим не об этом. Прежде, чем идти дальше, человек должен быть полностью убеждён в том, что психоанализ не может произвести тотальную революцию в сознании. Какое обязательное условие психоанализа? Производится он кем-то извне или вами самими, всегда есть наблюдающий и наблюдаемое, не так ли? Имеется наблюдатель, следящий, критикующий, контролирующий, и он интерпретирует то, что наблюдает, согласно той системе ценностей, которую уже имеет. Итак, существует разделение между наблюдающим и наблюдаемым, конфликт; и если наблюдающий в своём наблюдении неточен, есть искажение, и это искажение,

неограниченно распространяясь всё дальше, ведёт ко всё более неправильному пониманию. Поэтому в психоанализе нет конца и ошибкам и неверным выводам. В этом вы должны быть абсолютно уверены; уверены в том смысле, что вы видите, что это не путь к освобождению сознания.

Так если человек, не зная, в чём заключается правильный подход, всё же отвергает подход ошибочный, то ум тогда находится в состоянии отрицания, не так ли? Интересно, пробовали ли вы когда-нибудь мыслить негативно? По большей части наше мышление — мышление позитивное, которое включает в себя так же и определённые формы отрицания. Наше мышление в настоящее время основывается на страхе, на выгоде, на авторитете; мы мыслим в соответствии с какой-то формулой; и это — позитивное мышление со своими собственными отрицаниями. Но мы говорим об отрицании ложного без знания того, что истинно. Может ли человек сказать себе: «Я знаю, что психоанализ ложен, он не сломает ограничения сознания, не приведёт к перемене, поэтому я не буду им заниматься» или «Я знаю, что национализм — это яд, будь то во Франции, в России или в Индии, поэтому я отвергаю его. Не зная, что ещё может быть, я вижу, что национализм вреден»? И для того, чтобы увидеть, что боги, спасители, церемонии, изобретённые человеком десять тысяч, две тысячи лет назад или за последние сорок лет, чтобы увидеть, что они не имеют смысла и отвергнуть их полностью, для этого требуется очень ясный ум, ум, способный на отрицание, ум, в котором нет страха. Тогда, отвергая ложное, вы уже начинаете видеть истинное, не так ли? Чтобы видеть истинное, сначала должно быть отвержение — отрицание того, что ложно. Интересно, следите ли вы за всем этим?

Чтобы понять, что такое красота, вы должны отвергнуть всю красоту, которую создал человек. Чтобы пережить сущность красоты, необходимо сначала отринуть всё, что было создано до сих пор; потому что выраженное человеком, как бы оно ни было чудесно, — это не красота. Чтобы узнать, что такое добродетель, нужно полностью порвать с общественной моралью респектабельности со всеми её глупыми табу относительно того, что вы должны или не должны делать. Когда вы видите и отвергаете ложное, не зная заранее, что истинно, — это подлинное состояние отрицания. Только ум и мозг, который полностью очищен от ложного, может открыть истинное.

Таким образом, если процесс анализа не разрушает структуру, в рамках которой функционирует сознание, и если вы отвергли этот процесс, следует спросить себя: что ещё есть ложного, что должно быть отвергнуто? Надеюсь, вы слушаете внимательно.

Конечно, следующее, что надо отвергнуть, — потребность в перемене. Почему человеку нужна перемена? Вы никогда не требуете перемен, если существующие условия подходят вам, удовлетворяют вас. Вы не хотите революции, если у вас есть миллион долларов. Вы не хотите революции, если вы по-буржуазному комфортабельно устроены в обществе со своей женой, мужем, детьми. Тогда вы говорите: «Ради Бога, оставьте всё как есть». Вы хотите перемен, только когда вы обеспокоены, недовольны, когда вы хотите больше денег, лучший дом. Так что если рассмотреть это достаточно глубоко, наша потребность в перемене — это потребность в более комфортабельной, более обеспеченной жизни. Она основана на желании приобрести новую форму комфорта, безопасности. И если вы, как и должно быть, видите, что этот процесс ложен, если хотите выяснить, что истинно, есть ли тогда поиски перемен? Есть ли тогда вообще поиск?

В конце концов, вы все здесь — не так ли? — хотите что-то узнать, выяснить. Что вы ищете и почему вы ищете? Если вникните в это глубоко, вы узнаете, что не удовлетворены существующим положением дел и хотите чего-то нового. И это новое всегда должно нести удовлетворение, утешение, уверенность и безопасность. Так называемые религиозные люди ищут Бога. По крайней мере, так они говорят. Но поиск, безусловно, подразумевает что-то, что

вы потеряли или знали и хотите вернуть назад. Как вы можете искать Бога? Вы ничего не знаете о Боге, кроме того, что вам сказали — а это пропаганда. Церковь занимается пропагандой, и коммунисты тоже. Но вы ничего не знаете о Боге; и чтобы выяснить, вы должны сначала полностью отвергнуть и отбросить все формы пропаганды, все трюки, разыгрываемые церковью и прочими.

Иначе говоря, чтобы в сознании произошла полная перемена, вы должны отвергнуть анализ и поиск, не быть больше ни под каким влиянием, а это необычайно трудно. Ум, видящий, что ложно, уже полностью устранил это ложное, не зная, что истинно. Если вы уже знаете, что истинно, вы просто меняете то, что считаете ложным, на то, что вам представляется истинным. Никакого отказа нет, если вы знаете, что вы получите взамен. Отказ имеет место только тогда, когда вы отбрасываете что-то, не зная, что из этого получится. Такое состояние отрицания абсолютно необходимо. Пожалуйста, будьте внимательны, ибо подвинувшись до этой точки вы увидите, что в таком состоянии отрицания вам открывается истинное; потому что отрицание — опустошение ума от известного.

В конечном счёте, сознание основано на знании, на опыте, на том, что человек унаследовал от своих предков, своего народа, на памяти, на том, что он пережил сам. Опыт — то, что пережито, — всегда принадлежит прошлому, которое воздействует на настоящее, модифицируется под его влиянием и продолжается, переходя в будущее. Всё это и есть сознание, огромные запасы столетий. От него есть своя польза только в механической жизни. Было бы абсурдно отвергать всё научное знание, обретенное со времён далёкого прошлого. Но чтобы осуществить перемену сознания, революцию во всей его структуре, необходима полная пустота. Эта пустота возможна только при выявлении, действительном видении того, что ложно. Тогда вы увидите, если продвинулись достаточно далеко, что сама эта пустота производит полную революцию в сознании, что революция уже произошла.

Вы знаете, что многие из нас боятся, пугаются одиночества. Нам всегда нужна рука, чтобы держаться за неё, идея, чтобы опираться на неё, бог, чтобы поклоняться ему. Мы никогда не бываем одни. В своей комнате, в автобусе, мы всегда в компании своих мыслей, того, чем мы заняты или что нас заботит; а когда мы с другими людьми, мы приспособляемся к группе, к компании. Фактически, мы никогда не бываем одни, и большинство людей сама мысль об этом пугает. Но только тот ум, мозг, который совершенно один, свободен от всяких потребностей, от всех форм приспособления, от любых влияний, полностью опустошён, только такой ум открывает, что сама эта пустота и есть изменение.

Уверяю вас — всё рождается из этой пустоты; всё новое исходит из этого безграничного, безмерного, бездонного ощущения пустоты. Это не романтика, это не идея, это не образ, не иллюзия. Когда вы полностью отвергаете ложное, не зная, что истинно, происходит изменение сознания, революция, полная трансформация. Возможно, тогда это уже не сознание, каким мы его знаем, а что-то совсем другое. И такое сознание, такое состояние может существовать в этом мире, ведь мы не отвергаем механическое знание. Так что если вы вошли в это сознание, оно здесь.

Но перемена, которой хочет большинство из нас, это всего лишь модифицированное продолжение. В ней нет ничего нового. В ней нет свежести, молодости ума. А только свежий, молодой, чистый ум может открыть что истинно, и лишь к такому уму, который свободен от известного, может прийти безымянное, непознаваемое.

Участник беседы: Если человек совершенно ясно видит ложное как ложное и отбрасывает его, это отрицание? Или отрицание — нечто большее?

Кришнамурти: Думаю, в отрицании заключается нечто большее. Что заставляет вас отвергать нечто, какая причина, какой мотив? Отвергать вас побуждает страх или выгода. Если

вы больше не находите утешение в своей церкви, вы присоединяетесь к другой или к какой-нибудь глупой секте. Но вот если вы отвергаете любую церковь, любую форму привязанности к чему-то, что даёт вам утешение, не зная, к чему вас может привести такое состояние неопределённости, состояние опасности, — это отрицание. Оно требует очень ясного понимания того, что всякая религиозная организация разрушительна, что она безобразна и держит человека в кабале; отвергая подобное рабство, вы отвергаете все духовные организации. Это означает, что вам придётся остаться одному, не так ли? А вы хотите к чему-то принадлежать, называть себя французами, англичанами, немцами, католиками, протестантами и так далее. Быть абсолютно вне всего — это и есть отрицание.

Участник беседы: Когда человек приходит к этому ощущению пустоты, как может он жить в этом мире с практической точки зрения?

Кришнамурти: Прежде всего, пришли ли вы к этому ощущению? И потом, мы ведь не отвергли механическое знание, не так ли? Вам нужны механические знания, чтобы жить в этом мире, ходить в контору, функционировать в качестве электрика, скрипача или ещё кого-то. Мы говорим о революции в сознании, в психике, во всём существе. Поверхностное техническое знание, механическая организация повседневных и служебных дел — всё это вам нужно. Но если ум, использующий это техническое знание, не свободен полностью, не находится в состоянии изменения, тогда поверхностный механизм становится разрушительным, вредным, уродливым, жестоким. Это и есть то, что происходит в мире.

Участник беседы: Не могли бы вы ещё раз сказать, почему анализ вреден? Я не совсем это понял.

Кришнамурти: Давайте посмотрим на всё это иначе. Что такое сны? Почему мы видим сны? Я не уклоняюсь от вашего вопроса. Вы видите сны потому, что в течение дня ваш мозг так занят, что у него нет покоя, в котором и с которым он мог бы идти вглубь. Вы знаете, как он занят: работа, конкуренция, тысячи вещей. Поэтому когда вы спите, из бессознательного приходят намёки, указания, которые становятся символами, снами; и после пробуждения вы вспоминаете их и пытаетесь истолковать или получить их толкование. Весь этот процесс вы знаете. Теперь, почему вы вообще видите сны? Зачем нужно их видеть? Не является ли видение снов, если можно так выразиться, неправильным? Ведь если вы наблюдательны, если осознаёте всё происходящее вокруг вас и внутри вас в часы бодрствования, тогда в ходе наблюдения вы раскрываете всё по мере своего продвижения по жизни; все неосознанные мотивы, желания импульсы попадают в сознательный ум и становятся понятными. В таком случае, когда вы спите, сновидения невозможны. Тогда сон имеет совсем другой смысл. То же самое с анализом. Если вы сможете охватить весь процесс анализа одним взглядом — а вы это можете, — тогда вы очень хорошо увидите, что до тех пор, пока есть наблюдатель, интерпретирующий цензор, анализ всегда будет неверным. Потому что осуждение или одобрение со стороны цензора основано на его обусловленности.

Участник беседы: Вы говорили о свободе от всякого влияния; но разве эти встречи не влияние на нас?

Кришнамурти: Если вы находитесь под влиянием ведущего беседу, то вы могли бы с таким же успехом пойти в кино, в церковь или на мессу. Если вы находитесь под влиянием ведущего беседу, вы этим создаёте авторитет; а любая форма авторитета мешает вам понять, что реально, что истинно. Если вы находитесь под влиянием ведущего беседу, вы не поняли того, что говорил он весь последний час, последние тридцать лет. Быть свободным от всех влияний — от книг, которые вы читаете, от газет, от кинофильмов, от образования, полученного вами, от общества, которому принадлежите, от влияния церкви — осознавать все влияния и не поддаваться ни одному из них — это и есть разумность. Это требует бдительности, внимания и осознания всего,

что происходит внутри, каждого отклика, отзвука — это значит, что ни одна мысль не должна проходить без осознания её содержания, её истоков, её мотива.

17 сентября 1961

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

Если можно, я хотел бы поговорить с вами на такую достаточно сложную тему, как смерть. Но прежде чем мы приступим, я предложил бы тем, кто записывает за мной, не делать этого. Ведущий беседу не читает лекции, где вы могли бы сделать записи, чтобы потом вы, или кто-то другой истолковал сказанное. Интерпретаторы — это эксплуататоры, независимо от того, благие у них намерения, или они просто хотят сделать себе имя. Поэтому я серьёзно предложил бы вам слушать, переживать, а не обдумывать сказанное позже или слушать комментарии других людей по этому поводу — ведь всё это совершенно бесполезно.

Я хотел бы также заметить, что слова сами по себе имеют очень небольшое значение. Это символы, используемые для общения. Я вынужден пользоваться определёнными словами, но слова эти используются для беседы, и каждый сам должен ощутить свой путь сквозь них к тому, что невыразимо словами; и в этом есть определённая опасность, поскольку мы склонны интерпретировать слова соответственно тому, что нам нравится или не нравится, и тем самым упускаем смысл того, что на самом деле говорится. Мы пытаемся выяснить, что ложно и что истинно — но для этого необходимо идти дальше и глубже слов. А при выходе за пределы слов и возникает эта опасность нашей личной, индивидуальной их интерпретации. Поэтому если мы хотим исследовать вопрос смерти достаточно глубоко — что я и намерен сделать, — нужно осознавать слова и их смысл и остерегаться их интерпретации в соответствии с тем, что нам нравится или же не нравится. Если наши умы свободны от слова, от символа, то мы можем общаться друг с другом за пределами слова.

Смерть — довольно сложная проблема, очень трудно по настоящему осознавать её на опыте, в переживании и глубоко исследовать. Мы либо рассуждаем рационалистически, отделяясь от неё интеллектуальными объяснениями, и успокаиваемся, либо с энтузиазмом хватаемся за какие-то верования, догмы, идеи. Но догмы, верования, и рационалистические объяснения проблемы не решают. Смерть здесь, она всегда здесь. Даже если врачам и учёным удастся продлить работу нашего физического механизма ещё на пятьдесят лет или больше, смерть всё равно ждёт нас. Чтобы понять её, мы должны исследовать её, не словесно, интеллектуально или эмоционально, а действительно посмотреть факту в лицо и исследовать его. Это требует большой энергии, большой ясности восприятия, но всего этого нет, когда существует страх.

В большинстве своём мы, старые и молодые, боимся смерти. Хотя мы каждый день видим, как мимо нас проезжают катафалки, мы всё равно боимся смерти, а где есть страх, там нет понимания. Поэтому первое, и самое существенное, что требуется для того, чтобы углубиться в вопрос смерти, это свобода от страха. «Углубиться» — значит жить со смертью; не на словах, не интеллектуально, а на самом деле увидеть, каково это — жить с чем-то столь серьёзным, столь окончательным, что вы не можете с этим спорить, не можете торговаться. Но для этого нужно сначала освободиться от страха, что необычайно трудно.

Не знаю, пытались ли вы когда-нибудь освободиться от страха перед чем-либо — от страха перед общественным мнением, страха потерять работу или лишиться веры. Если да, то вы должны знать, что отбросить страх чрезвычайно трудно. Действительно ли мы знаем страх? Или всегда существует разрыв между мыслительным процессом и той реальностью, что имеет место? Если я боюсь общественного мнения, того, что скажут люди, то это страх — просто движение мысли, не правда ли? Но когда наступает действительный момент встречи с фактом, с тем, что говорят люди, в этот самый момент страха нет. При полном осознании нет переживающего. Я не знаю, пытались ли вы осознавать полностью, без всякого выбора, быть полностью

восприимчивыми без всяких ограничений внимания. Если человек осознаёт таким образом, он может видеть, что всегда бежит от того, чего боится, он всегда старается избавиться от этого. Именно бегство от того, что мысль считает пугающим порождает страх, именно оно является страхом, а это фактически означает, что страх порождён временем и мыслью.

А что такое время? Помимо хронологического времени, по часам, в виде вчера, завтра, существует ли время внутренне, психологически? Или мысль изобрела время как средство достижения, чтобы покрыть интервал между тем, что *есть*, и тем, что *должно быть*? То, что *должно быть*, — лишь идеологическая установка; оно не имеет реального веса, это только теория. Реально, фактически существует только то, что *есть*. При встрече лицом к лицу с тем, что *есть*, страха нет. Человек боится узнать, чем он фактически является, но в подлинной встрече с тем, что *есть*, нет никакого страха. Именно мысль, размышление о том, что *есть*, порождает страх. Мысль — механический процесс, механический отклик памяти, поэтому встаёт вопрос: может ли мысль умереть сама для себя? Может ли человек умереть для всех воспоминаний, переживаний, ценностей и суждений, которые он накопил?

Пытались ли вы когда-нибудь умереть для чего-то? Не рассуждая, не выбирая, умереть для страдания или, особенно, для удовольствия? В умирании не бывает рассуждений и дискуссий, вы не можете спорить со смертью, она окончательна, абсолютна. И точно также необходимо умереть для памяти, умереть для мысли, для всех вещей и идей, которые человек собрал, накопил. Если вы попробуете, вы узнаете, как это необычайно трудно, как ум, мозг держится за память, цепляется за неё. Для того, чтобы отказаться от чего-то полностью, целиком, не ища ничего взамен, требуется ясное понимание, не так ли?

Пока существует непрерывное, преемственное течение мысли в виде времени, в виде удовольствия и страдания, неизбежен страх — а где страх, там нет понимания. Думаю, это достаточно просто и ясно. Человек боится столь многого, но если вы возьмёте из этого множества что-то одно и умрёте для этого полностью, вы увидите, что смерть — это не то, что вы о ней воображали или предполагали раньше, а нечто совсем иное. Но мы хотим продолжения. Мы что-то пережили, приобрели какие-то знания, разнообразные добродетели и достоинства, выработали себе характер; мы боимся, что всему этому придёт конец, и потому мы спрашиваем: «Что будет со мной, когда придёт смерть?» И в этом всё дело. Зная о неизбежности смерти, мы обращаемся к вере в реинкарнацию, воскресение, к всевозможным, связанным с верой фантазиям, — а это, на самом деле, продолжение того, что вы есть. А что вы есть в действительности? Боль, надежда, отчаяние, разные виды удовольствия, связанные временем и скорбью. У нас есть и редкие моменты радости, но вся наша остальная жизнь пуста и мелка, это постоянная борьба, исполненная трудов и печали. Это всё, что мы знаем в жизни, и это то, что мы хотим продлить. Наша жизнь — это последовательное продолжение известного, мы действуем и движемся от известного к известному; когда же известное рушится, возникает ощущение страха, страха встречи с неизвестным. Смерть — это неизвестное. Так можно ли умереть для известного и встретиться с ней? В этом весь вопрос.

Я не беседую о теориях. Я не занимаюсь такими пустяками, как торговля идеями вразнос. Мы пытаемся выяснить, что значит жить. Жить без страха, может быть, и значит быть бессмертным. Умереть для памяти, для прошлого и будущего — вот это, безусловно, и означает жить со смертью; и в этом состоянии нет страха смерти и всех нелепых выдумок, порождаемых страхом. А что это такое — умереть внутренне? Мысль есть продолжение вчерашнего в будущее, не так ли? Мысль — отклик памяти. Память есть результат переживания, а переживание — процесс вызова и отклика. Вы можете видеть, что мысль всегда функционирует в сфере известного; и пока этот механизм мысли действует, должен существовать и страх. Потому что именно мысль препятствует исследованию неизвестного.

Пожалуйста, давайте думать об этом вместе. Я разговариваю с вами не как человек, который открыл что-то новое и теперь рассказывает вам об этом, чтобы вы могли просто следить за его словами. Вы должны участвовать в этом продвижении и исследовать собственные ум и сердце. Необходимо самопознание, ибо познание себя — это начало свободы от страха.

Мы спрашиваем, можно ли жить со смертью, не в последний момент, когда ум нездоров, или в старости, или при несчастном случае, но действительно выяснить это прямо сейчас? Жизнь со смертью должна быть необыкновенным переживанием, чем-то совершенно новым, чего мысль не касалась и чего мысль обнаружить не может. И чтобы узнать, как жить со смертью, вам нужна огромная энергия, не так ли? Чтобы жить со своей женой, мужем, детьми, соседом и не деградировать, не быть изуродованным этим, чтобы жить с деревом, с природой — для всего этого нужна энергия. Чтобы жить с чем-то безобразным, вам нужна энергия, иначе безобразное будет уродовать вас или у вас выработается к нему механическая привычка; то же самое относится к красоте. Пока вы не живёте интенсивно, полно, в таком мире, где есть любые виды пропаганды, влияния, давления, контроля, ложных ценностей, вы привыкаете ко всему этому, и это притупляет ум, дух. А для того, чтобы была энергия, нужно чтобы не было никакого страха; это означает полное отсутствие каких бы то ни было требований к жизни. Я не знаю, возможно ли для вас дойти до этого: не просить у жизни ничего.

Недавно мы обсуждали потребности. Мы на самом деле нуждаемся в определённых физических удобствах, в еде, в жилище; но формирование психологических требований к жизни будет означать, что вы выпрашиваете, что вы боитесь. Для того, чтобы жить, оставаясь в одиночестве, нужна огромная энергия. Понимание этого — не продукт размышлений. Это понимание возможно лишь тогда, когда нет отбора, нет суждения, есть только наблюдение. Умирать каждый день — значит не тащить в него из вчерашнего дня все свои амбиции, свои жалобы, свои воспоминания о достижениях, своё недоброжелательство, свою ненависть. Большинство из нас увядает — но это не умирание. Умирать — значит знать, что такое любовь. У любви нет продолжения, нет завтрашнего дня. Чей-то портрет на стене, образ в вашем уме — это не любовь, это просто память. Смерть, как и любовь, — это неизвестное. И чтобы войти в неизвестное, то есть в смерть и любовь, нужно сначала умереть для известного. Только тогда ум свеж, молод и чист; и в этом нет смерти.

Когда вы наблюдаете себя в зеркале, вы видите, что вы не что иное, как набор воспоминаний, разве не так? И все эти воспоминания — о прошлом; все они — о том, что уже кончилось, ушло, не так ли? Нельзя ли умереть для всего этого сразу, одним махом? Это возможно, но требует постоянного самопознания, осознания каждой мысли, каждого жеста, каждого слова, чтобы не было никакого накопления. И это, несомненно, возможно. Тогда вы узнаете, что значит умирать каждый день; и тогда мы, возможно, узнаем, что значит любить каждый день, а не просто считать любовью свои воспоминания. Всё, что мы сейчас знаем, это дым привязанности, дым ревности, зависти, самолюбивых устремлений, жадности и прочего. Мы не знаем скрытого дымом пламени. Но если разогнать дым полностью, мы узнаем, что жить и умирать — это одно и то же, не теоретически, но на самом деле, фактически. В конце концов, в том, что продолжается, что не приходит к концу, нет творчества. То, в чём есть непрерывность, преемственность, не может быть новым никогда. Только в разрушении непрерывности есть новое. Я не имею в виду социальное или экономическое разрушение — это очень поверхностно. И если вы вникаете во всё это очень глубоко, не только на сознательном уровне, но и гораздо глубже, за пределами мысли, за пределами всякого сознания, которое всё ещё относится к области мысли, вы обнаружите, что умирание — нечто необычайное. Тогда окажется, что умирание — это творчество. Не писание стихов, картин или изобретение новых приборов — всё это не творчество. Творчество приходит лишь тогда, когда вы умерли для всех

технических приёмов, для всего знания, для всех слов.

Итак, смерть, как мы представляем себе, есть страх. И когда страха нет — поскольку каждую минуту вы встречаете смерть, — каждая минута становится чем-то новым; она нова, ибо старое было уничтожено, разрушено. Чтобы разрушать, не должно быть никакого страха — должно быть только состояние полного одиночества; необходима способность существовать совсем одному, без Бога, без семьи, без имени, без времени. Это не отчаяние. Смерть — не отчаяние. Наоборот, она есть полное, завершённое, без ограничений мысли проживание каждого мгновения. И живя таким образом, вы обнаружите, что жизнь есть смерть, а смерть — творчество и любовь; они всегда идут рядом, эта троица неразделима. Художник озабочен только самовыражением, а это — очень поверхностно, это — не творчество. Творчество не есть самовыражение, творчество вне мысли и чувства, оно свободно от техники, оно свободно от слова, оно свободно от цвета. Такое творчество и есть любовь.

Участник беседы: Как существовать будущим поколениям, если умирать каждую минуту?

Кришнамурти: Думаю, вы, если позволите так выразиться, поняли это неправильно. Вас действительно заботит, что будет со следующими поколениями? Разве любовь исключает рождение детей? Знаете ли вы, что значит действительно любить кого-то? Я говорю не о похоти. Я говорю не о полном отождествлении себя с другим, когда вас как будто что-то уносит. Это сравнительно легко, когда вы движимы эмоцией. Я говорю не об этом. Я говорю о такой пламенной страсти, в которой вы или другой полностью перестаёте существовать. Но, боюсь, очень не многие знают её; очень немногие переставали существовать хотя бы на мгновение. Если вы действительно знаете, что это означает, то нет никакого вопроса о будущих поколениях. В конечном счёте, если бы вас действительно заботил вопрос будущих поколений, у вас были бы совсем другие школы, совершенно иного рода воспитание — не так ли? — без соперничества и без всяких уродующих ребёнка явлений.

Участник беседы: Если при жизни человек не знает, что есть истина, — узнает ли он её после смерти?

Кришнамурти: Сэр, что такое истина? Истина — не то, что говорит вам церковь, священник, сосед или книга, это не идея или вера. Истина — нечто живое, новое; и вы должны открывать её; она здесь, чтобы вы сами узнавали её. А для этого вы должны умирать для того, что уже известно. Чтобы увидеть что-либо очень ясно, чтобы видеть розу, цветок, видеть другого человека, никак его не истолковывая, вы должны умереть для слова, для воспоминаний об этом человеке. Тогда вы будете знать, что такое истина. Истина не есть что-то далёкое, что-то мистическое, что может быть открыто, только когда вы физически умерли, в раю или в аду. Если бы вы были действительно голодны, вы не удовлетворились бы рассказами о еде. Вы хотели бы еды, а не слова «еда». Точно также, если вы хотите узнать об истине, то слово, символ, объяснения — это просто прах, они не имеют смысла.

Участник беседы: Я понимаю, что нужно быть свободным от страха, чтобы иметь эту энергию, и всё же мне кажется, что страх в каком-то отношении необходим. Как же человеку выбраться из этого порочного круга?

Кришнамурти: Несомненно, в определённой степени физический страх необходим, иначе вы можете оказаться под автобусом. В известной степени сознательная самозащита необходима. Но помимо этого не должно быть никакого страха. Я употребляю слово "не должно" не в качестве повеления или заповеди, а потому что без этого нельзя обойтись. Думаю, мы не видим важности, необходимости полной внутренней свободы от страха. Ум, который боится, не может двигаться свободно в любом направлении, выясняя истину. Причина, по которой мы этого не видим, заключается в том, что мы воздвигли вокруг себя множество защитных заграждений, и боимся того, что произойдёт, если эти гарантии, эти защиты будут разрушены. Всё, что мы

знаем, это сопротивление и защита. Мы говорим: «Что произойдёт со мной, если я перестану сопротивляться своей жене, своему мужу, своему соседу, своему начальнику?» Может ничего не произойти, а может произойти и всё что угодно. Для того, чтобы узнать истину в этом вопросе, нужна свобода от сопротивления, от страха.

Участник беседы: Пока мы вас слушаем, мы, возможно, живём в этом состоянии, но почему мы не живём в нём всё время?

Кришнамурти: Вы меня слушаете — не так ли? — потому что я достаточно настойчив, потому что я энергичен и люблю то, о чём говорю. И дело не в том, что я люблю просто выступать перед аудиторией — это для меня ничего не значит. Чтобы узнать, что значит жить со смертью, надо любить смерть, понимать её, погружаться в неё полностью, целиком, каждую минуту дня. Вы слушаете меня потому, что я загоняю вас в угол и заставляю вас смотреть на самих себя. А потом вы забудете обо всём этом. Вы вернётесь в прежнюю колею и станете спрашивать: «Как мне выбраться из этой колеи?» поэтому было бы гораздо лучше вообще не слушать, чем создавать ещё одну проблему — как продлить это другое состояние. У вас достаточно проблем — войны, ваши соседи, мужья, жёны, дети ваши честолюбивые устремления. Не добавляйте ещё одну. Или умирайте полностью, сознавая необходимость, важность, неотложность этого, или продолжайте жить по-прежнему. Не создавайте ещё одного противоречия, ещё одной проблемы.

Участник беседы: А как насчёт физической смерти?

Кришнамурти: Разве не изнашивается любой механизм? Механизм, как бы точно он ни был собран и прекрасно смазан, должен со временем изнашиваться. При правильном питании, необходимых упражнениях, наличии нужных лекарств вы можете прожить сто пятьдесят лет, но механизм в конечном счёте всё равно придёт в негодность, и тогда вы столкнётесь с этой проблемой смерти. Проблема эта стоит перед вами в начале, и она же стоит перед вами и в конце. Поэтому гораздо мудрее, разумнее, правильнее решить проблему эту сейчас и покончить с нею.

Участник беседы: Что нам отвечать ребёнку, когда он спрашивает о смерти?

Кришнамурти: Вы можете ответить ребёнку только в том случае, если сами знаете, что такое смерть. Вы можете говорить ребёнку, что огонь обжигает, поскольку вы сами обжигались. Но вы не можете сказать ему, что такое любовь или что такое смерть, не правда ли? Не можете вы ему сказать и что такое Бог. Если вы католик, христианин, с соответствующей верой, догмами, вы ответите ребёнку в согласии с ними, но это всего лишь ваша обусловленность, то, к чему вы приучены. Если же вы сами внутренне вошли в обитель смерти, вы действительно будете знать, что ответить. Но если вы никогда не испробовали, что значит действительно внутренне умереть, тогда любой ответ, который вы дадите ребёнку, вообще не будет иметь никакого смысла — этот ответ будет просто набором слов.

19 сентября 1961

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ

В этой беседе нам предстоит продвинуться в нашей работе, и это может оказаться довольно трудным может быть, лучше сказать необычным, непривычным делом. Я собираюсь использовать некоторые слова, которые могут обозначать для вас одно, а для меня — совсем другое. Для того, чтобы действительно общаться друг с другом на всех уровнях, нам необходимо общее понимание слов, которые мы употребляем, и значения слов, их смысла. Медитация, которую я предполагаю исследовать вместе с вами, имеет для меня огромное значение, тогда как для вас это может быть только слово, которое используется весьма произвольно. Для вас оно, возможно, означает способ достигнуть результата, к чему-то прийти, и может включать в себя повторение слов и фраз с целью успокоить ум, а также молитвенные позы. Но для меня слово «медитация» имеет необычайное значение; и чтобы понять его полностью — а это я и предлагаю сделать, — нужно сначала, как мне кажется, понять силу, которая создаёт иллюзию.

Большинство из нас живёт в воображаемом мире. Все наши верования — это иллюзии; они вообще не имеют под собой никакой реальной почвы. Для того чтобы избавиться ум от всех видов иллюзии и от способности создавать иллюзию, требуется по-настоящему ясное, острое восприятие, способность рассуждать здраво, ни от чего не уклоняясь, не отвлекаясь ни на что постороннее. Ум, в котором нет страха, который не прячет тайных желаний, ум, который совершенно спокоен, свободен от конфликта, — такой ум способен увидеть, что истинно, способен увидеть, есть ли Бог. Я имею в виду не слово «Бог», а то, что это слово представляет, нечто неосязаемое и неизмеримое с точки зрения слов и времени — если таковое существует. Для того, чтобы такое исследование стало возможным, необходимо, чтобы все иллюзии, и сама способность создавать иллюзии пришли к концу. Освобождение ума от всех иллюзий и есть для меня путь медитации. Я полагаю, что медитация — это выход в необозримую область великих открытий — не изобретений, не видений, а чего-то совсем иного, что действительно за пределами времени — за пределами всего, созданного умом человека на протяжении столетий поиска. Если человек действительно хочет узнать сам, он должен заложить правильный фундамент, а закладка правильного фундамента — это и есть медитация. Брать что-то за образец, за шаблон, гоняться за системой или следовать методу медитации — всё это слишком по-детски, слишком несерьёзно, это просто подражание и не ведёт ни к чему, даже если и вызывает видения.

Правильная основа для выяснения того, существует ли какая-то реальность за верованиями, навязанными уму пропагандой, появляется лишь с самопознанием. Само это познание себя и есть медитация. Познание себя вовсе не означает выяснения того, каким следует быть, — в этом нет ни смысла, ни реальности, это просто идея, идеал. Но понимание того, что есть, наличного действительного факта того, что вы такое от момента к моменту, требует освобождения ума от обусловленности. Обусловленностью я называю всё, что навязало вам общество, что навязала вам религия с помощью пропаганды, с помощью настойчиво повторяемых утверждений, с помощью веры и страха перед небом и адом. Сюда входит обусловленность национальностью, климатом, обычаями и традициями, культурой — культурой французской, индийской, русской, — и бесчисленными верованиями, суевериями, опытом, составляющими весь тот фон, на котором живёт сознание и который укрепляется нашей собственной жаждой безопасности. Как раз исследование этого фона, заднего плана, и его ликвидация и составляют закладку правильного фундамента для медитации.

Без свободы человек может продвинуться не слишком далеко; он просто забредает в дебри иллюзий, а в этом нет вовсе никакого смысла. Если человек хочет узнать, существует реальность

или нет, и если он действительно хочет довести это открытие до самого конца, а не просто играть с идеями, пусть приятными, глубокомысленными, разумными и с виду здоровыми, ему, прежде всего, нужна свобода, свобода от конфликта. А это очень трудно. Довольно легко избавиться, уйти от конфликта; можно последовать какому-нибудь методу, принять пилюлю, транквилизатор, или напиться — и вот уже человек не осознаёт конфликта. Но для того, чтобы глубоко исследовать всю проблему конфликта, требуется внимание.

Внимание и концентрация — разные вещи. Концентрация — это исключение, это сужение ума и мозга так, чтобы сфокусировать его на вещи, которую он желает изучить, рассмотреть. Это достаточно просто понять. И концентрация путём исключения создаёт отвлечения, не так ли? Когда я хочу сосредоточиться, а ум переходит на что-то другое, это другое и есть отвлечение — и потому возникает конфликт. Всякая концентрация подразумевает отвлечение конфликт и усилие. Пожалуйста, не ограничивайтесь тем, чтобы просто слушать мои слова, мои объяснения, но на самом деле следите за своими конфликтами, своими отвлечениями, своими усилиями. Усилие предполагает конфликт — не правда ли? И существует усилие лишь тогда, когда вы хотите достигнуть или избежать чего-то, хотите чему-то следовать, или чего-то отвергнуть.

Это, смею сказать очень важный момент для понимания: концентрация есть исключение, сопротивление, ограничение возможностей мысли. Внимание же — совсем иной процесс. Внимание включает в себя, а не исключает. Внимательным можно быть только тогда, когда в уме нет барьеров. Иначе говоря, я могу видеть сейчас перед собой множество лиц, слышать голоса на улице, слышать, работает или не работает электровентилятор, видеть улыбки и одобрительные кивки головой — внимание включает всё это и ещё многое. Тогда как если вы просто сосредотачиваетесь, вы не можете включить всё это; всё это становится отвлечением. Во внимании никакого отвлечения нет. Во внимании возможно сосредоточение, но это сосредоточение не исключает. В то же время концентрация исключает внимание. Возможно, это для вас что-то новое, но если вы поэкспериментируете с этим сами, вы увидите, что есть такое внимание, которое может слушать, видеть, наблюдать без ощущения отождествления. Это полное видение, наблюдение, и потому оно не исключает.

Я говорю обо всём этом потому, что очень важно, как мне кажется, понять, что ум, который находится в конфликте относительно чего-либо — самого себя, своих проблем, своего ближнего, своей безопасности, — такой ум, такой мозг никогда не бывает свободным. Поэтому вам нужно выяснить самому, можно ли, живя в этом мире — зарабатывая на жизнь, ведя семейную жизнь со всей её утомительной рутинной, заботами, чувством вины, — достичь очень глубокого понимания, выйти за пределы сознания и жить без внутреннего конфликта.

Конфликт, несомненно, существует, когда вы хотите чем-то стать. Конфликт существует, когда есть честолюбие, жадность, зависть. А можно ли жить в этом мире без честолюбия, без жадности? Или человек навеки обречён быть жадным, чего-то добиваться, стремиться что-то осуществить и ощущать разочарование, озабоченность, вину и всё такое прочее? И нельзя ли избавиться от всего этого, ведь иначе вы не сможете далеко уйти; это связывает мысль. Избавление сознания от всего этого процесса, связанного с честолюбивыми устремлениями, завистью, жадностью и есть медитация. Добивающийся чего-то ум не может знать, что такое любовь; ум, изуродованный желаниями, не может быть свободным. Это вовсе не означает, что человек должен остаться без жилья, без еды, без одежды, без определённого физического комфорта, но ум, которым владеют зависть, ненависть, жадность — будь то жадность к знанию, к Богу или к новым нарядам, — такой ум пребывает в конфликте и никогда не может быть свободным. Только свободный ум может продвинуться очень далеко.

Итак, самопознание есть начало медитации. И без познания себя повторение слов из Библии или Гиты или ещё какой-нибудь так называемой священной книги не имеет никакого

смысла. Оно может успокоить ум, но вы можете достигнуть того же и таблеткой. При повторении фразы снова и снова ваш мозг естественным образом становится спокойным, сонным и вялым, и из этого состояния нечувствительности и вялости вы можете извлечь определённого рода переживания, достичь определённого результата. Но при этом вы по-прежнему одержимы стремлением к чему-то, завистливы, жадны и порождаете вражду. Поэтому изучать себя, узнавать, чем вы являетесь на самом деле, это начало медитации. Я употребляю слово «изучать», так как когда вы учитесь в том смысле, о котором я говорю, накопления не происходит. То, что вы называете накоплением, — это процесс постоянного добавления к тому, что вы уже знаете. Но с моей точки зрения, в тот момент, когда вы что-то приобрели, накопили, это накопление становится знанием, но знать — не значит учиться. Если вы учитесь, это никогда не связано с накоплением; приобретение же знаний — это процесс обусловливания.

Если я хочу изучать себя, выяснить, что я такое в данный момент, я должен наблюдать всё время, каждую минуту, чтобы видеть, как проявляется то, чем я являюсь. Наблюдение — это не осуждение или одобрение, но видение того, что я такое из момента в момент. Ведь то, чем я являюсь, всё время меняется — не так ли? — оно никогда не статично. Знание статично, тогда как процесс изучения динамики честолюбивого устремления не статичен, он живёт, движется вперёд. Надеюсь, я понятно объясняю, что имею в виду. Таким образом, изучение и приобретение знания — разные вещи. Изучение бесконечно, это движение в свободе, а знание имеет центр, который накапливает, и единственное движение, известное ему, — это дальнейшее накопление, дальнейшая зависимость.

Чтобы следить за тем, что называют «я», со всеми его оттенками, проявлениями, изгибами, тонкостями и хитростями, ум должен быть очень ясным, бдительным, ведь «я» всё время меняется, модифицируется, не так ли? Я уже не тот, что был вчера, или даже минуту назад, ведь каждая мысль, каждое чувство изменяет, формирует ум. И если вы заняты только осуждением или оценкой с точки зрения накопленного знания, с точки зрения вашей обусловленности, вы не следуете, не движетесь с тем, что наблюдаете. Поэтому изучение себя имеет гораздо большее значение, чем накопление знаний о себе. Нельзя иметь статичное знание о живой вещи. Знание вы можете иметь о том, что прошло, так как всякое знание принадлежит прошлому; оно статично, уже мертво. Но живое всё время меняется, претерпевает изменение, оно каждую минуту другое, и вы должны следовать за ним, изучать его. Вы не можете понять своего ребёнка, если всё время осуждаете его, оправдываете его, или отождествляете с ним; вы должны наблюдать его без всяких суждений, когда он спит, когда он плачет, когда он играет, — всё время.

Итак, изучение себя есть начало медитации; и в процессе изучения себя происходит освобождение от всех иллюзий. А это абсолютно необходимо, ведь для того, чтобы узнать, что истинно, — существует ли истина, нечто, выходящее за пределы всякой меры, — необходимо отсутствие всякого обмана. Но обман неизбежен, когда есть желание удовольствия, комфорта, удовлетворения. Этот процесс, безусловно, очень прост. В своей жажде удовлетворения вы создаёте иллюзию и оказываетесь прикованным к ней на всю жизнь. Вы удовлетворены. И в большинстве своём люди удовлетворены, когда они верят в Бога. Они боятся жизни, неопределённости, хаоса, страдания, страдания, чувства вины, волнений, забот и печалей жизни, поэтому они принимают в конце концов нечто, что они называют Богом, и к этому устремляются. Посвятив себя вере, они имеют видения, становятся святыми и всё такое прочее. Это означает, что они не пытаются выяснить, существует реальность, или нет. Может быть, она есть, а может быть, нет; вы сами должны выяснить. Для того, чтобы выяснить это, нужна свобода в самом начале, а не в конце — свобода от всего подобного честолюбию, жадности, зависти, славе, желанию стать важным и прочим ребяческим занятиям.

Поэтому когда вы изучаете себя, вы углубляетесь в себя не только на сознательном уровне, но также на глубинном, бессознательном уровне, выявляя все тайные желания, скрытые цели, потребности, побуждения. И тогда способность творить иллюзию уничтожена, ибо вы заложили правильный фундамент. Если ум, мозг изучает себя, наблюдает себя в живом движении, не позволяя ни одной мысли или чувству ускользнуть незамеченными, непонятыми, то совокупность всего этого и есть осознание. Это значит осознавать себя полностью, без осуждения, без оправдания, без отбора, как будто вы смотрите на себя в зеркале. Вы не можете сказать: «Я хочу, чтобы у меня было другое лицо»; оно такое, какое есть.

И благодаря такому пониманию себя, мозг, который механичен, вечно болтает, откликается на любое желание, любой вызов, — становится совсем спокойным, хотя и остаётся восприимчивым и живым. Это не мёртвый мозг — это мозг активный, динамичный, живой, но совершенно спокойный, безмолвный, потому что в нём нет конфликта. Он безмолвен потому, что понял и отбросил все проблемы, которые создал себе сам. Ведь проблема возникает лишь тогда, когда вы не понимаете сути дела. Если ум полностью рассмотрел и понял стремление преуспеть в чём-то, то у него больше нет проблем с таким стремлением, с ним покончено. И потому ум спокоен.

Теперь, исходя из этого, мы можем двигаться дальше, либо идти вместе только на словах, либо же на самом деле предпринять совместное путешествие и выяснить всё это на собственном опыте, в переживании, — а это означает полное устранение стремления чего-то добиться. Вы знаете, что от такого стремления или от жадности нельзя избавиться мало-помалу, не может быть никакой речи о «позже» или «пока». Вы должны либо избавиться от этого полностью, либо не избавляться вообще. Но если вы пришли к этому, так что уже нет ни жадности, ни зависти, ни стремления в чём-то преуспеть, тогда мозг невероятно спокоен, восприимчив и потому свободен — что означает медитацию, — и тогда, но никак не раньше, вы можете идти дальше. Идти дальше, не достигнув этого, значит просто заниматься отвлечённым теоретизированием, в котором нет никакого смысла. Чтобы идти дальше, следует заложить этот фундамент, являющийся истинной добродетелью. Это не добродетель респектабельности, социальной морали общества, но нечто необычайное, чистое, подлинное, приходящее без усилий, что само по себе является смирением. Смирение совершенно необходимо, но его невозможно культивировать, возвращать, практиковать. Говорить себе: «Я стану смиренным», просто глупо, потому что это тщеславие, прикрытое словом «смирение». Но есть смирение, приходящее естественно, неожиданно, без усилий, и тогда конфликта нет, ибо такое смирение никуда не карабкается, ничего не хочет.

Теперь, когда человек пришёл к состоянию полного безмолвия, когда мозг абсолютно спокоен и потому свободен, появляется движение совершенно иного рода.

Пожалуйста, осознайте для себя, что для вас это состояние умозрительное. Я говорю о том, чего вы не знаете, и потому для вас это осмысленно в очень малой степени. Но я говорю об этом потому, что это важно для целого, для всей жизни. Ведь без открытия, что истинно, а что ложно, и есть ли вообще истина или нет, жизнь становится чрезвычайно мелкой. Называйте себя христианином, буддистом, индуистом или чем хотите, всё равно жизнь наша по большей части является очень мелкой, пустой, тусклой, механической. И с таким вялым умом мы пытаемся найти то, что не может быть выражено словами. Мелочный ум, пытающийся найти безмерное, всё равно остаётся мелочным умом. Так что вялый, отупевший ум должен изменить себя. Поэтому я говорю о том, что вы, может быть, наблюдали, а может и нет; но очень важно узнать об этом, поскольку эта реальность включает в себя всю целостность нашего сознания, весь ход нашей жизни. Для того, чтобы выявить эту реальность, ум должен быть абсолютно спокойным, и не с помощью самогипноза, дисциплины, подавления, приспособления; всё это есть лишь

замена одного желания другим.

Не знаю, случалось ли с вами когда-нибудь такое, чтобы ваш ум был очень тихим, спокойным. Речь идёт не о том спокойствии, которое вы находите в церкви, и не о поверхностном неглубоком состоянии, возникающем у вас, когда вы идёте по улице, гуляете в лесу, слушаете радио или готовите еду. Эти внешние обстоятельства могут поглотить вас, и так оно и бывает, так что устанавливается некоторая временная разновидность спокойствия. Здесь сходство с ребёнком, играющим с игрушкой: игрушка так интересна, что поглощает всю его энергию, все его мысли; но это не спокойствие. Я говорю о том спокойствии, которое приходит с пониманием сознания во всей его полноте, когда нет уже никаких стремлений, поисков, желаний, никакого блуждания впотымах, и сознание потому оказывается совершенно спокойным. В этом спокойствии присутствует совсем другое движение, и это движение вне времени. Не пытайтесь понять умом эти фразы, так как сами по себе они не имеют значения. Наши умы, наши мысли — продукт времени, и поэтому думать о вневременном не имеет смысла. Только когда ум успокоился, когда он больше не стремится, не ищет, не сопротивляется, не избегает, а совершенно спокоен, ибо понял весь этот механизм, только тогда, в этом безмолвии приходит жизнь совсем другого рода, движение, которое вне времени.

Участник беседы: Разве не бывает такого усилия, которое является правильным?

Кришнамурти: С моей точки зрения, не существует усилия правильного и усилия неправильного. Всякое усилие означает конфликт, не так ли? Когда вы что-то любите, в этом нет усилия, нет конфликта, разве не так? Я вижу, что в этом мире должна произойти огромная перемена. При наличии всех этих политических лидеров, коммунистов и капиталистов, при повседневном авторитаризме в мире насущно необходима коренная внутренняя перемена. Необходима перемена, и я хочу выяснить, что именно эта перемена должна означать. Возможно ли осуществить её усилием? Когда вы произносите слово «усилие», оно подразумевает центр, из которого вы делаете усилие, чтобы изменить что-то другое, разве нет? Я хочу изменить своё желание чего-то добиваться, хочу уничтожить его. Но кто же та сущность, которая хочет уничтожить данное желание? Является ли данное желание чем-то отдельным от этой сущности? Сущность, которая наблюдает желание чего-то добиваться и хочет изменить его, превратить в нечто иное, сама, следовательно, одержима тем же желанием — так что это вовсе не изменение. Что приведёт к изменению, так это просто само наблюдение, видение — не осуждение, не оценка, просто само наблюдение. Но такое видение, такое наблюдение блокируется, потому что мы приучены, обусловлены осуждать, оправдывать, сравнивать. Именно освобождение ума от этой обусловленности приносит перемену.

Нужно увидеть всю абсурдность обусловленности, пребывания под влиянием — родителей, воспитания и образования, общества и церкви, двух- или десятилетиями пропаганды. Есть внутренний центр, который сформировался вокруг всего этого; само это и есть центр. И когда этот центр находит, что быть чем-то не выгодно, он хочет стать чем-то другим, что, как полагает он, более выгодно. Но увидеть всё это нам не даёт наша обусловленность как христиан, французов, англичан, немцев, влияние других людей, нашего собственного выбора, примеров, героев и всего такого прочего. Всё это препятствует перемене. Чтобы осознать, что вы обусловлены, увидеть этот факт без увёрток, без поисков выгоды — просто увидеть, и не на словах, не интеллектуально, а на самом деле войти в эмоциональный контакт с этой обусловленностью, — нужно слушать то, что говорится. Если сейчас, когда говорится всё это, вы слушаете, то эмоционально вы находитесь в контакте с фактом, и тогда нет никакого выбора, существует только факт, как удар током. Но вы не ощущаете этого эмоционального шока, потому что охраняете себя, защищаете себя словами, говоря: «Что же со мной будет, если я всё потеряю, психологически?» Но человек, который действительно хочет выяснить, узнать, действительно

этого жаждет, должен освободить свой ум от всех влияний и пропаганды.

Знаете, даже странно, до чего важной стала пропаганда в нашей жизни. Она существовала на протяжении столетий, но сейчас она становится всё более и более навязчивой — лицемерные речи, торговля, вас уговаривают покупать; церкви повторяют свои слова опять и опять. И для того, чтобы освободиться от всего этого, необходимо из момента в момент наблюдать за каждой возникающей мыслью и каждой эмоцией, узнавать о них всё. Если ваше наблюдение будет полным, вы увидите, что разрушение обусловленности не затягивается сознательно, что не существует процесса такого чрезмерного затягивания; разрушение обусловленности происходит немедленно и потому не требует усилий.

Участник беседы: Как люди, включая и меня, могут обрести эту любовь к реальности?

Кришнамурти: Вы не можете обрести её, сэр, не можете её купить. Тем, кто не знает любви, не дадут её никакие жертвы, никакой обмен. Как вы её приобретёте? Практикой, усилием, тем, что от вас день за днём, год за годом будут требовать любить? Одна лишь доброта — ещё не любовь; но любовь включает в себя доброту, мягкость и заботу о другом. Видите ли, любовь не является конечным результатом; и в любви нет привязанности. Любовь приходит только тогда, когда нет страха. Можно состоять в браке, можно жить с семьёй и любить без привязанности. Однако это невероятно трудно; это требует постоянного наблюдения, постоянного внимания.

Участник беседы: Отличается ли энергия, необходимая для понимания смерти, от той, что нужна для медитации?

Кришнамурти: На днях я говорил, что для того, чтобы жить со смертью или с чем-то другим — с женой, с мужем, с детьми, с соседом, — нужна энергия. Вам нужна энергия, чтобы жить как с чем-то прекрасным, так и с чем-то безобразным. Если у вас нет энергии, чтобы жить с красотой, вы привыкаете к красоте. А если у вас нет энергии, чтобы жить с безобразным, безобразное извращает, разъедает вас. И точно также, чтобы жить со смертью, то есть умирать для всего каждый день, каждую минуту, требуется энергия. И тогда нет страха перед смертью. Об этом мы говорили в прошлый раз. И та же самая энергия нужна для понимания себя. Как можете вы понять себя, если у вас нет для этого энергии? Эта энергия появляется только тогда, когда нет ни страха, ни привязанности — к собственности, к мужу, к жене, к детям, к стране, к богам, к вере. Эту энергию нельзя отмерять мало-помалу; для того, чтобы вникнуть, понять, она нужна вам полностью и сразу. Нет разницы между энергиями, есть только энергия.

Участник беседы: Какая разница между концентрацией и вниманием?

Кришнамурти: Вы хотите понять, в чём разница между концентрацией и вниманием. Я скажу об этом очень кратко. Где есть концентрация, там есть мыслящий, мыслящий отделяет себя от мысли, и поэтому он вынужден концентрироваться на мысли, чтобы изменять её. Но мыслящий сам является результатом мысли. Мыслящий не отличается от мысли. Если нет мышления, нет и мыслящего.

Во внимании нет мыслящего, нет наблюдающего; внимание не исходит из центра. Экспериментируйте с этим, слушайте всё вокруг себя, слушайте разные звуки, движение людей, когда вытаскиваете носовой платок, заглядываете в книгу — всё это сейчас происходит. В этом внимании нет мыслящего, а потому нет и конфликта, нет противоречия, нет усилия. Наблюдать происходящее во внешнем мире достаточно легко, но чтобы быть внимательным к происходящему внутри, к каждой мысли, к каждому жесту, к каждому слову и чувству, требуется энергия. И если вы внимательны в этом смысле, вы покончили со всем механизмом мышления; и только в таком случае можно выйти за пределы сознания.

21 сентября 1961

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ

Это последняя беседа. Сегодня утром я хотел бы поговорить о скорби и религиозном уме. Скорбь разлита повсюду, внутри и снаружи. Мы видим скорбь в верхах и внизу. За тысячи лет существования вокруг неё сплетено множество теорий, и все религии много говорили о ней; но скорбь продолжается. Возможно ли покончить со скорбью, по-настоящему оказаться свободным от неё внутренне? Существует не только скорбь, связанная со старостью и смертью, но и скорбь неудачи, тревоги, вины, страха, скорбь продолжающейся жестокости, безжалостного отношения человека к человеку. Можно ли вообще искоренить причину этой скорби — не в другом, в себе самом? Безусловно, если необходимо какое-либо изменение, то его нужно начинать с самого себя. В конечном счёте человек и общество нераздельны. Мы — общество, мы — коллектив. Как французы, русские, англичане, индусы мы являемся результатом коллективных реакций и откликов, вызовов и влияний. И преобразуя этот центр — индивида, — мы, может быть, сумеем изменить коллективное сознание.

Я думаю, что это не столько кризис во внешнем мире, сколько кризис в сознании, в мысли, во всей жизни, во всём существе человека. И я думаю, только религиозный ум может развеять эту печаль, рассеять целиком и полностью весь процесс мысли и его результат, предстающий в виде скорби, страха, тревоги и вины.

Мы столь многими способами пытались избавиться от скорби, обращаясь к церкви, прибегая к верованиям и догмам, отдаваясь разного рода общественной и политической деятельности, используя бесчисленное множество других путей бегства от постоянно гложущего страха и скорби. Я думаю, что только истинно религиозный ум может решить эту проблему. А под религиозным умом я понимаю нечто совершенно отличное от ума, верящего в какое-либо религиозное учение. Где есть вера, там нет религии. Религии нет там, где есть догма, где есть вечное повторение слов, слов и слов — на латыни, санскрите или любом другом языке. Ходить на мессу — просто ещё одна форма развлечения, это не религия. Религия — это не пропаганда. Нет никакой разницы, промывают вам мозги церковники или коммунисты. Религия есть нечто совершенно отличное от веры и неверия, и я хочу в полном объёме рассмотреть вопрос о том, что такое религиозный ум. Поэтому давайте как следует уясним себе, что религия — не религиозное учение, в которое вы верите: вера — тоже проявление незрелости. И где есть незрелость, там неизбежна скорбь. Нужна большая зрелость, чтобы открыть, что такое истинно религиозный ум. Очевидно, им не может быть верующий ум; им не может быть и ум, который следует какому-либо авторитету, будь то величайший учитель, или глава определённой секты. Очевидно, что религиозный ум свободен от всякой склонности следовать каким-либо образцам или идеям, а потому и от всякого авторитета.

Нельзя ли мне отклониться в сторону и сказать кое-что на другую тему? Некоторые из вас посещали эти девять бесед за последние три недели достаточно регулярно. И если уйдёте вы отсюда с массой выводов, с новым набором идей и фраз — вы уйдёте с пустыми руками или у вас в руках окажется нечто мёртвое, один прах! Никакие выводы и идеи не разрешат проблему скорби. Поэтому я очень надеюсь, что вы не станете цепляться за слова, а вместе со мной отправитесь в путешествие, которое поможет нам выйти, за пределы слов и открыть для себя с помощью самопознания что имеет место на самом деле, — и уже из этого пункта предпримите дальнейшее путешествие. Открытие человеком того, что есть в нём самом, в действительности и фактически, вызывает совершенно особый отклик и действие. Поэтому надеюсь, вы не унесёте отсюда прах слов и воспоминаний.

Как было сказано, религиозный ум свободен от всякого авторитета. Это крайне трудно —

быть свободным от авторитета; не только авторитета другого человека, но и авторитета собственного опыта, который идёт от прошлого, который есть то же самое, что традиция. Религиозный ум не имеет верований, не имеет догм; он движется от факта к факту, и потому религиозный ум — это научный ум. Но научный ум — не то же самое, что религиозный. Религиозный ум включает в себя научный ум; но ум, воспитанный на научном знании и приученный к нему, не есть религиозный ум.

Религиозный ум интересуется и занимается целым, он озабочен не каким-то частным проявлением, а всей полнотой человеческого существования. Рассудок занимается какой-то частной, определённой функцией, он специализируется. Он функционирует в рамках специализаций — как учёный, врач, инженер, музыкант, художник, писатель. Именно эти специализированные, узко ограниченные технические подходы создают разделение — не только внутреннее, но и внешнее. Учёный, вероятно, рассматривается как человек, больше всего необходимый обществу в данный момент, наиболее важный для него; то же самое относится к врачу. Так что функция приобретает наивысшую важность; с ней приходит статус, а статус — это престиж. Поэтому где есть специализация, должно быть противоречие и ограничение; и именно так функционирует рассудок.

Безусловно, каждый из нас функционирует в узкой колее самозащитных реакций. Именно здесь, в рассудке возникает «я» с его защитными реакциями, его агрессивностью, его амбициями, разочарованиями и скорбью.

Таким образом, между умом и рассудком есть разница. Рассудок разделяет, он функционален, он не может видеть целое и действует в рамках какого-либо стереотипа. А ум целостен и способен видеть целое. Рассудок входит в состав ума, но не включает в себя ум. И сколько бы мысль ни очищала и ни контролировала себя, она не может воспринять, сформулировать или понять целое. Видеть целое — способность именно ума, а не рассудка.

Но то, насколько мы развили свой рассудок, просто поразительно. Всё наше образование — это культивирование рассудка, ведь в освоении технических приёмов и в приобретении знаний есть выгода. Способность видеть существование в целом не опирается на мотив выгоды, поэтому мы пренебрегаем ею. Для нас исполнение специальной функции гораздо важнее понимания. Но понимание возможно лишь тогда, когда есть восприятие целого. Сколько бы рассудок не трудился над причинами и следствиями вещей, проблема печали не может быть разрешена мыслью. Только когда ум воспринимает причину, следствие, весь процесс в целом и выходит за пределы его, только тогда наступает конец скорби.

Для большинства из нас функция стала очень важной, так как с ней приходит статус, место в обществе, высокое положение. А когда статус порождается исполнением функции, налицо противоречие и конфликт. Как мы почитаем учёного и как пренебрежительно смотрим на повара! Как почтительно взираем на премьер-министра и на генерала и как пренебрегаем солдатом! Таким образом, когда статус связан с функцией, имеет место противоречие; отсюда разделение на классы, классовая борьба. Общество может пытаться ликвидировать классы, но до тех пор, пока функция сопровождается статусом, существование классов неизбежно. И это то, чего мы все хотим. Мы все хотим статуса, потому что это власть.

И вы знаете: власть — это нечто совершенно удивительное. К ней стремятся все: отшельник, генерал, учёный, домашняя хозяйка и муж. Мы все хотим власти: власти, которую дают деньги, власти, позволяющей господствовать, власти знания, власти способностей. Она даёт нам положение и престиж, а это то, чего мы хотим. Но власть есть зло, будь то власть диктатора, власть жены над мужем или мужа над женой. Власть есть зло, ибо она вынуждает людей соответствовать, приспособливаться, а в этом процессе нет свободы. Мы хотим её весьма утончённо или очень грубо; вот почему мы стремимся к знанию. Знание так важно для нас, и мы

так подобострастно смотрим на учёных с их интеллектуальным трюкачеством потому, что со знанием приходит власть.

Пожалуйста, слушайте не только меня, но и свой собственный ум, свой рассудок, своё сердце. Наблюдайте, что происходит там; вы увидите, как большинство из нас жаждет этой власти. Но где есть погоня за властью, там невозможно учиться. Ведь только простой и чистый ум может учиться, только простой и свежий ум получает удовольствие учась, но не ум, не рассудок, обременённый знанием, опытом. Поэтому религиозный ум всегда учится, и этому процессу нет конца. Учиться — не значит накапливать знание. Ориентируясь на знание, наращивая его, вы перестаёте учиться. Пожалуйста, вникните в это полностью, до самого конца.

Когда вы наблюдаете всё это, вы отдаёте себе отчёт в необычайном чувстве изолированности, одиночества и отъединённости. Большинство из нас в то или иное время пережило это чувство полного одиночества, замкнутости и отсутствия отношений с чем бы то ни было или с кем бы то ни было. И с осознанием этого приходит страх; а когда есть страх, есть и желание, потребность убежать от него. Пожалуйста, следите за всем этим внутренне, это же не лекция; мы действительно путешествуем вместе. Если вы сможете совершить это путешествие, вы уйдёте отсюда с совершенно другим умом, с рассудком совершенно иного рода.

Через это чувство одиночества нужно пройти, а вы не можете пройти через него, если боитесь. На самом деле это одиночество создаёт ум своими самозащитными реакциями, своей эгоцентрической деятельностью. Если вы будете наблюдать свой ум и свою жизнь, вы увидите, как изолируете себя во всём, что вы делаете и думаете. Все эти заботы — "моё имя, моя семья, моё положение, мои качества, мои способности, моя собственность, моя работа" — всё это изолирует вас. Отсюда одиночество, и вы не можете избежать его. Вы должны пройти через него так же реально, как проходите через дверь. А чтобы пройти через него, нужно жить с ним. А жить с одиночеством, пройти через него, это прийти к чему-то гораздо большему, к более глубокому состоянию, к уединённости, то есть остаться совсем одному, без всякого знания. Я не имею в виду поверхностного механического знания, которое необходимо для повседневного существования; от рассудка не надо отказываться; однако я хочу сказать, что знание, приобретённое и накопленное человеком, не должно использоваться в целях психологической экспансии и защиты. Говоря об одиночестве, я имею в виду состояние, которое не может затронуть никакое влияние. Это уже не состояние изоляции, поскольку в нём понятия изоляция, понят весь механический процесс мышления, переживания, вызова и отклика.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над проблемой вызова и отклика. Мозг всегда откликается на любую форму вызова, сознательную или бессознательную. Всякое влияние отпечатывается в мозгу, и мозг реагирует. Вы можете понять внешние вызовы достаточно легко — они очень неглубоки; а если вы пойдёте достаточно глубоко, то сможете разглядеть внутренние вызовы и отклики. Пожалуйста, будьте внимательны, ведь когда вы пойдёте ещё глубже, там уже нет ни вызова, ни отклика — но это не означает, что ум спит. Наоборот, он полностью пробуждён, настолько пробуждён, что не нуждается ни в каком вызове, так же как нет никакой необходимости и в отклике. Состояние ума, в котором нет ни вызова, ни отклика, потому что ум понял весь этот процесс, такое состояние и означает уединённость, пребывание наедине с самим собой. Таким образом, религиозный ум понимает всё это, проходит через всё это, но не с течением времени, а в непосредственном, немедленном восприятии.

Даётся ли понимание временем? Будете ли вы иметь понимание завтра? Или понимание может иметь место только в наличном настоящем, лишь сейчас? Понять — это увидеть что-то полностью, сразу. И такому пониманию препятствуют любые виды оценок. Всякие словесные формулировки, оправдание, осуждения и прочее мешают восприятию. Вы говорите: «Нужно время, чтобы понять. Мне для этого необходимо несколько дней». И пока эти дни идут,

проблема укореняется в уме ещё глубже, и избавиться от неё всё труднее, в чём бы она не состояла. Поэтому понимание возможно только в непосредственном настоящем, но не во времени. Когда я вижу что-либо очень ясно и непосредственно, возникает понимание. Важно, чтобы имела место именно эта непосредственная мгновенность — а не отсрочка. Если я ясно, без каких-либо мнений, оценок или суждений вижу, что я раздражаюсь, что я ревнив, что я честолюбив и так далее — тогда сам этот факт незамедлительно начинает действовать.

Тогда вы увидите, что особенностью уединённости является состояние полностью пробуждённого ума. Это не мышление в терминах времени. Состояние это действительно оказывается чем-то удивительным, когда вы в него входите. Поэтому религиозный ум не является умом эволюционным; ибо реальность — вне времени. Это действительно важно понять, если вы зашли так далеко в своих открытиях.

Вы видите, что хронологическое время и психологическое время — это два разных времени. Мы говорим о психологическом времени, внутренней потребности в большем количестве дней, в большем количестве времени для достижения — о потребности, означающей наличие идеала, наличие действующего героя, наличие разрыва между тем, что вы есть и тем, чем должны быть. Вы говорите, что для преодоления этого разрыва требуется время, но такая позиция есть разновидность лени, ведь вы можете увидеть суть дела сразу, если обратите на него всё своё внимание.

Таким образом, религиозный ум не озабочен прогрессом, временем; он находится в состоянии постоянной активности, но это не связано с тем, чтобы становиться или быть чем-то. Вы можете войти в это состояние прямо сейчас, хотя, вероятно, никогда в него не войдёте. Потому что войдя в него, вы увидите, что религиозный ум есть разрушительный ум, так как без разрушения нет созидания, нет творчества. Разрушение не есть вопрос времени. Оно происходит тогда, когда весь ум в целом отдаёт своё внимание "тому, что есть". Полное видение ложного как ложного означает разрушение ложного. И это не разрушительность коммуниста, капиталиста и всех прочих людей, не достигших зрелости. Религиозный ум — это разрушительный ум, и будучи разрушительным, религиозный ум творит. То, что является созиданием, творчеством, является и разрушением.

Созидания, творчества не бывает без любви. Вы знаете, любовь для нас — нечто чуждое. Мы разделили любовь на страсть, похоть, вульгарную любовь и любовь священную, любовь плотскую и любовь божественную, любовь семейную, любовь к стране и так далее и тому подобное — всё разделяем и разделяем её. В разделении же присутствуют противоречие, конфликт и скорбь.

Любовь для большинства из нас, — страсть, похоть; и в самом процессе отождествления себя с другим заключено противоречие, конфликт и начало скорби. И любовь от нас уходит. Её дым — связанные с ней ревность, ненависть, зависть, жадность — уничтожает пламя. Но там, где есть любовь, есть и красота. Страсть вам необходима, но не толкуйте сразу это слово как сексуальную страсть. Под *страстью* я понимаю страсть интенсивности, энергию, которая даёт ясное, жгучее видение. Без страсти нет самоограничения. Самоограничение не есть просто отказ от чего-то, владение немногим и контроль над собой — всё это слишком незначительно, слишком мелко. Самоограничение приходит с забвением себя; и с забвением себя приходит страсть, а потому и красота. Не красота, которую создаёт человек, не красота, сотворённая художником, — и я не говорю, что в этом нет красоты. Но я говорю о красоте, которая за пределами мысли и чувства. И эта красота может проявиться только при высокой чувствительности рассудка, а также ума и тела. Но чувствительность такого рода, такого качества невозможна, когда отсутствует полное забвение себя, когда рассудок не отдаёт себя полностью той целостности, которую воспринимает ум. Если же эта чувствительность имеется,

налицо и страсть.

Итак, религиозный ум — ум разрушающий. И он же есть ум творческий, поскольку озабочен всей полнотой существования. Это не творчество художника, который озабочен лишь некоторой частью, некоторой сферой жизни и пытается выразить то, что в этой сфере он видит и чувствует, так же как мирской человек старается выразить себя в бизнесе, — хотя художник и считает, что он выше всякого другого. Творчество появляется только при полном понимании всей жизни в целом, а не какой-то одной её части.

Теперь, если ум пришёл к этому, понял весь процесс существования и отбросил всех богов, созданных человеком, его спасителей, его символы, его рай и ад, тогда, при полной уединённости, оказывается возможным предпринять ещё одно, совершенно необычное путешествие. Но нужно прийти к этому, прежде чем отрицать или утверждать существование Бога. С этого начинается подлинное открытие, потому что рассудок, ум, полностью разрушил всё, что знал. Только тогда можно войти в неизведанное, только тогда оказывается реальным непознаваемое. Это не бог церквей, храмов, мечетей; не бог ваших страхов или верований. Существует реальность, которую можно обнаружить только при полном понимании всего процесса существования, не части его.

Тогда ум, как вы обнаружите, становится необычайно спокойным и тихим, и рассудок тоже. Мне интересно, доводилось ли вам когда-нибудь наблюдать свой рассудок в работе, осознавал ли когда-нибудь рассудок себя в действии! Если вы будете осознавать всё таким образом, без выбора, негативно, вы увидите, что рассудок постоянно болтает, разговаривает сам с собой или говорит о чём-то, накапливая знание и запасаая его. Он всё время действует — действует сознательно, на верхних уровнях, но действует также и глубоко внутри, в снах в намёках, оттенках и переливах идей и тому подобном. Он постоянно движется, меняется, действует, никогда не бывает в покое. Но уму и рассудку необходимо быть полностью, абсолютно спокойными и безмолвными, свободными от противоречий и от конфликтов. Иначе проецирование иллюзий неизбежно. Но когда ум и рассудок абсолютно спокойны, без какого бы то ни было движения — когда все видения, влияния, иллюзии абсолютно исключены, — тогда, в этом безмолвии, эта целостность отправится в дальнейшее путешествие, чтобы воспринять то, что неизмеримо временем, что не имеет имени, вечное, постоянное.

Участник беседы: Не состоит ли вся проблема в устранении того, чего нет, для восприятия того, что есть?

Кришнамурти: Конечно, искать подтверждения довольно нелепо, позвольте мне сказать так. То, о чём мы говорим не нуждается в подтверждении. Либо это так — тогда всё в порядке; либо это не так — но и тогда тоже всё в порядке. Но вы не можете искать подтверждения у другого, вы должны всё выяснить сами.

Участник беседы: Является ли состояние ума, в котором нет вызова и отклика, тем же самым, что и медитация?

Кришнамурти: Я выразился очень точно, сказав, что медитации нет, если нет самопознания. Закладка правильного фундамента, что является медитацией, есть подлинная, реальная свобода от честолюбия, зависти, жадности и поклонения успеху. И если, заложив правильный фундамент, человек идёт дальше, глубже, тогда нет ни вызова, ни отклика. Но это долгий путь — не во времени, не в днях и годах, но в беспощадном самопознании.

Участник беседы: Не существует ли страха, который не являлся бы результатом мысли?

Кришнамурти: Мы говорили о том, что есть инстинктивный страх, физический страх. Когда вы встречаетесь со змеей, или мимо вас с рёвом проносится автобус, вы отшатываетесь — и это является естественной, здоровой и нормальной самозащитой. Но любая форма психологической самозащиты ведёт к душевной болезни.

Участник беседы: Нет ли в умирании какого-то нового, иного бытия?

Кришнамурти: В умирании, как мы выяснили, исследуя его, нет становления и нет бытия. Это совсем другое состояние.

Участник беседы: Почему мы не пребываем всегда в этом удивительном состоянии?

Кришнамурти: Подлинным фактом является то, что вы в нём не находитесь. Всё, чем вы являетесь есть результат вашей обусловленности. Прийти к полному пониманию того, чем вы являетесь, — значит заложить правильное основание для дальнейших открытий.

Видите ли, я боюсь, что вы вовсе не слушали того, о чём мы говорили. Это последняя беседа, и будет жаль, если вы попытаетесь выбрать то, что вам подходит, и унести этот пепел с собой. Всё, что было сказано, от первой беседы до последней, представляет собой единое целое. Здесь не может быть какого-либо отбора или предпочтения. Вы должны взять всё или вообще ничего не брать. Но если вы заложили правильное основание, вы можете пойти очень далеко — но не в смысле времени, как я уже говорил, а в смысле сознания безмерного, которое не может быть выражено в словах, в красках или в мраморе. Без такого открытия ваша жизнь пуста, ограничена, лишена смысла.

24 сентября 1961

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ КРИШНАМУРТИ

Записи 1 — 25 сентября 1961

С июня 1961 г. и до конца января 1962 г. Кришнамурти ежедневно делал записи в свои «Записные книжки». В начале сентября он переехал из Швейцарии в Париж, где провёл девять бесед, тексты которых опубликованы в этой книге. В данном приложении приведены сентябрьские записи из «Записных книжек Кришнамурти».

Снег в горах быстро таял, так как было много безоблачных дней и жаркое солнце; поток стал мутным, в нём было больше воды, он стал более шумным и бурным. За маленьким деревянным мостом, вверх по течению потока видна гора, удивительно изящная, отстранённая, с притягательной силой, её снега блистали в вечернем солнце. Она была прекрасна, обрамлённая деревьями по сторонам потока и быстротекущей водой; поразительно огромная, воспаряющая в небо, висящая в воздухе. И не только гора была прекрасна, но и вечерний свет, холмы и луга, деревья и поток. Внезапно вся земля с её тенями и миром стала интенсивной, такой живой и поглощающей. Она пробивалась через рассудок, подобно пламени, выжигая бесчувственность мысли. Небо, земля и тот, кто на них смотрит, — все оказывались захваченными этой интенсивностью, оставалось только пламя, ничего другого.

Медитация во время этой прогулки вдоль речки, по тропе, плавно извивающейся среди зелёных полей, объяснялась не безмолвием, не тем, что красота вечера поглотила все мысли; она продолжалась, невзирая на разговор. Ничто не могло помешать медитации; медитация продолжалась не бессознательно, не где-то в укромных уголках мозга и памяти, она была здесь, присутствуя, как вечерний свет среди деревьев. Медитация — не целенаправленное занятие, порождающее отвлечение и конфликт; это не найденная игрушка, которая поглотит все мысли, как бывает поглощён игрушкой ребёнок; это не повторение слова с целью успокоения ума. Медитация начинается с самопознания и выходит за пределы познания. Во время прогулки она шла, глубоко захватывая, волнуя и не двигаясь ни в каком направлении. Медитация происходила за пределами мысли, осознанной или скрытой, и видение выходило за пределы того, на что способна мысль.

Взгляд не ограничивается горой; в поле этого взгляда — окрестные дома, луга красивой формы, холмы и сами горы; когда вы ведёте автомобиль, вы смотрите довольно далеко вперёд, на три сотни ярдов или больше; этот взгляд включает в себя боковые дороги, тот припаркованный автомобиль, мальчика, переходящего дорогу, грузовик, едущий вам навстречу, но если бы вы смотрели только на автомобиль впереди себя, с вами произошёл бы несчастный случай. Взгляд вдаль включает в себя то, что близко, но взгляд на то, что близко не включает в себя отдалённого. Наша жизнь проходит в срочном и безотлагательном, в поверхностном. Жизнь в полноте уделяет внимание фрагменту, но фрагменту никогда не понять целого. Но это то, что мы всегда пытаемся делать: держимся за малое и, тем не менее, пытаемся охватить целое. Известное — всегда малое, это фрагмент; и с этим малым мы ищем неизвестное. Мы никогда не отпускаем малое, не выкидываем его из головы; в малом мы уверены, в нём мы в безопасности, по крайней мере, мы так думаем. Но в действительности, мы никогда не можем быть уверены ни в чём, кроме, вероятно, поверхностных и механических вещей, — но даже и они подводят. Более или менее мы можем полагаться на внешние вещи, вроде поездов, использовать их в своих действиях и быть в них уверенными. Психологически же, внутренне, как бы их ни жаждали, нет уверенности, нет постоянства ни в наших отношениях, ни в наших убеждениях, ни в богах нашего ума. Интенсивная жажда уверенности, какого-либо постоянства и тот факт, что постоянства всё равно нет, — суть конфликта, иллюзии и реальности. Понять способность создавать иллюзию гораздо важнее, чем понять реальность. Способность породить иллюзию должна полностью исчезнуть — и не ради достижения реальности; с фактом нечего торговаться. Реальность — не награда; ложное должно уйти не для того, чтобы достичь истинного, а потому, что оно ложное.

Это также не отречение, не отказ.

Был прекрасный вечер в долине у ручья, среди зелёных лугов, столь богатых кормом для скота, среди чистых фермерских домиков и восхитительных облаков, полных цвета и ясности. Одно из них висело над горой, так ярко сияя, что казалось любимцем солнца. Долина была прохладной, приятной и совсем живой. В ней царили мир и спокойствие. Здесь были и современные сельскохозяйственные машины, но всё ещё использовалась и коса, и давление и грубость цивилизации не затронули это место. Тяжёлые электрические провода на мачтах тянулись через долину, и они тоже казались частью этого безыскусственного мира. Когда мы шли через поля по узкой тропинке, заросшей травой, заснеженные горы с их окраской казались совсем близкими и хрупкими, такими нереальными. Козы блеяли, ожидая, чтобы их подоили. Совершенно неожиданно вся эта непомерная красота, эти краски, холмы, эта богатая земля, эта переполненная жизнью долина — всё это оказалось где-то внутри. Даже не внутри, — сердце и мозг были так полно раскрыты, настолько свободны от барьеров времени и пространства, так пусты от всякой мысли и чувства, что была только эта красота, без звука и формы. Она была здесь — и всё остальное перестало существовать. Беспредельность этой любви, с её красотой, с её смертью, наполнило эту долину и всё существо человека — которое было этой долиной. Это был необычайный вечер.

Отречения не существует. То, от чего отреклись, всегда остаётся, и там, где есть понимание, отречения, отказа, жертвы не существует. Понимание — самая сущность не — конфликта, а отречение — конфликт. Отказ — это действие воли, порождённое выбором и конфликтом. Отказаться означает поменять — в обмене же нет свободы, а только ещё больше смятения и несчастья.

Возвращение из долин и высоких гор в большой, шумный и грязный город влияет на тело. Был прекрасный день, когда мы уезжали через глубокие долины, водопады, тёмные леса к голубому озеру и широким дорогам. Это была резкая смена — из мирного, уединённого места в город, который шумит день и ночь, в жаркий, душный воздух. Когда сидел во второй половине дня, глядя вверх крыш, рассматривая их форму и каминные трубы, совершенно неожиданно, с мягкой ясностью пришло то благословение, та сила, то иное, отличное, непохожее, наполнило комнату и осталось. Оно и сейчас здесь, когда пишу это.

Из окна восьмого этажа было видно, как некоторые деревья вдоль авеню становились жёлтыми, красно-коричневыми, красными среди длинной полосы густой зелени. С этой высоты верхушки деревьев сияли своим цветом, и рёв уличного движения, восходя через них, в какой-то степени смягчался. Есть только цвет, а не разные цвета; есть только любовь, а не разные её выражения; различные категории любви — не любовь. Когда любовь разбита на фрагменты, на божественную любовь и телесную, она перестаёт быть любовью. Ревность — дым, удушающий пламя, но страсть становится глупой без строгости, а строгости нет, если нет самоотверженности, которая есть смирение в полной простоте. Глядя вниз на массу цвета с разными красками, видишь единственную чистоту, как бы она ни была раздроблена; нечистота, как бы её ни меняли и ни прикрывали, как бы ей ни сопротивлялись, всегда останется нечистотой, как и насилие. Чистота не состоит в конфликте с нечистотой. Нечистота никогда не может стать чистой, не более, чем насилие может стать ненасилием. Насилие должно прекратиться.

Здесь есть два голубя, устроившие себе дом под шиферной крышей на той стороне двора. Первой выходит самка, затем медленно, с большим достоинством, за ней следует самец, и там они остаются всю ночь; сегодня рано утром они вышли, сначала самец, потом самка. Раскинули крылья, почистились и распластались на холодной крыше. Вскоре, неизвестно откуда, появились другие голуби, десятками; они усаживались вокруг этих двоих, чистились и ворковали, дружески толкая друг друга. Затем, совершенно внезапно, все они улетели, кроме первых двух. Небо хмурилось, висели тяжёлые облака, полные света на горизонте, и виднелась длинная полоса голубого неба.

Медитация не имеет ни конца, ни начала; в ней нет достижения и нет неудачи, нет накопления и нет отречения; это движение без конца и потому за пределами и выше времени и пространства. Переживание её означает её отрицание, отказ от неё, поскольку переживающий привязан к времени и пространству, памяти и узнаванию. Осознание внутренней медитации — то пассивное осознание, которое есть полная свобода от авторитета и честолюбивого стремления, зависти и страха. Медитация не имеет никакого значения, никакого смысла без этой свободы, без самопознания; пока же есть выбор, самопознания нет. Выбор подразумевает конфликт; конфликт препятствует пониманию того, что есть. Блуждание в каких-то фантазиях, в каких-то романтических верованиях — не медитация; мозг должен очистить себя от всякого мифа, иллюзии и безопасности, и прямо взглянуть в лицо факту их ложности. Нет никакого отвращения, всё входит в движение медитации. Цветок — это форма, запах цвет и красота, которые и есть весь цветок в целом. Разорвите его на части, фактически или словами, и тогда нет цветка, есть только воспоминание о том, что было. А это ни в коем случае не цветок. Медитация — весь цветок в его красоте, увядании и жизни.

Солнце только начало проглядываться сквозь облака рано утром и ежесекундный рёв уличного движения ещё не начался; шёл дождь, и небо было скучное, серое. Дождь стучал по маленькой террасе, и ветер был свежий. Стоял в укрытии, глядя на простор реки и осеннюю листву, когда пришло это иное, отличное, как вспышка, какое-то время оставалось — чтобы снова уйти. Странно, каким интенсивным и реальным оно стало. Оно было таким же реальным, как эти крыши с сотнями труб. В нём есть странная движущая сила; оно сильно своей чистотой, силой невинности, которую ничто не может извратить. И оно было благословением.

Знание пагубно, разрушительно для узнавания нового, для открытия. Знание — всегда во времени, в прошлом. Оно никогда не принесёт свободы. Но знание необходимо, чтобы думать, действовать, а без действия существование невозможно. Однако действие, пусть даже мудрое, праведное, благородное, не может открыть дверь к истине. Пути к истине нет — её нельзя купить никаким действием, никаким очищением мысли. Добродетель — это единственный порядок в мире, находящемся в беспорядке, и здесь должна быть добродетель, которая является движением не-конфликта, свободы от конфликта. Но ничто из этого не откроет путь к беспредельному. Всё сознание должно опустошить себя от всего своего знания, действия и добродетели; опустошить себя не с целью достичь чего-то, что-то реализовать, чем-то стать. Оно должно оставаться пустым, хотя и действовать в повседневном мире мысли и действия. Из этой пустоты должны приходиться и мысль и действие. Но эта пустота не откроет пути. Не должно быть никакого пути, никакой попытки достичь чего бы то ни было. Не должно быть центра в этой пустоте, поскольку у неё нет измерения; это центр измеряет, взвешивает, рассчитывает. Эта пустота вне пределов времени и пространства, вне пределов мысли и чувства. Она приходит также спокойно и ненавязчиво, как и любовь; у неё нет ни начала, ни конца. Она здесь, неизменная и неизмеримая.

Как важно для тела находиться в одном месте долгое время; эти постоянные переезды, смены климата и смена домов влияют на тело; оно вынуждено приспосабливаться, и в период приспособления ничто очень «серьёзное» происходить не может. А потом снова приходится уезжать. Всё это — испытания для тела. Но сегодня утром, когда проснулся незадолго до восхода солнца и рассвет уже наступил, невзирая на тело, та сила со всей своей интенсивностью была здесь. Любопытно, как тело реагирует на неё; тело никогда не бывало ленивым, хотя часто уставало, но сегодня утром, несмотря на холодный воздух, оно стало или, скорее, хотело стать активным. Только когда мозг спокойный — не сонный или вялый, а чувствительный и бдительный, — может появиться «иное». В это утро оно было совершенно неожиданным — ведь тело всё ещё приспосабливалось к новому окружению.

Солнце взошло в ясном небе; его было не видно из-за множества дымовых труб, но его сияние наполнило небо, и цветы на маленькой террасе, казалось, ожили, и их цвет стал более ярким и интенсивным. Это было прекрасное утро, полное света, и небо стало чудесно голубым. Медитация включала в себя эту голубизну и эти цветы, они были её частью; они тихо входили в медитацию и не были отвлечением. Отвлечения, на самом деле, не бывает, так как медитация — это не концентрация, представляющая собой исключение, отсекающее, сопротивление и потому конфликт. Медитативный ум может концентрироваться, и тогда это не исключение, не сопротивление, но концентрированный ум не может медитировать. Любопытно, сколь всеобъемлюще важной становится медитация; ей нет конца и у неё нет начала. Она — как дождевая капля; в такой капле — все ручьи, огромные реки, моря, водопады; такая капля питает землю и человека, без неё земля была бы пустыней. Без медитации сердце становится пустыней, бесплодной землёй. Медитация имеет своё движение; вы не можете направлять её, формировать или принуждать её; если вы это делаете, она перестаёт быть медитацией. Если вы — просто наблюдающий, если вы — переживающий, это движение прекращается. Медитация есть движение, которое уничтожает наблюдающего, переживающего; это движение, которое за пределами всех символов, мыслей и чувств. Его скорость неизмерима.

Но облака затягивали небо; шла битва между ними и ветром, и ветер побеждал. Возникло обширное голубое пространство, голубое-голубое, облака же были фантастичны, полные света и мрака, а те, что к северу, казалось, забыли время, но пространство принадлежало им. В парке [*Марсово поле*] земля была покрыта осенними листьями, и тротуар тоже полон ими. Это было яркое, свежее утро, и цветы были великолепны в своей осенней окраске. За огромной, высоко поднявшейся башней [*Эйфелева башня*], главной достопримечательностью проезжала похоронная процессия; гроб и катафалк, покрытый цветами, сопровождало множество автомобилей. Даже и в смерти мы хотим быть важными; нет конца нашему тщеславию и претензиям. Всякий хочет быть кем-то или ассоциироваться с тем, кто является кем-то. Власти и успеха, большого или малого, и признания. Без признания они не имеют смысла — признания многим или одним, над которыми или над которым они властвуют, на кого они имеют влияние. Власть всегда почитается и потому она является респектабельной. Власть — всегда зло, будь она у политика или у святого, или у жены над мужем. Хоть она и зло, каждый жаждет её, а у кого она есть, хотят большей власти. Катафалк с этими весёлыми цветами на солнце кажется таким далёким, и даже смерть не кладёт конца власти, ибо она продолжается в другом. Это факел зла, который передаётся от поколения к поколению. Немногие могут отбросить его легко и свободно — без оглядки назад; они не получают награды. Награда — это успех, ореол признания. И если нет речи о том, чтобы быть признанным, — неудача забыта; если вы — никто, когда все к чему-

то стремятся, а конфликт прекратился, — тогда приходит благословение, которое не от церкви или от человеческих богов. Дети шумели и играли, когда катафалк проезжал мимо, даже не глядя на него, поглощённые своими играми и смехом.

Даже звёзды можно увидеть в этом хорошо освещённом городе, и звуки здесь есть иные, чем рёв уличного движения, — воркование голубей, чириканье воробьёв. И запахи есть не только окиси углерода, но и другие — запах осенних листьев и аромат цветов. Сегодня рано утром на небе было немного звёзд и кудрявые облачка — и вместе с ними пришло это интенсивное проникновение в глубины неизвестного. Мозг был спокоен, так спокоен, что он мог слышать малейший шум, и поскольку он был спокоен и потому не способен вмещиваться, было движение, которое начиналось ниоткуда и шло через мозг в неизведанные глубины, туда, где слово теряет свой смысл. Оно проносилось через мозг и проходило вне пространства и времени. Описываемое — не фантазия, сон или иллюзия, а действительный факт, который имел место, но то, что имеет место, — это не слово, не описание. Была огненная энергия, взрывная, немедленная жизненность, и с ней пришло это проникновенное движение. Оно было подобно ужасному ветру, набирающему силу и ярость по мере движения, разрушая, очищая, оставляя за собой пустоту. Было полное осознание всего этого, и была сила и красота — не сила и красота, которые создаются, а сила и красота, которые неподвластны порче. Это продолжалось десять минут по часам, но было чем-то неподдающимся измерению.

Солнце взошло среди славы облаков, фантастически живых и глубоких по цвету. Городской гул ещё не начался, и голуби и воробьи были на своих местах. Как удивительно мелок мозг; какой бы тонкой и глубокой не была мысль, она, тем не менее, рождается из поверхностного. Мысль скована временем, а время ограничено; именно эта ограниченность, мелкость и препятствует «видению». Видение всегда мгновенно, как понимание, и мозг, который сформирован временем, препятствует видению, искажает его. Время и мысль нераздельны; положите конец одному, и вы положите конец другому. Мысль не может быть уничтожена волей, ибо воля — это мысль в действии. Мысль — одно, а центр, из которого выходит мысль, — другое. Мысль — это слово, а слово — накопление памяти, опыта. Существует ли мысль без слова? Есть движение, которое не является словом, и оно не от мысли. Это движение можно описать памятью, но само оно — не от мысли. Это движение появляется тогда, когда мозг спокоен, но активен, и мысль никогда не может найти, обнаружить это движение.

Мысль — это память, а память — накопленные реакции, так что мысль всегда обусловлена, сколько бы она не воображала себя свободной. Мысль механична и привязана к центру своего знания. Расстояние, которое покрывает мысль, зависит от знания, а знание — это всегда остатки от вчерашнего дня, от движения, которое ушло. Мысль может проецировать себя в будущее, но она привязана к прошлому. Мысль строит себе тюрьму и живёт в ней, будь та тюрьма в будущем или в прошлом, золочённая или простая. Мысль никогда не может быть спокойной; по природе своей она неутомима, всё время рвётся вперёд и отступает. Механизм мысли всегда в движении, шумном или спокойном, на поверхности или же скрытым образом. Она не может исчерпать себя. Мысль может себя очищать, контролировать свои блуждания, может выбирать себе направление и соответствовать окружению.

Мысль не может выйти за пределы самой себя; она может функционировать в узких или широких полях, но она всегда будет в пределах ограничений памяти, память же всегда ограничена. Память должна умереть, психологически, внутренне, функционируя только внешне. Внутренне — необходима смерть, а внешне — чувствительность к каждому вызову и отклику. Внутренняя озабоченность мыслью препятствует действию.

Провести такой прекрасный день в городе представляется большой потерей; на небе ни облачка, солнце тёплое, и голуби греются на крыше — но город продолжает реветь немилосердно. Деревья чувствуют осенний воздух, листья их желтеют — медленно, вяло, заброшенно. Улицы полны людьми, всё время глядящими на витрины, но очень редко — на небо; проходя, они видят друг друга, но озабочены они лишь самими собой: как они выглядят, какое впечатление производят; зависть и страх присутствуют постоянно, несмотря на их косметику, несмотря на весь их ухоженный вид. Рабочие измотаны, мрачны и ворчливы. А скопление деревьев напротив стены музея выглядит совершенно самодостаточным; река, заключённая в бетон и камень, кажется абсолютно равнодушной, безразличной. Полно голубей с их чопорным достоинством. Вот и прошёл день, на улице, в конторе. Это мир монотонности и отчаяния со смехом, который быстро проходит. По вечерам памятники и улицы освещаются — но остаётся огромная пустота и невыносимая боль.

Жёлтый лист на тротуаре — только что упавший; он всё ещё полон лета и даже в смерти очень красив; он ещё несколько не увял, всё ещё хранит весеннюю форму, изящество, но он жёлтый и к вечеру увянет. Рано утром, когда солнце только что показалось в ясном небе, был проблеск «инога», отличного, с его благословением, взглядит совершенно самодостаточным; река, заключённая в бетон и камень, кажется абсолютно равнодушной, безразличной. есмотря на и красота его остаётся. Не то чтобы мысль овладела ею и удерживает её, но она оставила свой отпечаток на сознании. Мысль всегда фрагментарна, и то, что она удерживает, всегда частично, неполно, как память. Она не может наблюдать целое; часть не может видеть целое, и отпечаток благословения не вербален, не передаваем словами и каким-то символом. Мысль всегда терпит неудачу в своей попытке открыть, пережить то, что за пределами пространства. Мозг, ум, механизм мысли может быть в покое; самый активный ум может быть в покое; его механизм может работать очень медленно. Спокойствие мозга, ума при интенсивной чувствительности жизненно важно; только при нём клубок мысли может распутаться и мысль может прийти к концу. Окончание мысли — это не смерть; только с ним возможна чистота, невинность, свежесть; это новое качество мысли. Это то качество, которое кладёт конец скорби и отчаянию.

Утро — безоблачное; солнце как будто прогнало каждое облако с глаз долой. Царит спокойствие, нарушаемое только рёвом уличного движения, хотя сегодня и воскресенье. Голуби греются на цинковых крышах, и сами почти того же цвета, что крыша. Ни дуновения воздуха, хотя свежо и прохладно.

Есть мир, выходящий за пределы мысли и чувства. Это не мир политика, священника или того, кто ищет. Его не отыскать. Что ищут, должно быть уже известным, а что известно, то никогда не бывает реальным. Мир — не для верующего, не для философа, который специализируется в теории. Мир — это не реакция, не противоположность насилия. У него нет противоположности; все противоположности должны прекратиться — сам конфликт двойственности. Двойственность существует: свет и тьма, мужчина и женщина, и так далее, но конфликт между противоположностями ни в коем случае не обязателен. Конфликт между противоположностями возникает только тогда, когда есть потребность, побуждение что-то выполнить, потребность в сексе, психологическая потребность в безопасности. Только тогда возникает конфликт между противоположностями; бегство от противоположностей, привязанность и отстранение — это поиск мира с помощью церкви и закона. Закон может дать и даёт поверхностный порядок; мир, который предлагают церковь и храм, — это фантазия, миф, к которому может прибегать смятённый ум. Но это не мир. Символ, слово должны быть уничтожены — не для того уничтожены, чтобы иметь мир, они должны быть уничтожены потому, что они являются препятствием для понимания. Мир — не для продажи, не средство обмена. Конфликт в любой форме должен прекратиться, тогда, возможно, будет мир. Необходимо полное отрицание, прекращение требований и потребностей, только тогда конфликт приходит к концу. Лишь в пустоте происходит рождение. Вся внутренняя структура сопротивления и безопасности должна отмереть; только тогда есть пустота. Только в этой пустоте присутствует мир, чья добродетель не имеет цены и не приносит выгоды.

Он был здесь рано утром, он вошёл вместе с солнцем в ясное, ещё тёмное небо; он был чудесным, исполненным красоты, тем благословением, которое не требует ничего — ни жертвы, ни последователей или апостолов, ни добродетели, ни полночного часа. Он был здесь в изобилии, и только щедрый ум и сердце могли воспринять его. Он был за пределами всякой меры.

В парке было многолюдно; повсюду были люди, дети, няньки — самых разных национальностей; они разговаривали, кричали и играли; работали фонтаны. Главный садовник имел, должно быть, очень хороший вкус: здесь было такое множество цветов и такое множество красок, перемешанных друг с другом. Это было очень эффектно и создавало ощущение весёлого праздника. День был приятный, и казалось, все вышли на прогулку в своих лучших нарядах. Пройдя через парк и перейдя главную улицу, вышел на тихую улочку, с деревьями и хорошо ухоженными старыми домами; солнце садилось, заливая огнём облака и реку. День завтра опять обещал быть хорошим, как сегодня утром, когда раннее солнце освещало редкие облачка, делая их ярко-розовыми. Это было хорошее время для покоя, для медитации. Вялость и спокойствие несовместимы; чтобы быть в покое, необходимы интенсивность и медитация; в таком случае медитация не является блуждающей, она активна и энергична. Медитация — не преследование какой-то мысли, идеи; медитация есть сущность всей мысли, которая заключается в том, чтобы выйти за пределы всякой мысли и чувства. Тогда это движение в неизвестное.

Разумность — это не просто способность к планированию, припоминанию и передаче; она больше, чем всё это. Человек может быть очень информированным и учёным на одном уровне существования и вполне тупым на других уровнях. Знание, пусть даже глубокое и широкое, не обязательно означает разумность. Способность — это ещё не разумность. Разумность есть чуткое осознание жизни во всей её полноте — жизни с её проблемами и противоречиями, несчастьями и радостями. Осознавать всё это без выбора и без увлечения какой-либо одной из её сторон и течь вместе со всей жизнью — это разумность. Такая разумность — не результат влияния или окружения; она не является их пленником, поэтому она может понимать их и потому быть свободной от них. Сознание ограничено, явное или скрытое, и его деятельность, какой бы живой и чуткой она ни была, заключена в границы времени; разумность же — нет. Чуткое осознание всей полноты жизни без всякого выбора, — это разумность. Эту разумность невозможно использовать для достижений и выгоды, личной или коллективной. Эта разумность означает разрушение, так что форма не имеет значения; реформа же в таком случае оказывается регрессом. Без разрушения всякое изменение есть лишь модифицированное продолжение. Психологическое разрушение всего, что было, — а не просто внешнее изменение — вот сущность разумности. Без этой разумности всякое действие ведёт к несчастью и смятению. Скорбь — отрицание этой разумности.

Невежество означает отсутствие не знания, а самопознания; без самопознания нет разумности. Самопознание, в отличие от знания, не накопительно; самопознание — это учёба из момента в момент. Это не накопительный процесс; в процессе собирания, добавления формируется центр — центр знания, опыта. В этом процессе, позитивном или негативном, нет понимания, ведь пока имеется намерение собирать или сопротивляться, движение мысли и чувства не понято и никакого самопознания нет. Без самопознания нет разумности. Самопознание — это активное настоящее, а не суждение; всякое суждение о себе подразумевает накопление, оценку из центра опыта и знания. Именно это прошлое препятствует изменению активного настоящего. В существовании самопознания присутствует разумность.

Город не является приятным местом; даже красивый город, а это красивый город. Чистая река, открытые пространства, цветы, шум, грязь и удивительная башня, голуби и люди — всё это и небо способствуют тому, чтобы сделать его приятным, но всё же это не сельская местность, с полями, лесами и чистым воздухом; сельская местность всегда красива, она далека от дыма и рёва уличного движения, совсем далека, и там есть земля, такая обильная, такая богатая. Шёл вдоль реки, под беспрестанный рёв уличного движения, и казалось, что река содержит в себе всю землю; хотя и сдерживаемая бетоном и камнем, она была беспредельна, это были воды каждой реки от гор до равнин. Она становилась цветом заката, любым цветом, который когда-либо видел глаз, такая сверкающая и быстрая. Вечерний ветерок играл повсюду, и осень касалась каждого листа. Небо было так близко, охватывая землю, и царил невероятный мир. И постепенно наступала ночь.

При пробуждении сегодня рано утром, когда солнце ещё было за горизонтом и рассвет только начался, медитация подчинилась тому иному, чьё благословение — ясность и сила. Оно было там прошлой ночью, когда ложился спать, — так неожиданно, так ясно. Не был с ним уже несколько дней, тело приспособлялось к жизни в городе, и поэтому, когда оно пришло, была огромная интенсивность и красота, и всё стихло; оно наполнило комнату и распространилось за её пределы. В теле ощущалась определённая скованность, — нет, определённая неподвижность, — хотя оно и было расслабленным. Должно быть, оно оставалось всю ночь, поскольку при пробуждении оно активно присутствовало, наполняя комнату и окрестности. Всякое его описание не имеет смысла, ибо слово не может охватить ни его безмерность, ни его красоту. Всё прекращается, когда есть оно, и странным образом мозг со своими его откликами и делами оказывается внезапно и добровольно успокоившимся, без единого отклика, без единого воспоминания или какой-либо регистрации происходящего. Мозг очень живой, но он абсолютно спокоен. Оно слишком огромно для любого воображения, которое всегда весьма незрело и, в любом случае, глупо. То, что действительно происходит, настолько жизненно и значительно, что всякое воображение и иллюзия теряют свой смысл.

Понимание потребности имеет огромное значение. Есть внешние потребности, необходимые, жизненно важные: еда, одежда, жильё; но помимо этого есть ли какие-нибудь другие потребности? Хотя каждый человек захвачен водоворотом внутренних потребностей, являются ли они жизненно важными? Потребность в сексе и потребность в осуществлении чего-то или в самоосуществлении, неудержимые импульсы честолюбия, зависти и жадности — не образ ли это жизни? В течение тысяч лет своим образом жизни их делал каждый из живущих; и общество и церковь весьма почитают и уважают их. Каждый человек или принял этот образ жизни или, будучи к нему приучен, смиряется с ним, бессильно сопротивляясь течению, обескураженный, ищущий убежища. И убежища становятся более важными, чем реальность. Психологические потребности — это защитный механизм против чего-то гораздо более значительного и реального. Потребность осуществить что-то, реализоваться, быть важным, вытекает из страха перед чем-то, что существует и присутствует рядом, но человек не пережил, что ему не известно. Осуществление чего-то и сознание собственной значительности, освящаемые именем страны или партии или подкрепляемые каким-нибудь удобным верованием, — способы бегства от факта своего ничтожества, пустоты и одиночества, от факта своей самоизолирующей деятельности. Внутренние потребности, которым, похоже, нет конца, умножаются, изменяются и продолжают. Это источник противоречий и жгучих желаний.

Желание всегда здесь; объекты желания меняются, их число уменьшается или умножается,

но оно всегда здесь. Контролируемое, терзаемое, отвергаемое, принимаемое, подавляемое, выпущенное на свободу или пресекаемое, оно всегда здесь, слабое или сильное. Что же не в порядке с желанием? Откуда эта непрестанная война против него? Оно беспокоит, причиняет боль, ведёт к смятению и скорби — но всё-таки оно здесь, всегда здесь, слабое или обильное. Понять его полностью, не подавить его, не муштровывать его до неузнаваемости, значит понять потребность. Потребность и желание всегда идут рядом, как достижение и разочарование. Нет желания благородного или неблагородного, есть только желание, внутри которого всегда имеется конфликт. Им пылают и отшельник и партийный босс; называйте его любыми именами, но оно здесь, оно разъедает самую суть, самую сердцевину вещей. Если есть полное понимание потребности, внешней и внутренней, желание больше не является мучением. Тогда оно имеет совсем другой смысл, смысл, далеко выходящий за пределы содержания мысли, выходящий и за пределы чувства с его волнениями, мифами и иллюзиями. При полном понимании потребности — не только лишь её масштабов и характера, — желание оказывается пламенем, страстью, а не мучением. Без этого пламени пропадает и сама жизнь. Это то пламя, которое выжигает ничтожество своего объекта, уничтожает границы, объекты, навязанные ему. Зовите тогда его каким угодно именем: любовь, смерть, красота. Тогда оно здесь, и нет ему конца.

Странный вчера был день. То иное было вчера весь день — во время короткой прогулки, когда отдыхал, и очень интенсивно во время беседы. Оно упорно оставалось большую часть ночи; этим утром, когда проснулся после короткого сна, оно продолжалось. Тело слишком устало и нуждается в отдыхе. Удивительно, тело становится очень спокойным, очень тихим, неподвижным, но каждый дюйм его очень живой и чувствительный.

Сколько может видеть глаз, везде маленькие короткие дымовые трубы, все без дыма, так как погода очень тёплая; горизонт далеко, неровный, загромождённый; кажется, что город тянется бесконечно. Вдоль улицы — деревья, ожидающие зимы, ибо осень уже постепенно начинается. Небо отливало серебром, гладкое и яркое, и ветерок рябил воду на реке. Голуби зашевелились рано утром, и когда солнце нагрело цинковые крыши, они сидели там, греясь. Ум, который включает в себя рассудок, мысль, чувство, любую тончайшую эмоцию, фантазию и воображение — это нечто необычайное. Ум не сводится ко всему своему содержанию, и всё же без этого содержания ума нет; он больше того, что в нём содержится. Без ума этого содержания не было бы, оно существует благодаря ему. Именно в абсолютной пустоте ума существуют интеллект, мысль, чувство, всё сознание. Дерево — не слово, не лист и не ветвь или корень; всё это вместе и есть дерево, и всё же оно не является ни одной из этих вещей. Ум — это та пустота, в которой могут существовать желания ума, но эти явления — не ум. Благодаря этой пустоте возникают время и пространство. Но рассудок со всеми своими проявлениями охватывает всё поле существования, рассудок занят многочисленными проблемами существования. Рассудок не может постичь природу ума, поскольку функционирует лишь фрагментарно — но множество фрагментов не составляют целого. И всё же он занимается соединением противоречивых фрагментов с целью составить целое. Целое никогда не может быть собрано и составлено.

Работа памяти, действие знания, конфликт противоречивых желаний, поиски свободы, — всё это ещё остаётся в пределах рассудка; рассудок может очищать, расширять, накапливать свои желания, но скорбь будет продолжаться. Нет конца скорби, пока мысль — только отклик памяти, опыта. Есть «мышление», рождённое абсолютной пустотой ума; в этой пустоте нет центра, и потому есть возможность бесконечного движения. Творение рождается из этой пустоты, но это не творчество человека, который что-то составляет, конструирует. Творение пустоты — это любовь и смерть.

Опять же — странный это был день. То иное присутствовало, где бы ни был и что бы ни делал. Мозг, рассудок как будто жил в этом, он был очень спокоен, не сонный, чувствительный и бдительный. Есть ощущение наблюдения из бесконечной глубины. Хотя тело и устало, налицо специфическая бдительность. Пламя, которое всегда горит.

Всю ночь шёл дождь, и это было приятно после многих недель солнца и пыли. Земля была сухая, обожжённая, потрескавшаяся; тяжёлая пыль покрывала листья и газоны поливали. В переполненном и грязном городе солнечные дни в таком количестве не радовали; воздух был душным и вот теперь много часов шёл дождь. Только голубям он не нравился, они прятались, где могли, огорчённые, и перестали ворковать. Воробьи привыкли купаться вместе с голубями там, где была вода, а теперь они где-то попрятались; обычно они прилетали на террасу, пугливые и энергичные, но настало время проливного дождя, и земля намокла.

Опять большую часть ночи это благословение, это иное было здесь; даже когда спал, оно было здесь; при пробуждении чувствовал его силу, упорство и настойчивость; оно было таким, как будто продолжалось всю ночь. Его всегда сопровождает великая красота, красота, не связанная с образами, чувством или мыслью. Красота — не мысль или чувство; она ничего общего не имеет с эмоцией или настроением.

Возьмём страх. Страх никогда не бывает в настоящем; страх или до, или после живого, действующего настоящего. Если страх присутствует в живом, действующем настоящем — страхи ли это? Оно здесь, и от него не убежать, никакое бегство невозможно. В данный, наличный момент есть полное внимание к моменту опасности, физической или психологической. Когда есть это полное внимание — страха нет. Но реальный, наличный факт невнимания порождает страх; страх возникает при уклонении от факта, при бегстве; тогда бегство само по себе есть страх.

Страх и множество его форм — вина, тревога, надежда, отчаяние — присутствуют в любом движении отношений; страх присутствует в любом поиске безопасности; он присутствует в так называемой любви и в поклонении; он присутствует в честолюбивом стремлении и в успехе; он присутствует в жизни и в смерти; он присутствует в телесных проявлениях и в психологических факторах. Страх существует в таком множестве форм и на всех уровнях нашего сознания. Защита, сопротивление и отказ возникают из страха. Страх темноты и страх света, страх ухода и страх прихода. Страх начинается и кончается желанием безопасности, внутренней и внешней безопасности, желанием уверенности и постоянства. Непрерывающееся постоянство, неизменное постоянство ищется повсюду — в добродетели, в отношениях, в действии, в опыте, в знаниях, в явлениях внешних и внутренних. Обрести безопасность и быть в безопасности — вот вечный клич, вечный вопль. Именно эта настойчивая потребность порождает страх.

Но существует ли постоянство, внешнее или внутреннее? Внешнее постоянство, возможно, в какой-то мере быть и может, но даже и оно не прочно: войны, революции, прогресс, несчастный случай и землетрясения. Пища, одежда и жильё нужны, они важны и необходимы всем. Но несмотря на все поиски, ведущиеся безрассудно или разумно, существует ли то, что мы ищем, — внутренняя уверенность, внутренняя неизменность и неразрывность, постоянство? Нет. Бегство от этой реальности есть страх. Неспособность встретить эту реальность лицом к лицу порождает все формы надежды и отчаяния.

Мысль сама по себе является источником страха. Мысль есть время; мысль о будущем — это удовольствие или страдание; если это приятно, мысль будет за это держаться, боясь конца; если болезненно, само уклонение от этого означает страх. И удовольствие и страдание вызывают страх. Время как мысль и время как чувство порождают страх. Концом страха является понимание мысли, понимание памяти и опыта. Мысль — это весь процесс сознания, явный и скрытый; мысль — это не только лишь то, что продумывается, но и источник самой себя. Мысль — это не просто вера, догма, идея и довод, она также является центром, из которого всё это

возникает. Этот центр — источник всего страха. Но что происходит: переживание страха или осознание причины страха, от которого убегает мысль? Физическая самозащита здрава, нормальна, но всякая другая форма самозащиты — внутренняя — означает сопротивление, она всегда накапливает и формирует ту силу, которая и есть страх. Этот внутренний страх делает внешнюю безопасность проблемой класса, престижа, власти, и отсюда безжалостная конкуренция.

Когда весь этот процесс мысли, времени и страха воспринят, не в качестве идеи, интеллектуальной формулы, приходит полное окончание страха, осознанного или скрытого. Понимание себя — это пробуждение и окончание страха.

И когда прекращается страх, прекращается также и способность порождать иллюзии, мифы с их надеждами и отчаянием, и только тогда начинается движение выхода за пределы сознания, то есть мысли и чувства. Это опустошение сокровенных уголков от глубоко скрытых потребностей и желаний. Когда присутствует эта полная пустота, когда не остаётся абсолютно и буквально ничего — никакого влияния, никаких ценностей, никаких границ, никакого слова, — тогда, в этой полной тишине и покое времени-пространства, присутствует то, что не имеет имени.

Был славный вечер, небо ясное, и несмотря на огни города, звёзды сияли; хотя башня была залита светом со всех сторон, можно было увидеть и далёкий горизонт, и блики света внизу на реке; несмотря на постоянный рёв уличного движения, это был тихий вечер. Медитация подкралась, как волна, набегающая на песчаный пляж. Это была не та медитация, которую мозг мог бы уловить в сети своей памяти; она была чем-то таким, чему мозг сдавался без всякого сопротивления. Это была медитация, далеко выходящая за пределы любой формулы, метода; метод, формула, повторение разрушают медитацию. В своём движении она вбирала всё: звёзды, шум, покой, водный простор. Но медитирующего не было; медитирующий, наблюдающий должен исчезнуть, чтобы могла быть медитация. Разрушение медитирующего — тоже медитация, но когда медитирующий перестаёт существовать, тогда это совсем иная медитация.

Было очень раннее утро; Орион поднимался над горизонтом, а Плеяды стояли почти над головой. Шум города утих, огней в окнах в этот час не было, и дул приятный, прохладный ветерок. В полном внимании нет переживания. В невнимании оно присутствует; именно невнимание накапливает переживания, опыт, умножая память, выстраивая стены сопротивления; именно невнимание порождает эгоцентрическую деятельность. Невнимание — это концентрация, исключаящая, отсекающая; концентрация знает рассеяние и бесконечный конфликт контроля и дисциплины. В состоянии невнимания всякий отклик на любой вызов неадекватен; эта неадекватность есть переживание. Переживание ведёт к бесчувственности, притупляет механизм мысли, укрепляет стены памяти — и привычка, рутина становится нормой. Переживание, невнимание — не освобождение. Невнимание — это медленная деградация.

В полном внимании нет переживания, нет центра, который переживает, или периферии, в которой может иметь место переживание. Внимание — не концентрация, которая сужает, ограничивает. Полное внимание включает и никогда не исключает. Поверхностность внимания означает невнимание; полное внимание включает в себя поверхностное и скрытое, прошлое и его влияние на настоящее, продвигающееся в будущее. Всё сознание избирательно, ограничено, и полное внимание включает в себя сознание с его ограничениями, и потому оно способно разрушить эти барьеры и ограничения. Всякая мысль обусловлена — и мысль не может избавиться от этой обусловленности. Мысль — это время и опыт; она, по сути дела, результат невнимания.

Что принесёт полноту внимания? Не какой-нибудь метод или система; они приносят результат, обещанный ими. Но полное внимание — не результат, так же как не является результатом и любовь; его нельзя возбудить, нельзя вызвать каким-то действием. Полное внимание есть отрицание результатов невнимания, но это отрицание не есть следствие знания того, что такое внимание. Что ложно должно быть отвергнуто, и не потому, что вы уже знаете, что истинно: если бы вы знали, что истинно, ложное не существовало бы. Истинное — не противоположность ложного; как любовь — не противоположность ненависти. Из-за того, что вы знаете ненависть, вы не знаете любви. Отрицание ложного, отрицание невнимания — не результат желания достигнуть полного внимания. Видение ложного как ложного, истинного как истинного и истинного в ложном — не результат сравнения. Видеть ложное как ложное — это и есть внимание. Ложное нельзя увидеть как ложное, пока есть мнение, суждение, оценка, привязанность и тому подобное, которые являются результатом невнимания. Видение всего механизма невнимания и есть полное внимание. Внимательный ум — это пустой ум.

Чистота иного — его безмерная и непостижимая сила. И этим утром оно было здесь со

своей необычайной тишиной.

Вечер был ясный и светлый, на небе ни облачка. Он был такой прелестный, что было даже удивительно, что такой вечер может случиться в городе. Луна стояла между арками башни, и вся картина выглядела весьма искусственной и нереальной. Воздух был такой мягкий и приятный, что это вполне мог бы быть летний вечер. На балконе было очень спокойно, всякая мысль замерла, и медитация казалась случайным движением без всякого направления; но направление всё же было. Она начиналась ниоткуда и шла в безмерную, бездонную пустоту, где пребывает сущность всего. В этой пустоте есть расширяющееся взрывное движение, чей взрыв — творение и разрушение. Любовь — сущность этого творения.

Либо мы ищем в страхе, либо — будучи свободными от него — мы ищем без всякого мотива. Этот поиск не исходит из недовольства; не быть удовлетворённым любой формой мысли и чувства, видеть их смысл не означает недовольства. Недовольство так легко удовлетворяется, когда мысль и чувство нашли в какой-то форме убежище, успех, удовлетворяющую позицию, веру, и так далее — только для того, чтобы снова возникнуть, если убежище подверглось нападению, повреждено или разрушено. С этим циклом надежды и отчаяния большинство из нас знакомо. Поиск, мотивом которого является недовольство, может вести лишь к какой-нибудь иллюзии, к иллюзии коллективной или личной, к тюрьме множества привязанностей. Но есть поиск и без всякого мотива вообще; но поиск ли это тогда? Поиск подразумевает — не так ли? — объект, цель, уже известную, прочувствованную или сформулированную. Если она сформулирована, то это расчёт мысли, комбинирующей и соединяющей то, что мысль познала или пережила; для того, чтобы найти то, что ищется, изобретены методы и системы. Но это вообще не поиск, это просто желание достичь удовлетворяющего результата или укрыться в какой-то фантазии или в том, что обещает какая-нибудь теория, какое-нибудь верование. Это не поиск. Когда страх, удовлетворение, стремление уклониться или убежать потеряли свой смысл, есть ли тогда вообще поиск?

Если мотив всякого поиска иссяк, недовольство и жажда успеха умерли, есть ли тогда поиск? И если поиска нет, будет ли сознание деградировать, впадать в застой? Наоборот, именно этот поиск, переход от одного убеждения к другому, от одной церкви к другой, ослабляет ту необычайно важную энергию, которая необходима, чтобы понять то, что есть. То, что есть — всегда ново; его никогда не было и никогда не будет. Высвобождение этой энергии происходит только тогда, когда поиск в любой форме прекращается.

Было безоблачное утро, очень раннее; время, казалось, остановилось. Было четыре тридцать, но время, казалось, потеряло весь свой смысл. Как будто не было ни вчера, ни завтра, ни следующего момента. Время замерло, и жизнь продолжалась без тени, жизнь шла без мысли, без чувства. Тело находилось здесь, на террасе, высокая башня со вспышками предупредительного света была на месте, так же как и дымовая труба; мозг видел всё это, но дальше он не шёл. Время как мера и время как мысль и чувство остановилось. Времени не было; всякое движение прекратилось, но не было и нечего статичного. Наоборот, была необычайная интенсивность и чувствительность, огонь, который горел без жара и цвета. Плеяды были над головой, Орион — пониже, на востоке, а утренняя звезда стояла над крышами. И этот огонь сопровождали радость, блаженство. Дело не в радостном ощущении — был экстаз. Не было отождествления с ним и не могло быть, так как время прекратилось. Этот огонь не мог отождествить себя ни с чем или быть в отношениях с чем-либо. Он был здесь, ибо время остановилось. И наступал рассвет, Орион и Плеяды угасали, а вскоре и утренняя звезда тоже ушла своим путём.

Был жаркий, душный день, даже голуби спрятались; воздух был горячий, и находиться в городе было совсем неприятно. Ночь же была прохладная; несколько звёзд, которые были видны, светились ярко, и даже огни города не могли их затмить. В них была поразительная интенсивность.

Это был день иного; весь день оно спокойно присутствовало, временами вспыхивая, становясь очень интенсивным, затем опять успокаивалось, шло спокойно. Его интенсивность была такой, что всякое движение становилось невозможным и приходилось сидеть. При пробуждении в середине ночи оно было здесь с огромной силой и энергией. На террасе, при шуме города, уже не столь назойливом, всякая медитация стала и неуместной и ненужной, ибо оно присутствовало в полной мере. Это — благословление; — всё же остальное представляется таким глупым и таким инфантильным! В этих случаях мозг всегда очень спокойный, но ни в коем случае не сонный, а всё тело становится неподвижным. Это странно и удивительно.

Как мало меняется человек. Через принуждение в какой-либо форме, давление, внешнее или внутреннее, он изменяется, но на самом деле это только приспособление. Какое-нибудь влияние, слово, жест заставляют его изменить форму привычки, но не так уж сильно. Пропаганда, газета, какой-нибудь инцидент в известной мере изменяют ход жизни. Страх и вознаграждение разрушают привычный образ мыслей лишь для того, чтобы переформировать его, придать ему другую форму. Новое изобретение, новое устремление, новое убеждение приносят определённые перемены. Но всё это изменения на поверхности, как от сильного ветра на воде, они не являются коренными, глубокими, сокрушительными. Всякая перемена, имеющая мотив, — вообще не перемена. Экономическая, социальная революция — это реакция, а всякое изменение, происходящее в качестве реакции, не является радикальной переменой, это только изменение стереотипа, шаблона. Такая перемена — просто приспособление, механическое производное желаний комфорта, безопасности, простого физического выживания.

Что же тогда приводит к фундаментальной трансформации? Сознание, явное и скрытое, — весь механизм мысли, чувства, переживания — заключено в границы времени и пространства. Оно есть неделимое целое; разделение на сознательное и скрытое существует лишь для удобства коммуникации, но это не действительное разделение. Верхний уровень сознания может модифицировать и модифицирует себя, приспособливается, изменяется, реформируется; он овладевает новым знанием, новыми методами; может изменить себя, чтобы соответствовать новой социальной, экономической модели, но такие изменения поверхностны и хрупки. Неосознанное, скрытое, может передавать и передаёт через сны свои требования, свои потребности, свои накопившиеся желания. Сны нуждаются в истолковании, а интерпретатор всегда обусловлен. В снах нет никакой надобности, если в часы бодрствования есть осознание без выбора, при котором каждая мимолётная мысль и чувство поняты; тогда сон имеет совсем другой смысл. Анализ скрытого подразумевает наблюдающего и наблюдаемое, цензора и вещь, о которой судят. И здесь не только присутствует конфликт, здесь и сам наблюдающий обусловлен — и его оценка и интерпретация никогда не может быть верной, она будет искажённой, извращённой. Поэтому самоанализ или психоанализ, осуществляемый кем-то другим, пусть даже и профессионалом, может привести лишь к некоторым поверхностным изменениям, к некоторой сглаживающей корректировке отношений, и тому подобному, однако он не может вызвать радикальной трансформации сознания. Психоанализ не трансформирует сознание.

Ближе к вечеру солнце освещало реку и красно-бурую листву осенних деревьев вдоль длинной аллеи; ярко горели краски в своём удивительном разнообразии; как в огне пылала и узкая полоска воды. Длинная очередь собралась у верфи в ожидании прогулочного судна, и автомобили производили ужасный шум. В жаркий день большой город был почти невыносим; небо было ясное и солнце пекло немилосердно. Но ранним утром, сегодня, когда Орион стоял над головой и лишь один или два автомобиля проехали вдоль реки, на террасе царили покой и медитация при полном раскрытии ума и сердца, граничащем со смертью. Быть полностью раскрытым, полностью уязвимым — это и есть смерть. У смерти тогда нет уголка, где бы она могла скрыться; смерть скрывается только в тени, в тайных убежищах мысли и желания. Но смерть всегда здесь для сердца, которое увяло в страхе и надежде; смерть всегда там, где мысль ждёт и наблюдает. В парке кричала сова, этот звук был приятен для уха — такой ясный и такой ранний; он приходил и уходил с разными интервалами, и казалось, ей нравится собственный голос, на который никто не откликается.

Медитация разрушает границы сознания; она разрушает механизм мысли и чувство, возбуждаемое мыслью. Медитация, подчинённая методу, системе наград и обещаний, уродует, подавляет и разрушает энергию. Медитация — высвобождение энергии в изобилии, — а контроль, дисциплина и подавление загрязняют чистоту этой энергии. Медитация — это пламя, пылающее интенсивно, не оставляя пепла. Слово, чувство, мысль всегда оставляют пепел, и жить на пепелище — путь и образ жизни этого мира. Медитация опасна, ведь она разрушает всё, совершенно ничего не оставляя, даже намёка на желание; и в этой огромной, бездонной пустоте — творчество и любовь.

Если продолжить: психоанализ, личный или профессиональный не приводит к трансформации сознания. Никакое усилие не может трансформировать его; усилие означает конфликт, а конфликт лишь укрепляет стены сознания. Никакой довод, даже логичный и здравый не может освободить сознание, так как довод — это идея, выработанная влиянием, опытом и знанием, а все они — дети сознания. Когда всё это видится как ложное, ложный подход к трансформации, тогда отрицание ложного означает опустошение сознания. У истины нет противоположного, как и у любви; и не следование противоположному ведёт к истине, а только отрицание противоположного. Отрицания нет, если оно — результат надежды или попытки чего-то достичь. Отрицание есть только тогда, когда нет ни награды, ни обмена. Отказ, отречение есть только тогда, когда в акте отказа нет выигрыша, нет приобретения. Отрицание ложного — это свобода от положительного, положительного с его противоположностью. Положительное — это авторитет, с его принятием, подчинением, стремлением соответствовать, подражанием, и опыт с его знанием.

Отрицать — значит оставаться одному; одному, свободным от всякого влияния, традиции и потребности с их зависимостью и привязанностью. Быть одному означает отвергать обусловленность, подоснову. Рамки, в которых сознание существует и имеет своё бытие, — это его обусловленность; осознавать без выбора эту обусловленность и полностью отвергать её — это и значит быть одному. Это не изоляция, не одиночество, не самоизолирующая деятельность. Это и не уход от жизни; наоборот, это полная свобода от конфликта, от скорби, от страха и смерти. Это перемена сознания, полная трансформация того, что было. Это пустота — не позитивное состояние бытия и не состояние небытия. Это пустота; в этом огне пустоты ум делается молодым, свежим, невинным. Только чистота, невинность способна воспринимать вневременное, новое, которое постоянно разрушает себя. Разрушение — это творчество. Без

любви разрушения не бывает.

За пределами огромного, расползающегося города были поля, леса и холмы.

Есть ли будущее? Есть завтра, уже спланированное, определённые вещи, которые должны быть сделаны; есть также и следующий после завтра день, со всем, что должно быть сделано, есть и следующая неделя и следующий год. Их нельзя отменить; возможно, модифицированные, даже совсем изменённые, но многие завтра существуют, это невозможно отрицать. Есть пространство: отсюда до этого места, близко и далеко; расстояние в километрах; пространство между объектами; расстояние, которое мысль покрывает мгновенно; другой берег реки и далёкая луна. Время, чтобы пересечь пространство, расстояние, и время, чтобы пересечь реку; отсюда до того места — время необходимо, чтобы покрыть это пространство, это может занять минуту, день или год. Это время по солнцу или по часам, время, как путь к тому, чтобы что-то наступило. Всё это достаточно просто и ясно. Но есть ли будущее, помимо этого механического, хронологического времени? Есть ли достижение, есть ли цель, для которых время необходимо?

Голуби на крыше появились рано-рано утром; они ворковали, чистились, гонялись друг за другом. Солнце ещё не взошло, и редкие туманные облачка были рассеяны по всему небу; они ещё были бесцветны, ещё не слышно было рёва уличного движения. До появления обычных шумов было ещё много времени, а за всеми этими стенами раскинулись сады. Вчера вечером трава там, где не разрешается ходить никому, кроме, разумеется, голубей и немногочисленных воробьёв, была очень зелёной — поразительно зелёной, — и цветы были очень яркими. Во всех прочих местах находился человек со всей деятельностью и нескончаемой работой. Стояла башня, так прочно и изящно построенная, — вскоре она будет затоплена сияющим светом. Трава казалась обречённой, и цветам предстояло увянуть — ведь осень была повсюду. Но задолго до того, как на крыше появились голуби, на террасе радостью стала медитация. У этого экстаза не было причины — если у радости есть причина, это уже не радость; радость просто была, и мысль не могла захватить её и превратить её в воспоминание. Радость была слишком сильна и активна, чтобы мысль могла играть ею, и мысль и чувство стали совсем спокойными и безмолвными. Она шла волна за волной — живое нечто, которое ничто не могло вместить, удержать, и с этой радостью пришло благословение. Всё это было абсолютно за пределами для всякой мысли и потребности. Существует ли достижение? Достигнуть — быть в скорби и в тени страха. Существует ли внутреннее достижение, достигаемая цель, результат, к которому следует прийти? Мысль означает цель: Бог, блаженство, успех, добродетель и так далее. Но мысль — всего лишь реакция, отклик памяти; и мысль порождает время, необходимое для того, чтобы преодолеть расстояние между тем, что есть и тем, что должно быть. То, что должно быть, идеал, — это нечто словесное, теоретическое, реальности в нём нет. Наличное — фактически существующее — не имеет времени, у него нет цели, чтобы достигать, нет расстояния, чтобы его проходить. Факт существует, а всего остального нет. Факта же не существует без смерти идеала и достижения, цели; идеал, цель — это бегство от факта. Факт не имеет ни времени, ни пространства. И существует ли в таком случае смерть? Существует увядание; механизм физического организма деградирует, изнашивается — это и есть смерть. Но это неизбежно, как неизбежно изнашивается грифель этого карандаша. Это ли вызывает страх? Или же смерть мира, в котором мы чем-то становимся, что-то приобретаем, чего-то достигаем? Этот мир не имеет ценности; это мир воображение, мир бегства. Факт — то, что есть, — и то, что должно быть, — две совершенно разные вещи. То, что должно быть, подразумевает и влечёт за собой время и расстояние, скорбь и страх. Смерть всего этого оставляет только факт — то, что есть. Для того, что есть, нет будущего; мысль, которая порождает время, воздействовать на факт не может; мысль не может изменить факт, она может только бежать от него, а когда всякое стремление

бежать умирает, факт претерпевает громадную трансформацию. Но нужна смерть мысли, которая и есть время. И когда время, как мысль отсутствует — есть ли тогда факт, то, что есть? Когда время как мысль разрушено, нет движения ни в каком направлении, нет пространства, которое нужно покрыть, есть только безмолвие пустоты. Это — полное уничтожение времени в форме вчера, сегодня и завтра, в форме памяти непрерывной преемственности и становления.

Тогда бытие вневременно, лишь действительное, наличное настоящее, но это настоящее не принадлежит времени. Это внимание без границ мысли и барьеров чувства. Слова употребляются для коммуникации, общения; сами по себе слова, символы, вообще не имеют смысла и значения. Жизнь — всегда действенное, наличное настоящее, время же всегда принадлежит прошлому, равно, как и будущему. Смерть времени означает жизнь в настоящем. Именно эта жизнь бессмертна, а не жизнь в сознании. Время — это мысль в сознании, а сознание ограничено своими рамками и своей структурой. В структуре, образуемой мыслью и чувством, всегда присутствует страх и скорбь. Конец скорби — это конец времени.

Был очень жаркий день, и в этом жарком холле при большом стечении народа можно было задохнуться. Но несмотря на всё это и усталость, проснулся в середине ночи — и в комнате было иное. Его интенсивность была огромна, и оно не только наполняло комнату, выходя за её пределы, но и проникало глубоко внутрь мозга, внутрь ума, настолько глубоко, что казалось, будто она проходит всю мысль, пространство, время и идёт дальше. Оно было невероятно сильным и имело такую энергию, что невозможно было оставаться в постели, и на террасе, при свежем, прохладном ветре его интенсивность сохранялась. Это продолжалось почти час с огромной силой и напором; и всё утро оно было здесь. Это не фантазия, не желание, принимающее форму ощущения, возбуждения; не мысль выстроила его из событий прошлого, и никакое воображение не могло бы найти формулу, рецепт этого иного. Станным образом, каждый раз, когда это происходит, это что-то новое, неожиданное и внезапное. Мысль, попытавшись, осознаёт, что не может вспомнить, что было в других случаях, и не может разбудить память о том, что было сегодня утром. Оно — за пределами всякой мысли, желания, воображения. Оно слишком огромно, чтобы мысль и желание могли вызвать его; оно слишком беспредельно, чтобы мозг мог создать его. Оно — не иллюзия.

Странно здесь то, что обо всём этом даже не беспокоишься: если оно приходит, то оно есть, без приглашения; а если нет, остаёшься к этому как-то безразличен. С его красотой и силой нельзя играть; нельзя его призывать, или от него отказываться. Оно приходит и уходит, когда ему угодно.

В это раннее утро, незадолго до восхода солнца, медитация, в которой всякое усилие давно прекратилось, стала безмолвием — безмолвием, в котором нет центра, а потому нет и периферии. Оно было просто безмолвием. У него не было ни качества, ни движения, ни глубины, ни высоты. Оно было совершенно спокойно. Это тот покой, который обладает движением, расширяющимся бесконечно, и измерение его было не во времени и пространстве. Этот покой взрывался, всё время расширяясь. Но у него не было центра; если бы у него был центр, он не был бы покоем, он был бы застойным распадом; он не имел ничего общего с хитростями мозга. Характер того покоя, который может создать мозг, полностью отличается во всех отношениях от покоя, который был здесь этим утром. Это был покой, который ничто не могло нарушить, потому, что в нём не было сопротивления; всё было в нём, и он превосходил всё. Утреннее движение грузовиков, доставляющих в город продукты и прочее, не нарушало этого покоя, как и лучи вращающегося прожектора с высокой башни. Он был здесь, без времени.

Когда солнце всходило, великолепное облако перехватило его, направляя вспышки голубого света поперёк неба. То была игра света со мраком — и эта игра продолжалась, пока фантастическое облако не скрылось за множеством дымовых труб. Как странно мелочен мозг, даже интеллектуально развитый, обученный. Он навсегда останется мелочным, что бы он ни делал; он может добраться до луны и дальше или погрузиться в самые глубокие слои земли; он может изобретать, собирать самые сложные машины, компьютеры, которые будут изобретать компьютеры; он может разрушить и воссоздать себя, но что бы он ни делал, он навсегда останется мелочным. Потому что он может функционировать лишь во времени и пространстве; его философские взгляды скованы его собственной обусловленностью, его теории, его спекуляции созданы из его же хитростей. Он не может убежать от себя, что бы он ни делал. Его боги и спасители, его учителя и лидеры так же малы и мелочны, как и он сам. Если он глуп, он старается стать умным, а то, насколько он умен, оценивается с точки зрения успеха. И он всегда что-то преследует, или что-то преследует его. Его тень — это его собственная скорбь. Что бы он

ни делал, он всегда останется мелочным.

Его действие означает бездействие в занятии самим собой; его реформы всегда нуждаются в дальнейшей реформе. Он скован своим действием и своим бездействием. Он никогда не спит, а его сны — это пробуждение мысли. Будь он активный, будь он благородный или низменный, он — мелочен. Нет конца его мелочности. Он не может убежать от самого себя; его добродетель посредственна, и его мораль посредственна. Есть только одно, что он может делать, — быть полностью и совершенно тихим, спокойным. Этот покой — не сон или лень. Мозг чувствителен, и для того, чтобы оставаться чувствительным, без своих привычных самозащитных реакций и без своих обычных суждений, осуждения, одобрения, единственное, что мозг может сделать, это быть абсолютно спокойным — что означает состояние отрицания, полного отказа от себя и от своей деятельности. В этом состоянии отрицания, он уже не мелочен, он уже не накапливает, чтобы чего-то достичь, чего-то осуществить, чем-то стать. Тогда он то, что он есть: технический, механистичный, изобретательный, защищающий себя, рассчитывающий. Совершенная машина не бывает мелочной, и когда мозг функционирует на таком уровне, он — превосходная вещь. Подобно всем машинам, мозг изнашивается — и умирает. Мелочным он становится тогда, когда начинает исследовать неизвестное — то, что неизмеримо. Его назначение — в известном, мозг не может функционировать в неизвестном. Его творения — в поле известного, но творением непознаваемого ему никогда не овладеть, ни в краске, ни в слове; эта красота ему недоступна. Только когда он полностью спокоен, безмолвен без единого слова и неподвижен без жеста, без движения — тогда есть эта безмерность.

Вечерний свет отражался в реке, и движение на мосту было неистовым, стремительным. Тротуар был полон людей, возвращавшихся домой после работы в конторах. Река поблёскивала, мелкие волны в полном восторге гонялись друг за другом. Вы почти могли их слышать, но ярость уличного движения была слишком велика. Дальше вниз по реке свет на воде менялся, становясь более глубоким и вскоре должно было стемнеть. Луна по ту сторону огромной башни выглядела такой неуместной, такой искусственной; в ней не было реальности, но в высокой стальной башне реальность была; на башне были люди; ресторан наверху освещён — и можно было видеть толпы людей, входящих в него. И поскольку ночь была туманная, лучи вращающихся фонарей светили гораздо ярче, чем луна. Всё казалось таким далёким, кроме башни. Как мало мы знаем о себе! Похоже, мы очень много знаем о других вещах: расстояние до луны, атмосфера Венеры, как делать самые необыкновенные электронные мозги, расщеплять атом, мельчайшие частицы материи. Но о себе мы знаем очень мало. Путешествие на луну волнует гораздо больше, чем погружение в самих себя; может быть, человек ленив или боится, или погружение в себя неприбыльно в смысле денег и успеха. Это — путешествие, гораздо более дальнее, чем на луну; никакие машины не годятся для этого путешествия, никто не может помочь: ни книги, ни теории, ни руководитель. Вы должны совершить это путешествие сами. Вам нужно гораздо больше энергии, чем для изобретения и сборки огромной машины. Вы не можете получить эту энергию с помощью какого-нибудь лекарства или наркотика, каких-то отношений, контроля или отречения. Никакие боги, ритуалы, верования, молитвы не могут дать её вам. Наоборот, в самом акте отбрасывания всего этого, в осознании смысла всего этого, энергия начинает проникать в сознание и за его пределы.

Вы не можете купить эту энергию накоплением знания о себе. Накопление в любой форме и привязанность к нему уменьшает и извращает эту энергию. Знание о себе связывает, отягощает, тянет вниз; тогда уже нет свободы движения, и вы действуете и движетесь в границах данного знания. Изучать себя — это не то же самое, что накапливать знания о себе. Изучение себя — это живое настоящее, а знание — это прошлое; если вы изучаете, чтобы накапливать, то это перестаёт быть познанием нового; знание статично, к нему можно добавить или отнять от него, а познание нового активно, к нему ничего нельзя добавить, от него ничего нельзя отнять, потому что в нём никогда нет накопления. Познание, изучение себя не имеет ни начала, ни конца, — тогда как знание имеет. Знание конечно, а изучение, познание — бесконечно.

Вы — накопленный результат многих тысяч веков существования человека, его надежд и желаний, его вины и тревог, его верований и богов, его достижений и разочарований; вы — всё это и ещё множество добавлений к этому, сделанных в новейшие времена. Изучение всего этого глубоко внутри и на поверхности, — не просто словесные или интеллектуальные формулировки очевидного, не просто выводы. Изучение означает переживание этих фактов эмоционально и непосредственно; необходимо входить в контакт с ними не теоретически, словесно, а фактически, как голодный человек.

Изучение невозможно, если существует учащийся; учащийся — это накопленное, прошлое, знание. Существует разделение между учащимся и тем, что он изучает, и потому между ними есть конфликт. Этот конфликт разрушает, уменьшает энергию, необходимую для изучения, прослеживания до конца всего состава и строения сознания. Выбор означает конфликт, выбор препятствует видению; осуждение и оценка также мешают видению. Когда факт увиден, понят не словесно, не теоретически, а действительно увиден как факт, тогда изучение идёт от момента к моменту. Тогда нет конца изучению, познанию; только изучение или познание важно, а не

неудачи, успехи или ошибки. Есть только видение — нет видящего и увиденного. Сознание ограничено; сама его природа есть ограничение; оно функционирует в рамках своего существования, то есть опыта, знания, памяти. Изучение такой обусловленности разрушает эти рамки, структуру; тогда мысль, чувство имеют свои ограниченные функции; и они тогда не могут вмещаться в более широкие, более глубокие стороны жизни. Где заканчивается это с его тайными и явными происками, с его неудержимыми желаниями, с его потребностями, с его радостями и его печалью, там начинается движение жизни, которое за пределами времени и зависимости от него.

Там есть маленький мост через реку, только для людей, и на нём довольно спокойно. Река была полна света, и большая баржа, наполненная песком, привезённым с побережья, двигалась вверх по течению; это был мелкий, чистый песок. Куча песка была специально насыпана в парке, чтобы дети могли играть в песке. Там было несколько детей, они делали глубокие тоннели и большой замок со рвом, получая огромное удовольствие. День был приятный и достаточно прохладный, солнце не слишком жаркое, в воздухе ощущалась влажность; ещё больше деревьев стало коричневатыми и жёлтыми, пахло осенью. Деревья готовились к зиме; многие ветви были уже голыми и чернели на фоне бледного неба; у каждого дерева свой оттенок разной интенсивности, от красно-коричневого до бледно жёлтого. Даже в умирании они были прекрасны. Это был приятный вечер, полный света и мира, несмотря на рёв уличного движения.

На террасе есть цветы, и этим утром жёлтые были ярче и живее, чем когда-либо; в раннем утреннем свете они выглядели более пробуждёнными, более яркими, чем их соседи. Восток начинал светлеть, и в комнате было иное; оно было здесь уже несколько часов. При пробуждении среди ночи оно было здесь, как нечто совершенно объективное, что не могли произвести ни мысль, ни воображение. И опять тело при пробуждении было совершенно спокойно, так же, как и мозг. Мозг был не сонным, а очень пробуждённым, наблюдающим, следящим без всякой интерпретации. Это была сила недостижимой чистоты, её энергия поражала. Она была здесь, всегда новая, всегда пронзительная. Была она не только снаружи, в комнате и на террасе, она была внутри и снаружи, но без разделения. Это было нечто, чем были захвачены целиком ум и сердце; и ум и сердце перестали существовать.

Нет никакой добродетели, только смирение; где оно есть, там вся добродетель. Общественная мораль — не добродетель, она — просто приспособление к стереотипу, и этот стереотип варьирует и меняется соответственно времени и климату. Общество и организованная религия сделали её уважаемой, но она — не добродетель. Мораль, в каком виде она признаётся и церковью и обществом, — это не добродетель; моральность строится, она подчиняется правилам, её можно изучать и практиковать, её можно внедрять с помощью награды и наказания, с помощью принуждения. Влияние формирует мораль, так же как и пропаганда. В структуре общества есть разные степени морали, разных оттенков. Но это не добродетель. Добродетель не зависит от времени и от влияния, её невозможно культивировать; она — не результат контроля и дисциплины, она вообще не результат, так как не имеет причины. Её нельзя сделать респектабельной. Добродетель не разделяется на милосердие, благотворительность, братскую любовь и так далее. Она — не продукт окружения, общественного братства или бедности, влияния монастыря или какой-то догмы. Она не порождается изодранным мозгом, она — не производное мысли и эмоции; и она — не бунт против общественной морали с её респектабельностью; бунт — это реакция, а реакция есть модифицированное продолжение того, что было.

Смирение нельзя культивировать; и если его культивируют, это — гордость, облачившаяся в плащ смирения, которое стало респектабельным. Тщеславие никогда не станет смирением, не более чем любовь может стать ненавистью. Насилие не может стать ненасилием; насилие должно прекратиться. Смирение — не идеал, которому можно следовать; идеалы не обладают реальностью; лишь то, что есть имеет реальность. Смирение — не противоположность гордости; у смирения нет никакой противоположности. Все противоположности взаимосвязаны, а смирение не имеет связи с гордостью. Гордость должна закончиться — не от решения или дисциплины, или ради какой-то выгоды; она прекращается только в пламени внимания — не в

противоречии и смятении концентрации. Увидеть гордость внешне и внутренне, во множестве форм, — значит покончить с ней. Видеть её — значит быть внимательным к каждому движению гордости; во внимании нет выбора. Внимание есть только в действительном, живом настоящем, его невозможно тренировать; если это сделать, оно становится ещё одной хитроумной способностью мозга, а смирение не бывает продуктом такой способности. Внимание существует, когда мозг полностью спокоен, когда он живой и чувствительный, но спокойный. Тогда нет центра, из которого идёт внимание, — в то время, как концентрация имеет центр с его исключениями. Внимание, полное и мгновенное видение всего значения и смысла гордости, кладёт гордости конец. Это пробуждённое «состояние» и есть смирение. Внимание — добродетель, так как в нём расцветает доброта и милосердие. Без смирения нет добродетели.

Было жарко и довольно душно даже в садах; столь долгая жара была необычна. Хороший дождь и прохладная погода будут приятны. Траву в садах поливали, и она, несмотря на жару и отсутствие дождей, была яркой и блестящей, а цветы были ослепительны; некоторые деревья стояли в цвету не вовремя, ведь скоро здесь будет зима. Голуби бродили повсюду, пугливо избегая встречи с детьми; некоторые дети гонялись за ними для забавы — и голуби это знали. Солнце было красным в душном, тяжёлом небе; не было никаких красок, за исключением цветов и травы. Река была мутной и вялой.

Медитация в этот час была свободной, и она была подобна входу в мир красоты и покоя; это мир без образа, символа или слова, без волн памяти. Любовь была смертью каждую минуту, и каждая смерть была обновлением любви. Она не была привязанностью, у неё не было корней; она расцвела без причины — это было пламя, которое сожгло все границы, все тщательно выстроенные загородки сознания. Это была красота за пределами мысли и чувства; она не создавалась на холсте, в словах или в мраморе. Медитация была радостью, и с ней пришло благословение.

Это очень странно, как каждый человек жаждет власти, — власти денег, положения, способности, знания. В достижении власти присутствует конфликт, смятение, скорбь. Её ищут, к ней стремятся отшельник и политик, домашняя хозяйка и учёный. Они будут убивать и уничтожать друг друга, чтобы получить её. Аскеты достигают этой власти самоотречением, контролем, подавлением; политик добывает власть словом, способностью, хитроумием; тот, кто господствует над своей женой или мужем, чувствует эту власть; священник, который принял, взял на себя обязанности своего бога, знает эту власть. Каждый к этой власти стремится или хочет быть связанным с властью, божественной или мирской. Власть порождает авторитет, и с ним приходят конфликт, смятение и скорбь. Авторитет развращает того, кто имеет его, тех, кто близок к нему, или к нему стремится. Власть священника, домашней хозяйки, лидера и эффективного организатора, святого или местного политика есть зло; чем больше власть, тем больше зло. Это болезнь, поражающая каждого человека, — болезнь, которую он холит и лелеет. С ней всегда приходит бесконечный конфликт, смятение, скорбь. Но никто не готов отказаться от неё, отбросить её в сторону.

С ней идут честолюбие и успех и безжалостность, которые сделаны респектабельными, а потому приемлемыми. Каждое общество, каждый храм и каждая церковь даёт своё благословение ей, и потому любовь извращается, уничтожается. И зависть становится почитаемой, а конкуренция оказывается моральной. Со всем этим приходят страх, война и скорбь, но всё-таки ни один человек от этого не откажется. Отвергнуть власть в любой форме — это начало добродетели; добродетель — это ясность, она упраздняет конфликт и скорбь. Эта разлагающая энергия с её бесконечными хитроумными делами всегда приносит своё неизбежное зло и несчастье; и этому нет конца; сколько бы её не преобразовывали, ни ограничивали законом или моральными установлениями, она найдёт себе выход тайно и непредвиденно. Ибо она здесь, скрытая в тайных углах мыслей и желаний человека. Именно их нужно рассмотреть и понять, чтобы не было конфликта, смятения и скорби. Каждый человек должен это сделать, не через другого, не с помощью какой-то системы наград и наказаний. Каждый должен осознать своё собственное устройство, свою структуру. Видеть то, что есть, означает окончание того, что есть.

С полным окончанием этой власти, с её смятением, конфликтом и скорбью, каждый видит, что он собой представляет, — пучок воспоминаний и всё углубляющееся одиночество. Желание

власти и успеха есть бегство от этого одиночества и от того праха, того пепла, каковыми являются воспоминания. Чтобы выйти за пределы, человек должен видеть это, встретить это лицом к лицу, и ни в коем случае не убегать от этого, осуждая или боясь того, что есть. Страх возникает только в самом акте бегства от факта, от того, что есть. Необходимо целиком и полностью, добровольно и легко отбросить власть и успех, и тогда в наблюдении, в видении, в пассивном осознании без выбора этот пепел и одиночество приобретают совершенно другой смысл. Жить с чем-то — значит это любить и не быть привязанным. Чтобы жить с пеплом одиночества, нужна огромная энергия, и эта энергия приходит, когда нет страха.

Когда вы пройдёте через это одиночество — как прошли бы через физическую дверь, — вы осознаете, что вы и одиночество едины, что вы — не наблюдающий, следящий за этим чувством, которое находится за пределами слова. Вы — оно. Вы не можете уйти от него, как это делали раньше, пользуясь множеством тонких способов. Вы и есть это одиночество; и нет никакого способа избежать его, и ничто не может скрыть его или заполнить. Только тогда вы живёте с ним; оно — часть вас, оно — одно целое с вами. И никакое отчаяние или надежда не могут изгнать его, равно как и никакой цинизм и интеллектуальные ухищрения. Вы есть это одиночество, — пепел, который когда-то был огнём. Это — полное одиночество, неизлечимое и недоступное никакому воздействию. Мозг не может больше изобретать пути и способы бегства; мозг — создатель этого одиночества, он создаёт его своей беспрестанной деятельностью по самоизоляции, защите и агрессии. Когда мозг осознаёт это — негативно, и без всякого выбора, — тогда он готов умереть, быть абсолютно безмолвным.

Из этого одиночества, из этого пепла рождается новое движение. Это движение уединённости. Это то состояние, когда все влияния, всякое принуждение и все виды поиска и достижения естественно и полностью прекратились. Это — смерть известного. Только тогда совершается не имеющее конца путешествие в непознаваемое. Тогда есть мощь, чья чистота есть творчество.

Там был красиво содержащийся газон, не очень большой и невероятно зелёный; он находился за железной оградой, хорошо увлажнённый и тщательно ухоженный, выровненный, ослепительно живой и сверкающий в своей красоте. Ему было, должно быть уже много сотен лет; даже кресла не стояло на нём, уединённом и охраняемом высокой и узкой оградой. В конце газона рос единственный розовый куст с единственной красной розой в полном цвету. Это было чудо — мягкий газон и единственная роза; они были далеки от всего мира шума, хаоса и страдания; хотя и помещённые сюда человеком, они были самыми прекрасными вещами, далеко превосходящими башни и грациозную линию мостов. Они были великолепны в своём великолепном уединении. Они были тем, чем были: травой и цветком, и ничем больше. Были в них великая красота и спокойствие, и достоинство чистоты. Был жаркий день, без ветра, и запах выхлопных газов такого множества автомобилей стоял в воздухе, но у травы был свой запах, и почти можно было различить аромат одинокой розы.

Когда проснулся так рано, с полной луной, глядящей в комнату, качество мозга, рассудка было совсем другим. Мозг, рассудок не спал и не отяжелел ото сна, он был полностью пробуждённым, бдительным, но он наблюдал не себя, а что-то за пределами самого себя. Он осознавал, он осознавал себя как часть всего движения ума. Рассудок функционирует во фрагментах — рассудок функционирует в части, в разделении. Он классифицирует. Он никогда не бывает целым; он пытается охватить целое, но понять его он не может. По самой своей природе мысль неполна, как и чувство; мысль — отклик памяти — может функционировать только в вещах известных, или интерпретировать, исходя из того, что она знает, из знания. Рассудок — это продукт специализации; он не может выйти за пределы себя. Он разделяет и специализируется: учёный, художник, священник, адвокат, техник, фермер. Функционируя, он проектирует собственный статус, привилегии, власть, престиж. Функционирование и статус идут вместе, так как рассудок — это самозащищающийся организм. С требования статуса начинаются противостояние и противоречивые элементы в обществе. Специалист не может видеть целого.

Медитация — это цветение понимания. Понимание не заключено внутри границ времени; время никогда не приносит понимания. Понимание — не постепенный процесс, его нельзя собирать понемногу с заботой и терпением. Понимание есть сейчас или никогда; понимание — разрушающая вспышка, а не что-то ручное; оно — то потрясение, которого человек боится и потому избегает — сознательно или бессознательно. Понимание может изменить ход человеческой жизни, образ мыслей и действия; оно может быть приятным или же неприятным, но понимание — опасность для любых отношений. Но без понимания скорбь будет продолжаться. Скорбь завершается только через самопознание, осознание каждой мысли и чувства, каждого движения того, что сознаётся и того, что скрыто. Медитация — понимание сознания, скрытого и явного, и движения, происходящего за пределами всех мыслей и чувств.

Специалист не может воспринять целое; его небо — то, в чём он специализируется, но небо его — ничтожный продукт мозга, небо религии или небо техника. Способность, дарование, несомненно вредны, ибо усиливают эгоцентризм; они фрагментарны и тем самым порождают конфликт. Способность имеет значение только при полном, целостном восприятии жизни, которое в поле ума, а не рассудка. Способность и её функционирование ограничены мозгом, рассудком и потому она становится безжалостной, безразличной к целостному процессу жизни. Способность порождает гордость и зависть, реализация же её становится чрезвычайно важной и потому приносит смятение, вражду и скорбь; она имеет свой смысл лишь в целостном осознании жизни. Жизнь идёт не просто на каком-то фрагментарном уровне: хлеб, секс, благополучие, честолюбие; жизнь не фрагментарна, а когда её делают такой, она полностью превращается в поле отчаяния и бесконечного несчастья. Рассудок функционирует в специализации фрагмента, в самоизолирующей деятельности и в пределах ограниченного поля времени. Он не способен видеть жизнь в целом; рассудок — это часть, каким бы образованным он ни был; рассудок — не целое. Только ум видит целое — и рассудок пребывает внутри поля ума; рассудок не может содержать в себе ум, что бы он ни делал.

Для того, чтобы видеть целое, рассудок должен быть в состоянии отрицания. Отрицание не является противоположностью утверждения; все противоположности взаимосвязаны. Отрицание не имеет противоположного. Для полного видения рассудок должен быть в состоянии отрицания; он не должен вмещиваться со своими оценками и оправданиями, со своим суждением и защитой. Он должен быть безмолвным, не сделан безмолвным путём какого-то принуждения, потому что тогда это мёртвый рассудок, только подражающий и соответствующий. Когда рассудок в состоянии отрицания — он безмолвен без выбора. Только тогда есть полное видение. В этом полном видении, которое является свойством ума, не видящего, нет наблюдающего, нет переживающего есть только видение. Ум тогда полностью пробуждён. В этом полностью пробуждённом состоянии нет наблюдающего и наблюдаемого, есть только свет и ясность. Противоречие и конфликт между мыслящим и мыслью прекращаются.

ДЖИДДУ КРИШНАМУРТИ

Что заставляло несколько поколений слушателей на протяжении более шестидесяти лет принимать участие в беседах Кришнамурти? На эти "странные шоу", как называл их сам выступавший, съезжались тысячи людей. И хотя самые многочисленные аудитории собирались, конечно, в Индии, — там на одной беседе могло присутствовать и до десяти тысяч человек, — его беседы в Европе и Америке также привлекали огромное число почитателей. Даже в Бразилии на встречи с ним собиралось по несколько сот человек; большинство из присутствующих не понимало английского, языка, на котором говорил Кришнамурти, но во время всей беседы они как замороженные следили за его выступлением.

Необычайная творческая атмосфера была присуща всем беседам Кришнамурти, но были среди них и особенно запоминающиеся, когда удивительная сила, исходившая от него, помогала словам проникать непосредственно в души людей и уже во время встречи способствовала более тонкому восприятию ими мира и расширению их сознания. Естественно, что после таких сильных и волнующих переживаний многие слушатели искали возможность получить записи этих бесед, но подчас их ждало разочарование: не всегда опубликованный текст оказывал такое же магическое воздействие на читателей.

Встреча обычно начиналась с того, что Кришнамурти, стараясь не привлекать к себе внимания, выходил на сцену, садился на стул, подкладывая под себя руки и внимательно вглядываясь в собравшихся. Долгое молчание было наполнено особым смыслом: аудитория, подобно огромному музыкальному инструменту, настраивалась на особый лад. Затем безмолвие нарушалось: Кришнамурти начинал говорить. Речь его никогда не воспринималась как заранее подготовленное выступление профессионального оратора. Построенные на импровизации беседы Кришнамурти требовали от слушателя не запоминания, а со-участия. Высказав определённую мысль, он замолкал, иногда надолго, и внимательно вглядываясь в аудиторию, старался почувствовать её реакцию. Простое декларирование своих идей никогда не было целью его бесед — он стремился к тому, чтобы непосредственно во время общения слушатели осознали бы всю глубину и важность поставленных перед ними проблем, поэтому он часто обращался к слушателям с вопросом: "Мы вместе сейчас?" — и улыбался, терпеливо ожидая ответной реакции аудитории, с напряжённым вниманием следящей за ходом его мыслей.

Иногда выступления состояли только из ответов на присланные ему вопросы, которые он никогда не прочитывал заранее. Для него гораздо важнее и интереснее было обдумывать вопрос вместе с аудиторией; это была своего рода игра. Кришнамурти дважды зачитывал вопрос вслух, затем следовала обычная для него продолжительная пауза, после которой Кришнамурти начинал отвечать. Вопросы иногда могли быть самыми заурядными, но ответы такими ни были никогда. А такие высказывания Кришнамурти как: "Идеалы — жестокая вещь", "Несчастливой любви не бывает", "Я попробую измениться — самое отвратительное заявление на свете" — сначала озадачивали, а затем способствовали трансформации сознания слушателей.

На вопрос «Интересно, что вы действительно подразумеваете под "концом мысли"?...» Кришнамурти отвечал так: "Очень просто, мысль — отклик памяти, прошлого. Когда работает мысль — это работает прошлое, проявляющее себя как память, опыт, знание, возможность. Когда действует мысль — это действует прошлое, поэтому вообще нет никакой новой жизни; это прошлое живёт в настоящем, видоизменяя себя и настоящее. Поэтому ничего нового в такой жизни нет, и только при отсутствии прошлого происходит что-то новое... в действительности это вопрос самой жизни. Либо вы живёте в прошлом, либо вы живёте совершенно по-другому..."

Настаивая на революционном преобразовании сознания и психики, столь необходимым для

выживания людей в этом сложном, агрессивном, полном хаоса и насилия мире, Кришнамурти говорил: "Нет смысла заявлять: «Я попробую измениться» или «Я буду другим завтра», поскольку ваше завтра определяется вашим сегодня". И Кришнамурти продолжал неустанно повторять: "Будущее — сейчас".

Вообще, выступления Кришнамурти оставляли у слушателей такое же впечатление, какое возникает после прослушивания музыкального произведения. Сначала задавалась тема произведения, затем она разрабатывалась и повторялась в другой тональности; фразы, высказанные энергично, темпераментно, сопровождались паузами, так необходимыми для более глубокого восприятия сказанного, а затем, в течение какого-то времени речь лилась плавно. Иногда Кришнамурти жестикулировал то одной, то другой рукой и улыбался так, что это сразу приносило светлую радость в атмосферу беседы. А красота и благородные манеры выступавшего усиливали ощущение встречи слушателей с прекрасным и вечным.

Один из друзей оставил для нас такое описание Кришнамурти: "Что вы видите при встрече с ним? Поистине, в высшей степени, благородство и силу, изысканную любезность и элегантность. Утончённое воспитание и повышенное эстетическое чувство, необычайную чувствительность и проникновение вглубь любой проблемы, стоящей перед ним... он входит в комнату — и это означает, что в комнате появился некто совершенно удивительный".

Если выступление проходило в закрытом помещении, Кришнамурти покидал зал так же тихо, незаметно, как и появлялся в самом начале встречи. Если же беседа проводилась на открытом воздухе, уйти незамеченным было не так-то просто; особенно восторженно вела себя индийская аудитория: люди падали ниц, пытались дотронуться до одежды Кришнамурти, протягивали руки в открытое окно отъезжавшей машины. Кришнамурти был очень скромн, и такие бурные проявления чувств его неизменно смущали.

Джидду Кришнамурти родился в Индии, недалеко от Мадраса, в 1895 году. Восьмой ребёнок в бедной брахманской семье, он был назван в честь бога Кришны, которому поклонялась его мать и который, согласно преданию, тоже был восьмым ребёнком в семье. Мать чувствовала необыкновенную духовную одарённость мальчика и пыталась уберечь сына от грубого вмешательства внешнего мира. К несчастью, она умерла рано, и все заботы о семье легли на плечи отца, теософа. Он обратился за поддержкой к своим единомышленникам и после неоднократных просьб получил место помощника секретаря в Адьяре, где располагался Центр Теософского общества.

Переезд семьи в Адьяр сыграл решающую роль в судьбе маленького Кришны: руководители Теософского общества уже давно искали мальчика для выполнения высокой миссии — стать проводником Мирового Учителя, пришествие которого предсказывалось ими в самое ближайшее время. Поиск подходящего кандидата был поручен Ледбитеру, известному теософу, обладавшему даром ясновидения; выбор пал на Кришну, необычного четырнадцатилетнего юношу, "с самой удивительной аурой из всех, какие только ему довелось увидеть, совершенно лишённой эгоизма".

Теперь воспитанием и образованием будущего мессии стала руководить сама Анни Безант — президент Международного Теософского общества, яркая, незаурядная личность. Для продолжения образования Кришну увезли в Англию.

Чтобы подготовить человечество к явлению Мирового Учителя, теософы учредили Орден Звезды — организацию, насчитывавшую со временем десятки тысяч членов по всему миру. Главой ордена и стал семнадцатилетний Кришна.

Однако, повзрослевший юноша, неустанно продолжая поиск Истины, приобрёл собственный духовный опыт и стал постепенно отходить от теософов. В 1929 году в своей заключительной речи, прощаясь с теософами, он сказал: "Веру невозможно организовать, она

глубоко индивидуальна... вы можете продолжать создавать новые организации и ожидать прихода кого-нибудь ещё. Но ни новые клетки, ни новые декорации к ним меня не интересуют. Единственное, чем я действительно озабочен, — это как добиться освобождения человека полностью и безусловно". К большому огорчению большинства членов Ордена, Кришнамурти отказался от возложенной на него миссии и распустил организацию, вернув все деньги, все земли и замки, поступившие на его имя.

Кришнамурти недолго оставался в одиночестве: у него появились новые многочисленные последователи. С тех пор публичные выступления стали главным делом его жизни, которому он отдавал все свои силы; везде, где бы ни появлялся Кришнамурти, его встречали как признанного духовного учителя. Индиец по рождению, получивший европейское образование в Англии, он всегда совершенно свободно общался с любой аудиторией, и никогда не возникало никакого барьера между Кришнамурти и его собеседником. Кришнамурти встречался со студентами, выступал на семинарах психологов и конференциях учёных. Главы правительств и королевы, деловые люди и выдающиеся учёные, именитые писатели и артисты и, конечно, самые простые люди, не обладавшие ни званиями, ни привилегиями, искали возможность поговорить с Кришнамурти.

Регулярные циклы бесед ежегодно проводились в Саанене (Швейцария), в Охайе (Калифорния, США), в Броквуд Парке (Хемпшир, Англия) и, конечно же, в Индии. Перечисление же всех тех мест, больших и малых городов мира, где Кришнамурти когда-либо проводил беседу или давал частное интервью, заняло бы слишком много места.

Когда он был молод, им восхищался Леопольд Стоковский, Антуан Бурдель и Бернارد Шоу, назвавший его «самым прекрасным человеческим существом, какое он когда-либо видел». Среди его друзей были Джавахарлал Неру, Пабло Козальс и Олдос Хаксли, убедивший Кришнамурти в необходимости записывать свои размышления. Так в 1956 году увидела свет его знаменитая книга-эссе "Первая и последняя свобода", — книга, с которой началась писательская деятельность Кришнамурти.

Позже его друзьями стали Индира Ганди, лауреат Нобелевской премии в области медицины Морис Уилкинсон, биолог Теренс Шелдрейк и другие выдающиеся личности. Общение с неординарными людьми действовало на Кришнамурти стимулирующее, так, например, его беседы с профессором физики Дэвидом Бомом легли в основу книги "Конец времени".

Далай Лама Тенцин Гуатсо после встречи с Кришнамурти выразил своё впечатление о нём в одной короткой фразе: «Великая душа, великий опыт».

После смерти Кришнамурти остались его дневники, записи бесед, книги. Остались ещё основанные им восемь школ, расположенные в самых живописных уголках мира и носящих его имя. Шесть из них находятся в Индии, одна в Англии и одна в Америке, в Калифорнии. Они работают и по сей день.

Кришнамурти всегда придавал огромное значение воспитанию подрастающего поколения, и даже перед самой смертью он диктовал рекомендации учителям, как лучше организовать учебный процесс. Образовательные центры, по его мнению, должны были заниматься воспитанием цельного человека, не озабоченного эгоистической деятельностью, и помочь как ученику так и учителю раскрыть свои способности.

До самого конца жизни Кришнамурти оставался учителем, его последним учеником оказался лечивший его врач.

Кришнамурти умер во сне на девяносто первом году жизни, в своём коттедже в Охайе. Несмотря на то, что личная слава никогда не интересовала Кришнамурти, его популярность росла и продолжает расти из года в год.

Кришнамурти решительно возражал не только против создания какой-либо организации

людей, считающих себя его последователями: "... организации обычно приглашают саму вещь", но также против различных толкований и комментариев его учения. Воздержимся и мы от каких-либо комментариев. "Гору нельзя спустить в долину, на неё необходимо подняться".

Лейла Янгузарова

БЕСЕДЫ КРИШНАМУРТИ

Проводя беседу с большой аудиторией, Кришнамурти как правило подолгу говорил один. Однако, это никогда не было ни выступлением, ни лекцией, где выступающий делится со слушателями своими знаниями, инструктирует, советует, выдвигает свои мнения или убеждает. Кришнамурти смотрел на беседу как на совместное изучение сложных проблем жизни. При совместном исследовании и тот, кто говорит, и тот, кто слушает продвигаются по пути выяснения очередной проблемы вместе, предельно внимательно, с осторожностью, крайне осторожно, шаг за шагом — и всё время вместе. И хотя почти всё время аудитория слушала молча, Кришнамурти ни на миг не прекращал такое *совместное* изучение проблемы. Слова ведущего беседу могут лишь освещать ситуацию, но увидеть и понять слушающий может только сам; и Кришнамурти делал всё, чтобы понимание это возникало в сам момент обсуждения проблемы, предоставляя слушателю, в частности, достаточно времени для глубокого восприятия услышанного — Кришнамурти говорил очень спокойно, медленно, без спешки, выдерживая достаточно длинные паузы, — и не только после *каждой* своей фразы, но часто и внутри самой фразы. Паузы эти занимали значительную часть — почти половину! — всего времени беседы, но именно эти паузы и позволяли вниманию слушающего продвигаться вместе с ведущим беседу, не отставая от него, не проскакивая мимо смысла.

Всё это хорошо видно на видеопросмотрах бесед Кришнамурти — но читателю текста, к сожалению, этого не видно. Чтение текста беседы Кришнамурти «обычным образом», просто подряд фраза за фразой, без столь важных пауз, что так обильно пронизывали живую речь Кришнамурти, лишает читателя того совместного исследования, ради которого Кришнамурти и проводил свои беседы.

С появлением видеотехники все беседы Кришнамурти, где бы они ни проводились, записывались на видеоплёнку; существует более пятисот записей бесед последних пятнадцати лет жизни Кришнамурти. Впечатление от видеопросмотра беседы Кришнамурти намного глубже, чем от одного лишь текста беседы; важно не только то, что он говорит, но и *как* он это говорит, и весь его облик, чистый, совершенно не озабоченный собой, и само молчание Кришнамурти во время пауз. И только после просмотров этих видеобесед становится ясно, как правильно читать Кришнамурти — не только тексты его бесед, но и всё, написанное им самим: записные книжки, дневники, книги.